НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ ЧУВАШСКОЙ АССР

В. Г. ЕГОРОВ

СОВРЕМЕННЫЙ ЧУВАШСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

Второе, исправленное издание

ЧУВАШСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Чебоксары — 1971

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ ЧУВАШСКОЙ АССР

В. Г. ЕГОРОВ

СОВРЕМЕННЫЙ ЧУВАШСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

Второе, исправленное издание

ЧУВАШСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Чебоксары — 1971

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ ЧУВАШСКОЙ АССР

В. Г. ЕГОРОВ

СОВРЕМЕННЫЙ ЧУВАШСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

Второе, исправленное издание

ЧУВАШСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Чебоксары — 1971

4С(Чув)
Е 30

7—1—3
173—70М

ПРЕДИСЛОВИЕ

Чувашский язык, несмотря на то, что письменность на
зародилась в 70-х годах прошлого столетия, развивался
слабо. В силу цензурных условий на чувашском языке
издаваться тогда только книги религиозно-нравственного с
жания и переводы мелких брошюр по гигиене и сельском
зяйству. После первой русской революции 1905 года появ
лишь несколько художественных произведений, в том числ
ма К. В. Иванова «Нарспи».

Только Великая Октябрьская социалистическая револ
создала благоприятные условия для более интенсивного р
тия чувашского языка. Благодаря неуклонному и последова
ному проведению Коммунистической партией и Советским
вительством ленинской национальной политики и чуваш
народ стал на путь свободного строительства своей куль
национальной по форме и социалистической по содерж
В советскую эпоху чувашский язык сильно обогатился за
слов, созданных на базе основного словарного фонда по
тренним законам своего развития, а также за счет заимст
ний. За это время он достиг значительного совершенства
стилистическом отношении: стал более гибким и выразн
ным.

В настоящей работе автор поставил себе задачу оп
словарный состав и фонетику чувашского языка, вскрыть с
турное своеобразие и внутренние закономерности, выделя
чувашский язык из ряда других тюркских языков, дать воз
ность читателям ознакомиться с нормами современного ч
ского литературного языка и вызвать интерес к дальней
более углубленному изучению и научной разработке очере
проблем чувашского языкознания.

Двойные гласные *аа, оо, уу*... в киргизском, туркменс
якутском языках означают долгие гласные.

За неимением шрифта не могли точно передать юс бол
фрикативное *г* (набирали литерой взрывного *г*).

А

1. ЧУВАШСКИЙ ЯЗЫК—ОДИН ИЗ ДРЕВНЕЙШИХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ.

1. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЧУВАШЕЙ.

Трудности решения вопроса. Ввиду полного отсутствия исторических данных о чувашах решение вопроса о происхождении и этнической принадлежности их представляет большие трудности. В настоящее время, хотя и окончательно установлено, что чувашский язык по своему словарному составу и грамматическому строю принадлежит к тюркским языкам, вопрос о происхождении его, о первоначальном субстрате еще остается открытым, спорным из-за отсутствия древних памятников языка и исторических данных. В течение целого ряда веков чуваши оставались в полном забвении и неизвестности, как бы в положении народа без роду и племени. Обошел их полным молчанием готский историк VI века Иордан, отметивший в своем сочинении «De origine actibusgue Getarum» соседящие с чувашами народности — черемис и мордву. Ничего не говорит о чувашах и хазарский каган Иосиф в своем известном письме (X в.) к испанскому вельможе Хасдаю Ибн-Шафруте, где перечисляются платившие ему дань народы Поволжья: буртасы, булгары, суварыы, ариса (т. е. эрзя), цармис (т. е. черемисы) и др.[1] Умалчивает о них и «Начальная летопись», где под 859 годом читаем: «А се суть инии языци, иже дань дають Руси: Чудь, Меря, Весь, Мурома, Мещера, Черемиса, Мордва»; не упоминают о них и арабские писатели и географы средних веков Ибн-Фадлан, Мукадесси, Истахри, Якут и др. Непосредственное упоминание о чувашах появляется только с XVI века в связи с наступательным движением русского войска по Волге к Казани. Даже после вступления чувашей в состав Русского государства их долго смешивали с марийцами (черемисами). Напр., в «Сказании о взятии Казани» — памятнике XVI века — читаем: «Егда же переплавишася Суру реку, тогда и Черемиса горняя, а по их Чуваша зовомые, язык особливый, начаша встречати по пяти

[1] П. К. Коковцов. Еврейско-хазарская переписка в X в. Изд. Академии наук. 1932, стр. 89.

сот и по тысяще их, аки бы радующеся цареву пр
В русских исторических документах XVI, XVII и
XVIII века до первой ревизии (1722 г.) чувашей част
также с татарами.

Все это сильно затрудняло правильное реше
о происхождении чувашей и языка их. Многие истор
фы и лингвисты интересовались этим вопросом и
за него, но не могли прийти к определенному, боле
удовлетворительному решению. Например, академи
все писавшие о чувашах на основании его «Описани
вия»[2], а также историки Н. М. Карамзин[3] и Н.
причисляли чувашей к финскому племени. Казанска
ница А. Фукс[5] и мадьярский этнограф Hunfalvy сч
шей потомками древних хазар[6], казанский этнограф
относил их к буртасам. А иные историки не прочь бы
в них потомков грозных авар, появившихся в юж
в половине VI века и наводивших ужас на некоторые
племена[8].

Теория булгарского происхождения чувашей. Н
популярностью в ученом мире, однако, пользовалась
него времени теория булгарского происхождения чу
зарождается в 30-х годах XVIII столетия. В пользу
первый высказался историк В. Н. Татищев. Он в свое
российской с самых древнейших времен» признает
потомков волжско-камских булгар. «Вниз по реке Вол
он,— чуваши, древние болгары, наполняли весь уезд
и Синбирской»[9]. Позднее лектор Восточного факуль
бургского университета Хусеин Фейзханов, работавш
ководством академиков Дорна и Казембека, первый
рает чувашские слова в булгарских намогильных
В опубликованной им в 1863 г. статье «Три надгробн
ских надписи»[10] он загадочные слова «джиати джюр»

[2] Сказания князя Курбского. Изд. 2-е Устрялова. 1842, стр.
князя Курбского, 1, СПБ. 1914, стр. 178.
[3] Georgi. Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich. 1775,
[4] Н. М. Карамзин. История Государства Российского. из
1833, т. 1, стр. 35 и примечание 73 в приложении к 1 тому.
[5] Н. И. Полевой. История русского народа. 1, Москва, 1
[6] А. Фукс. Записки о чувашах и черемисах Казанской губ
[8] Die Ungern oder Maqyaren. 1881, ss. 55—62; Ethnoqraphie
1876, s. 266.
[7] В. Сбоев. Исследования об инородцах Казанской г
стр. 184.
[8] М. Г. Худяков. К вопросу о происхождении чуваш. Из
ства обследования и изучения Азербайджана. 1927, № 4, стр. 1
[9] В. Н. Татищев. История Российская с самых древне
1768, стр 317.
[10] Хусеин Фейзханов. Три надгробных булгарских
вестия Археол. об-ва», т. IV, 1863, стр. 395—404.

шиеся на многих памятниках и служившие камнем преткновения для других ученых, расшифровал очень легко и просто как чувашские слова «çичĕ çĕр» — семьсот, т. е. семисотый год мусульманского летосчисления.

До него проф. И. Н. Березин, ошибочно приняв эти слова за арабские, переводил как «пришествие угнетения» и строил невероятные догадки. «Ясно,— писал он,— что этот год был ознаменован каким-то особенным событием и притом не в одном Булгаре, но и во всех булгарских владениях... Сложив буквы анаграммы «джиати джюр» по численному их значению, мы получим 623-й год гиджры, или 1226 г. нашего летосчисления. Этот год ясно указывает на нашествие монголов...» [1]. Позднее эта ошибка нашла себе место у проф. А. В. Арциховского в «Введении в археологию», где мы читаем: «На надгробиях часто встречается одна и та же странная дата «год пришествия угнетения». Это год монгольского завоевания» [2]. В данном случае мы имеем яркий пример недостаточности одних лингвистических данных при решении серьезных научных вопросов, пример того, что лингвистические материалы необходимо увязывать с данными других источников.

Точку зрения Фейзханова поддержали Н. И. Ильминский [3], акад. А. А. Куник [4], проф. Н. И. Ашмарин [5], акад. А. А. Шахматов [6], а за ними и иностранные ученые H. Howorth [7], Z. Gombocz [8] и др. И в науке, таким образом, стало постепенно укрепляться мнение, что чуваши — потомки древних волжско-камских булгар и что язык чувашский представляет собой новый этап в развитии древнебулгарского языка.

Специальная научная сессия в мае 1956 г., посвященная вопросам этногенеза чувашского народа, окончательно восстановила в правах булгарскую теорию происхождения чувашей, освободив ее от националистических наслоений [9].

---

[1] И. Н. Березин. Булгар на Волге. Ученые записки Казанского ун-та за 1852 г., кн. III, стр. 74—160.

[2] А. В. Арциховский. Введение в археологию, 1947, стр. 166.

[3] Н. И. Ильминский. О фонетических отношениях между чувашским и тюркскими языками. «Известия Археол. об-ва», т. V, 1865, стр. 80—84.

[4] А. А. Куник. О родстве хагано-болгар с чувашами... Записки Академии наук за 1879 г., прил. № 2, стр. 118—161.

[5] Н. И. Ашмарин. Болгары и чуваши, 1902.

[6] А. А. Шахматов. Заметка о языке волжских болгар. Сбор. Музея антропологии и этнографии при АН, т. V ,вып. 1, 1918, стр. 395—397.

[7] The khazars, were they Uqvians or Tuvks?
Труды III международного съезда ориенталистов в Петербурге. 1876, т. II, стр. 125—149.

[8] Die bulgarisch - türkischen Lehnwörter in der Unqarischen Sprache MSFOu, 1912, X X .

[9] О происхождении чувашского народа. Чебоксары, 1957, стр. 132. Сюда вошли тексты докладов, прочитанных А. П. Смирновым, Б. А. Серебренниковым, Н. А. Андреевым, П. В. Денисовым, В. Д. Димитриевым и И. Д. Кузнецовым.

Булгарская теория происхождения чувашей, са
верная, нуждается только в некоторых уточнениях. В
время вполне приемлемое объяснение о происхожден
и языка их дается в монографии В. Ф. Каховского «
дение чувашского народа» (Чебоксары, 1965) и в «И
вашской АССР, т. I (Чебоксары, 1966, стр. 24—32).

Здесь мы находим, что прародиной тюркоязычн
и народов, в том числе и чувашей, является Централ
где еще в конце III века до нашей эры возникло кр
менное объединение гуннов. «Держава гуннов» сост
племен, подразделявшихся на восточную и запад
В числе восточных гуннов были и монгольские племе
беже III—II веков до нашей эры гунны подчинили се
ираноязычные, финно-угорские и другие племена и
в свою «державу» верховья Иртыша и Енисея, Семи
ждуречье Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи.

Далекие следы пребывания чувашей вначале в
с монгольскими племенами, а затем в верховьях Ирты
сея — в соседстве с алтайскими тюркскими и среднеа
иранскими племенами хорошо обнаруживаются в яз
шей. В чувашском языке имеется много монгольски
почти все они древнего происхождения. У чувашского я
го общего и с алтайскими тюркскими языками — х
шорским, тувинским и др. Например, употребление глух
ных согласных в начале и в конце слов: чувашское *çы*
пек, тувин., шорское и хаккасское *чон* — народ, чува
пе — рубашка, ойр., шорск. *кеп,* хак. *кип,* тув. *хеп* –
бельe и др. Кроме того, в чувашском языке насчиты
ста слов персидского происхождения, проникновение
началось, вероятно, во времена соседства предков
с ираноязычными племенами Средней Азии и Казахст

Во II веке нашей эры болгарские и суварские (са
племена под ударами китайцев оставили бассейн верх
тыша и двинулась на запад, пришли в Европу и засел
вый берег Нижней Волги, степи Северного Кавказа и
вья. В 30-х годах V века основное ядро гуннов обосно
Среднем Дунае, в Паннонии. Вождь гуннов Аттила, пр
в 433—453 годах, создал сильную «державу гуннов».
своими войсками не раз совершал походы в Восточную
ную Римские империи. В этих походах участвовали та
гарские и суварские воины. После смерти Аттилы в
«держава гуннов» распалась.

Во второй половине V века в Приазовье сложилс
ский союз племен. Суварские племена, жившие восто
гар в степях Западного Прикаспия, не входили в бу
союз племен. В V—VI веках они имели свой союз пл
свидетельству сирийско-византийского хрониста Иоанна

в VI веке число сувар доходило до 100.000 человек. Сувары вместе со своими северо-восточными соседями хазарами постоянно участвовали в войнах. В 568 году сувары были разгромлены аварами — тюркоязычными племенами, вторгшимися в Восточную Европу с территории Казахстана.

В 70-х годах VI века хазары, сувары и болгары подпали под власть Западно-Тюркского каганата, образовавшегося на территории Казахстана и распространившего свою власть на Северный Кавказ и Причерноморье. Болгары тоже упорно боролись против каганата. Из болгарских правителей известны *Органа,* в особенности энергичный *Кубрат*. Он в борьбе против каганата объединил не только болгарские, но и суварские и другие тюркоязычные племена, а также аланов. Предводительствуемые им племена добились освобождения от власти тюркского каганата. Союз их, оформившийся в 30—40-х годах VII века, получил наименование *Великой Болгарии* и занимал обширную территорию между Каспийским и Азовским морями. В 60-х годах VII века, когда умер Кубрат, «Великая Болгария» распалась на два союза племен во главе с его сыновьями Батбаем и Аспарухом. Первому досталась восточная часть «Великой Болгарии», второму — западная.

К этому времени возвысились хазары. Добившись освобождения от власти Западно-Тюркского каганата, они образовали сильный Хазарский каганат, подчинили себе суварские племена и развернули наступление против болгар. Теснимые хазарами, болгары во главе с Аспарухом в 70-х годах VII века ушли на Дунай. Здесь они, слившись со славянами, образовали болгарское княжество.

Другая группа болгар, так называемые «серебряные болгары», с 70-х же годов VII века переселилась в Среднее Поволжье. Что касается сувар, то они оставались на насиженных местах до 30-х годов VIII века. Когда же в 730—737 годах арабы стали выступать против хазар и военные действия начали развертываться на суварских землях, то сувары тоже переселились в Среднее Поволжье и разместились южнее прибывших ранее болгар.

Болгарский союз племен в Среднем Поволжье в VIII—IX веках. Болгарские племена расселились выше Самарской луки по обеим сторонам Волги. Их центр находился в Нижнем Закамье. Суварские племена заняли земли по Черемшану на левобережье Волги, затем расселились и по правобережью. В Среднем Поволжье болгарские и суварские племена оказались в среде финских племен, они заняли здесь главенствующее положение. Это объясняется тем, что они были многочисленны, стояли на более высокой ступени общественного развития, имели высокоразвитую военную организацию и хорошо владели военным искусством. В VIII веке возник здесь Болгарский союз племен, куда под

главенством болгар вошли суварские и местные финские племена — предки марийцев, удмуртов и мордвы. Между пришельцами и местным населением установились мирные отношения.

Вероятно, и после образования единой народности названия прежних крупных племенных групп — болгар и суваров (суваз ов) продолжали бытовать. Например, предки марийцев называли болгар *суазами* (суасла мари), т. е. чувашами, а предки удмуртов — *бигерами,* т. е. болгарами. По-видимому, та часть болгарской народности, которая исповедовала ислам, в XII—XIII веках именовалась болгарами (бигерами, билярами), а приверженцы древней языческой религии — суазами (чувашами). Слово «сувар» одни народы произносили как «сувар», другие — как «суваз, суаз», а третьи — как «савир, сабир».

Племенное название суваз параллельно с названием сувар впервые обнаружил у болгар известный историк-арабист профессор Харьковского университета А. П. Ковалевский в Мешхедской рукописи Путешествия Ахмеда ибн-Фадлана, секретаря посольства багдадского халифа Джафара аль-Муктадира к царю волжских болгар Алмушу. Название *сăваз,* или *суаз,* ибн-Фадлан упоминает в рассказе о съезде болгарских племен для принятия ислама (208 б, строка 11) [1]. Болгарский царь Алмуш решил окончательно закрепить свою власть путем официального принятия ислама. По рассказу Ибн-Фадлана, племя «суваз» отказалось подчиниться его требованиям. Это следует увязать с тем фактом, что основная масса чувашей, находясь длительное время в булгарском государстве, позднее в составе Казанского ханства, не восприняла ислама и упорно отстаивала свою древнюю языческую веру и языческие обычаи.

Нельзя забывать и о том, что в III и II веках до нашей эры письменные источники упоминают о племенах *чеши* (чаши), *билу* (пулу, бугур) и *пулей,* обитавших в верховьях Иртыша. По словам В. Ф. Каховского, древние *чеши* составляли этническое ядро древних болгар. Сувары тоже входили в состав северного чеши [2]. Названия этих племен очень сходны с названиями *чăваш* (чоаш), *чуваш* и *болгар* (биляр, билер). В верховьях Иртыша, где обитали северные чеши, другие источники размещают и *сабиров* (сувар). По всей вероятности, это названия одних и тех же племен.

Влияние восточных финнов на булгар-сувазов. Болгарские племена, живя в соседстве с восточными финнами, возможно, и смешанно с ними, испытали на себе сильное влияние последних,

---

[1] А. П. Ковалевский. Чуваши и булгары по данным Ахмеда Ибн-Фадлана. Ученые записки ЧНИИ языка, литературы и истории, вып. IX, 1954, стр. 21—22.

[2] В. Ф. Каховский. Происхождение чувашского народа. Чебоксары, 1965, стр. 220.

особенно марийцев. По всей вероятности, и самое название племени *сувас, суас* вследствие преобладания в марийском языке шипящих звуков приняло форму *чуваш:* сувас, суас> шувас, шуас>шуваш>чуваш. Многие данные чувашского языка указывают нам на древнейшие связи предков чувашей с предками восточных финнов и других народов. Например, у тех и других в старое время распространено было почитание злого духа *кĕлĕ*, который почитался не только чувашами и финнами (суоми *kilo, killi,* удм. *кыль,* коми *куль*) [1], но и некоторыми северными азиатскими народами — манси *(куль),* хантами *(куль),* нымыланами *(кала),* луораветланами (чукчами) *кели.* Последние обращались к *кели* как к духу смерти. В этом значении он упоминается и в современном романе «Алитет уходит в горы». В значении второстепенного злого духа, слово это сохранилось и у чувашей в форме *кĕлĕ, тӳр-кĕлĕ.* Духу этому приносились в жертву по преимуществу утки. Он пользовался большим вниманием чувашей. Последние обращались к нему то как к *аслă кĕлĕ* — великий кĕлĕ, то как к *çĕнĕ кĕлĕ* — новый кĕлĕ, то как к *тĕпри кĕлĕ* — родовой кĕлĕ данного рода. Если женатый член семьи отделялся от родителей и переходил в свой дом или переселялся на постоянное жительство в Закамье или в Сибирь, то он уже умилостивлял этого духа жертвами, обращаясь к нему как к *çĕнĕ кĕлĕ,* не забывая в то же время и *кĕлĕ,* который остался на прежней родине. Последнего он в своих молениях называл т ĕ п р и к ĕ л ĕ — родовой кĕлĕ.

Злой дух *кĕлĕ* известен был среди чувашей и в форме *илмар кĕлли, ильмар кĕлли.* Относительно слова *ильмар* проф. Н. И. Ашмарин замечает: «Ильмар — неизвестное слово, может быть, имя человека» [2]. Нам кажется, что слово это является отголоском удмуртского *инмар* — божество.

В слове *тӳр-кĕлĕ, тӳркĕлли* вторая часть *кĕлĕ,* вероятно, принадлежит финнам, а первая часть *тӳр* — болгарам. В тюркских языках Сибири (у минусинских татар) имеется закономерный эквивалент его в форме *төс,* тоже в значении злого духа [3]. Почитание *кĕлĕ, тӳркĕлли* прекратилось среди чувашей только в конце XIX в.

Из других древних чувашских слов, общих с восточно-финскими, нужно указать *калăм кун* — праздник, отмечавшийся весной в среду страстной седмицы. По-видимому, первоначально он был связан с культом предков, а позднее посвящен поминовению усопших. Праздник этот в известной степени соответствовал навьему дню древней Руси. По верованию чувашей, будто бы в этот день мертвецы выходили из гробов и шли к своим родственникам невидимо погостить у них. Через неделю, в праздник *сĕрен,* или *вирĕм,* молодежь с рябиновыми прутьями ходила по домам, хлестала амбары и заборы, прогоняя мертвецов обратно на кладбище. В заключение разводили костер и прыгали через огонь, чтобы очиститься от всякой нечисти, которая, по их убеждению, легко могла пристать к ним вследствие соприкосновения с мертвецами из загробного мира.

В настоящее время в чувашском языке не осталось слов, родственных *калăм кун,* и значение его мы можем выяснить только из финских языков. В финских языках: в мордовском *калмо*— могила, в удмуртском *кулэм* — мертвец, марийском *колем,* в манси *калем* — умираю. В старое время и город Холмогоры по-фински звучал *Калмо-кар* — могильный город, т. е. город, построенный на финском кладбище. Еще в XVIII веке он произносился как Колмогоры. Например, Сумароков писал, что «Ломоносов московское наречие в колмогорское превратил» [1]. Слово *кар* в древности и в финских языках и в чувашском обозначало огороженное место, селение, город. Отсюда мы имеем на *-кар* целый ряд названий городов и селений на финском севере и в Чувашии. Достаточно упомянуть *Сыктывкар* — главный город республики Коми, *Кудымкар* — центр Коми-пермяцкого национального округа, *Шурышкар*—центр Ямало-ненецкого национального округа и *Шупашкар* — главный город Чувашской республики, *Муркар* — Уразметево — деревня в Козловском районе ЧАССР. Чув. *карта* — хлев, огороженное место, *картиш* (карт йшĕ) — двор, в языках коми, манси, хантов *карта*—двор, мор *кардас* — двор, *кардо* — конюшня.

К этой же группе древних слов, перешедших в чувашский язык из языков финно-угорских племен, мы склонны отнест чув. *кăвапа* — пупок, марийск. *кава* — живот, брюхо; чув. *шупă* мар. *шовыр,* хант. *шабур* — белый женский халат (поддевка холста), манс. *шуп* — рубаха; чув. *кăшман,* удм. и коми *ку ман,* эрз. *кшумань,* мар. *ушмен* — редька и др. корнеплоды; чу мар., удм. *карас,* мокш. *кяряст* — соты; чув. *турат,* эрз. *тарад* ветка; чув. *кӳнделен* (устар.), удм. *кемделе, канделем* — сви тель; чув. *кăткă,* мар. *кутко,* эрз. *коткудав,* коми *коткодзь,* лоп *коткка* — муравей; чув. *шӳлкеме,* мар. *шолкама,* эрз. *сюлгамо* нагрудное женское украшение, состоящее из кожаного четыр угольника, нашитого мелкими серебряными монетами; чув. х манс. и хант. *кумп, хумп* — волна; чув. *çурла,* удм. *сӳрло,* м *сарла,* коми *чарла,* мадьяр *шарло* — серп, чув. *сим,* финск. *ма* — медовый напиток.

В чувашском языке название среды днем крови также об

---

[1] O. Donner. Vergl. Wörterbuch der Fin.-Ugr. Sprachen. 1874, № 198.
[2] Н. И. Ашмарин. Словарь чувашского языка. Вып. III, стр. 109.
[3] А. Н. Кононов. Опыт анализа термина «тюрк». «Сов. этногр.», 1949, № 1, стр. 40—47. Г. М. Василевич. Древнейшие языковые связи современных народов Азии и Европы. Труды Института этнографии, т. II, 1947. стр. 223.

[1] А. Сумароков. Собрание сочинений, том X, стр. 38, 1787 г.

няется влиянием восточных финнов. Чув. *юнкун* — среда: *юн*— кровь, *кун* — день; ср. мар. *вюргэчэ*, мокш. *вержи*. По-видимому, в древнее время в этот день ими совершались кровавые жертвоприношения.

Чувашская топонимика и ономастика представляет собой весьма оригинальное явление. Многие названия здесь не тюркского и не финно-угорского происхождения. К чувашам они проникали, безусловно, от восточных финнов, которые, по-видимому, унаследовали их от своих предшественников, жителей абашевской или другой древней культуры. Названия чувашских селений и урочищ представляют благодатный материал не только для лингвиста, но и для историка и этнографа. Многие из них носят печать глубокого архаизма и не могут быть объяснены с позиций тюркского языкознания. Некоторые селения известны в Чувашии под тремя названиями, большинство — под двумя, только немногие — под одним названием. Три названия—это отложения трех периодов исторической жизни народа. Одно из этих названий, в большинстве случаев теперь непонятное для нас, восходит к добулгарскому времени и в булгарское время, по-видимому, осталось без изменения. Второе название присвоено было в период Казанского ханства по имени владетеля или наместника данной области. С приходом русских и построением церкви в данном селении последнее получало новое название в зависимости от того, какому церковно-историческому событию или святому посвящалась церковь. Например: добулгарское название — *Куснар*, татарское — *Байгулово*, русское — село *Богоявленское*, *Шĕнерпуç* — Бичурино — Воскресенское, *Ватнер* — Решетниково, *Йĕршер* — Мартыново, *Пăрмас* — Аттиково, *Субар* — Албахтино, *Муркар* — Уразметево, *Тупах* — Тансарино, *Кинчер* — Янситово, *Тĕмшер* — Салдыбаево, *Кĕлкеш*, *Муркаш*, *Нăрваш*, *Уравăш*, *Илебар*, *Ишек*, *Ишлей*, *Тимĕш*, *Авруй* и т. д. То же нужно сказать и о названиях разных урочищ, они также в преобладающей своей части восходят к добулгарскому времени. Слова эти давно утратили свое вещественное значение. Например: реки *Çавал* — Цивиль, *Выла*, *Сăрă* (Сура), *Шĕнер*, *Шутнер*, *Пĕчер*, *Ара*, *Ункă* (Онга), ключи: *Упуй* (Убуй), *Паташ* и т. д.

Весьма древними и явно дотюркскими являются, например, названия селений на *-нар*, *-нер*: *Апнер*, *Вăрнар*, *Идеснер*, *Кĕнер*, *Кĕтеснер*, *Кунер*, *Куснар*, *Пинер*, *Писенер*, *Санар*, *Вĕренер*, *Упнер*, *Урнар*, *Чаганар*, *Чĕнер*, *Шанар*, *Ушанар*, *Шелнер*, *Шутнер* и т. д. Первая часть этих слов в отдаленном прошлом, вероятно, обозначала название рода или племени, а вторая часть *-нар*, *-нер* — стойбище, стоянку, дом, селение. Например, кочевья, где были открыты вишапы, по-курдски называются *аджакаюрт*, а по-армянски *вишапнер* [1].

[1] По-чувашски звучало бы *аçтаха* (вĕри çĕлен) *çурчĕ* — дом дракона, т. е. жилище, селение племени, имеющего своим тотемом дракона.

Аналогичные названия селений, рек и озер в большом числ встречаются и у восточных финнов, особенно у марийцев Напр.: Водонер, Кинер, Кугунер, Куженер, Лонганер, Мамсинер Ошканер, Сабанер, Шукшнер и т. д., у удм. Асинер, Кизне и др., у морд. Ингенер и др. По-видимому, слово *нер* в значе нии селения угро-финскими племенами в доисторически времена заимствовано было от скифов. (Ср. мар. *нер* — нос, мы эрз. *нерь* — клюв, мыс, мар. *энгер* — речка.)

К добулгарской (т. е. дотюркской) топонимике относятс также названия селений и урочищ на *-мас*, *-мес*: *Атмас*, *Асл мас*, *Аштамас*, *Ителмес*, *Кашмаш Туçа*, *Пăрмас*, *Тĕрлемес*, с племенное название *çармăс* — черемис; в марийском: *Карама Атламаш*, *Памаш* и др.; в удмуртском: *Валамаз*, племенн название *калмез*, в мордовском: *Широмас*, *Коломас*, *Кочем* и др. на *-гаш*, *-геш*, *-ваш*, *-вăш*: *Улкаш*, *Элкеш*, *Кĕлке Муркаш*, *Кушлавăш*, *Явăш*, *Нăрваш*, в марийском: *Еманга Ургаш*, *Кожваш*, в удмуртском: *Вавож*, в мордовском: *Карга* на *-мар*, *-мер*: *Вăрмар*, *Итмар*, *Кутемер*, *Тӳмер*, *Кушмар*, в м рийском: *Шӳдермар*, *Кокшамар*, *Пумар*, *Ляжмар*, *Паратмо Шешмар*, *Кужмара*, *Кукмара* и др., в морд.: *Каймар*, *Самар Шимаревка* и др.

Чувашская ономастика также сохранила нам изрядное к личество древних имен. Многие чувашские языческие име по нашему мнению, восходят к глубокой старине. По-видимо первоначально они были названиями чувашских племен и род К таким именам относятся:

1) имена на *-мас*, *-мес*: *Арсамас*, *Атмас*, *Иремес*, *Ирчем Сармас*; в морд. *Атемас*, *Арземас*, *Полдомас* и др.;

2) имена на *-мар*, *-мер*: *Самар*, *Самарка*, *Едимер*, *Идил Кизимер*, *Çеçмер* и др. С этим *-мар*, *-мер* мы знаем древ шумеров, финское племя меря, современных мари, удмурто инмар — божество и т. д.;

3) имена на *-мат*, *-мĕт*: *Азамат*, *Кóлмат*, *Сáмат*, *Илмет*, мет, *Кальмет*, *Кармет*, *Кнеметь*, *Семет*, *Шемет* и др. Сюда можно отнести название злого духа *киреметь*. (Ср. историче сарматов, известных со II в. до н. э.) Имя *Кнеметь*, част напоминающее древнерусское *кьметь*, по-видимому, также исторического происхождения;

4) имена на *-ман*, *-мен*, *-ван*: *Арман*, *Арсаман* (ср. э *Ахтаман*, *Элмен*, *Илмен* (ср. озеро Ильмень), *Севан* и др.

Перечисленные выше названия селений и имен вполне тверждают, что *сувары* — *сувазы* ассимилировали много м цев (черемис). По-видимому, целые марийские деревни вали булгарскую культуру и язык и совсем превращались вазов-чувашей. Например, раньше в чувашских селениях *Пормас*, *Кĕлкеш* и др. (в Козловском районе), вероятно,

марийцы: удмурты словом *пор* называли марийцев. Б. А. Серебренников правильно замечает, что «к моменту вторжения тюркских племен на территорию древней Чувашии значительная часть этой территории была занята древнемарийскими племенами и язык тюркских пришельцев наслаивался на марийский языковой субстрат».

Булгары-сувазы как предки чувашей. В пользу того, что булгары (сувары) являются предками чувашского народа, красноречиво говорят следующие языковые факты:

1. Булгарские намогильные надписи, в которых отражается типичный для чувашского языка *р* и *л* диалект в противоположность *з* и *ш* диалекту других тюркских языков. Например, мы здесь имеем слова: *тухур* طحر — девять, *саккăр* سكر — восемь, *вутур* ووطر — тридцать, *джюр* جور — сто, *джирем* جيرم — двадцать, *хир* هير — дочь, девушка, *арня кун* ايرنه كوان — пятница, *айх* آيخ — месяц, *биалем* بيالم — пятый и т. д. Эти слова в других тюркских языках звучат, как тугыз, секиз, отуз, йӳз, егерме, кыз, атна кон, ай, бишенче и т. д.

2. В русских летописях (в Троицкой) под 1230 г. встречается булгарское слово *турун* в форме множественного числа *трунове* в значении высшего сословия, высших должностных лиц булгарского царства. В Чувашии до сего времени несколько селений носит название Туруново: Тăрăн, Тăрăм. В древних тюркских языках (в енисейско-орхонских надписях) слово, соответствующее *турун,* имеет форму *тудун* (с интерденталь ным *д*). Интердентальному же *д* орхонских надписей в современном чувашском языке систематически соответствует звук *р*: *адак* — чув. *ура* (нога), *ädgü* — *ырă* (добрый). Кроме слова *турун,* в чувашском языке известны и другие слова заведомо булгарского происхождения. Например, в словаре Махмуда Кашгарского, в памятнике XI в., указаны в качестве булгарских слова, которые бытуют теперь в чувашском языке: *авус,* чув. *ăвăс* — воск, *кӳбе* — кольчуга, чув. *кĕпе* (произносится *кебе)* — рубашка. Нужно также заметить, что в 1945 году во время раскопок близ древней болгарской столицы Преславы найдена была гранитная колонна со старинной надписью, где четыре раза повторяется слово кюпе в значении кольчуги[1]. По-видимому, производство кӳбе сильно распространено было у булгар не только в период пребывания их на Северном Кавказе, но и позднее на Волге. Известно, что в древнее время в Хорезм кольчуги вывозились из Волжско-Камской Булгарии[2].

[1] О происхождении чувашского народа. Сборник статей. Чебоксары, 1957, стр. 40.
[2] Софийская газета «Изгрев» от 5 сентября 1945 г., № 282, стр. 4.
[3] См. С. П. Толстов. Древний Хорезм. 1949, стр. 14.

3. Этническая общность чувашей и булгар подтверждается также наличием булгаро-чувашских заимствований в мадьярском языке. Мадьяры долгое время (V—VII вв.) находились под культурным влиянием древних булгар. В мадьярском языке сохранилось более 200 булгарских слов, всецело совпадающих, за исключением незначительных фонетических изменений, с нынешними чувашскими словами. Слова эти относятся к области скотоводства, земледелия, домашнего быта и хозяйства. Мадьярские лингвисты, этнографы и историки давно обращали внимание на чувашские элементы в их языке, но окончательно систематизировал их Гомбоц в своем труде „Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache" (1912).

Приведем часть культурных терминов из указанных им:

мадьярск.	еке	*чув.*	ака	плуг
»	ik	»	ак	сеять
»	kender	»	кантăр (т = д)	конопля
»	sarló	»	çурла	серп
»	komló	»	хăмла	хмель
»	borsó	»	пăрçа	горох
»	arpa	»	урпа	ячмень
»	gyom	»	çум	сорная трава
»	tiló	»	тылă	мялка, льномя
»	ökör	»	вăкăр, МК ökÿз	бык
»	ünö	»	ĕне	корова
»	borjú	»	пăру, МК бузагу	теленок
»	disznó	»	сысна	свинья
»	szam	»	сум	счет, число
»	söprö	»	çĕпре	дрожжи
»	bölcsö	»	пелче, тур. бешик	люлька, зыбка
»	gyürü	»	çĕрĕ, МК йӳзӳк	кольцо и т. д.

По исследованиям наших историков Европеуса[1] и Серенина[2] в древнее время мадьяры жили по обоим склонам Уральского хребта и вместе с вогулами (теперь манси) и остяками (ханты) составляли одну общую народность, известную в русских летописях под именем югры или угры. Позднее, т мые соседними племенами, они системой рек Вычегды и вышли на Волгу и по Оке двинулись на юг, перешли Д пробыв в южнорусских степях, в так называемой Лебедии около 50 лет, теснимые печенегами, направились дале Запад, переправились через Днепр около Киева и за Карп в славянских землях основали свое государство (конец IX

Чувашские слова мадьяры могли заимствовать неп ственно от булгар. В новое время мадьярские ученые

[1] Д. Европеус. Об угорском народе, 1874.
[2] С. Середонин. Историческая география, 1916.

Fehér, Gombocz, исходя из языковых и исторических данных, а также на основании географического распределения некоторых растений и деревьев, заключают, что культурно-языковое влияние булгар на мадьяр происходило не на Волге, а на Северном Кавказе, между Доном и Кубанью, и началось оно еще в V—VI вв. н. э.[1].

4. О преобладании булгарского элемента в чувашской народности и языке говорит отчасти и то, что некоторые старославянские слова болгарских изводов и уцелевшие от древнего времени единичные слова у современных дунайских болгар являются совершенно одинаковыми по значению с соответствующими чувашскими словами. Например, старосл. *белег* — знак, знамя, чув. *паллă, палăк* — знак, намогильный столб, памятник, на булгарских надгробиях *белюк* — знак, памятник, у современных болгар *белег* — знак, метка; *тикръ тикъръ, тикра,* чув. *тӧкӧр, тӗкӗр* — зеркало; *самъчи* — кассир, казначей, чув. *сум* < *сам* — большое число, счет, позднее рубль = 100 копеек; *осох,* чув. *осă* — польза; совр. болг. *капь* (капище) — идол, чув. *кап* — форма, фигура, силуэт, внешний вид, подобие; *чавка* в чув. и болг. означает галку (слово это, возможно, ономатопоэтической природы); древнеболгарск. *тепе* — род серебряного головного украшения женщин, чув. *тевет* — широкая лента, украшенная монетами и бисером, надеваемая женщинами через левое плечо; болг. *белтек,* чув. *пелтек* — заика и т. д.

5. При сближении чувашей с булгарами нельзя проходить и мимо того общеизвестного этнографического факта, как выражение почтительности держанием шапки под мышкой. Ибн-Фадлан пишет, что булгары при встрече с царем и со старшими снимают шапку и держат ее под мышкой[2]. То же самое наблюдалось и у чувашей. Держание шапки под мышкой составляло непременную особенность чувашских молений, хотя бы они происходили летом в жаркую погоду. При общественных и домашних молениях чуваш обязательно снимал свою шапку и держал ее под мышкой.

Таким образом, приведенные данные языка не оставляют сомнений в том, что в этническом составе чувашской народности булгарский элемент оставил наиболее толстый и мощный пласт. Он густо отложился и в лексике, и в грамматике чувашского языка и сыграл преобладающую роль в истории формирования чувашской народности и языка. Можно с уверенностью сказать, что словарный состав современного чувашского языка в своей тюркской части в основном булгарский с небольшими наслоениями кыпчакского и татарского элементов.

---

[1] Körösi Csoma-Archiv I, 292—301; Ungarische Jahrbücher I, 195—203; Keleti Szemle XIX, № 2, 1921.

[2] Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. 1939,лл. 206б—207а.

Кыпчакские и татарские элементы в чувашском языке. Кы
чакские (половецкие) элементы, имеющиеся в небольшом чис
в чувашском языке, по-видимому, проникли сюда не непосре
ственно через кыпчаков, а через казанских татар. Булгары, на
чиная приблизительно с XI—XII вв., имели более тесные связ
с половцами (кыпчаками), а в XIV веке после разгрома булга
ского государства они в своей основной массе смешались
последними, образовав смешанные этнические группы, вошедши
потом в состав казанских татар и башкир. По этой причине кы
чакские слова в чувашском языке трудно выделить из состав
татарских слов. Последние переходили в чувашский язык в п
риод Казанского ханства, когда все административные долж
ности среди чувашей занимали татары. А чувашские князьки
тарханы, вероятно, не пользовались у татар большим доверие
и играли второстепенную роль в управлении. Они могли прио
рести доверие у татарских правителей только принятием ислам
Но в этом случае, как гласит предание, чувашские администра
торы окончательно отрывались от своих сородичей и отатарива
лись. Татарские крупные администраторы и феодалы приводил
к чувашам большой штат служащих и прислуги, так что целы
ряд чувашских селений — и новых и старых (существовавших д
прихода татар) — получал свое название от имен этих татарски
наместников и начальников. Например: Шималахи (шейх Ама
лах), Шибулатово (шейх Булат), Янситово (Ян Сеит), Байдер
ково (бай тирек), Байгулово (бай кул), Ахчура (ак чура), Кара
чура (кара чура), Кармалы (кара мал), Хозяхмат (Хозя Ахмат
и т. д.

В период татарского ханства чувашский народ испытыва
тяжелое угнетение со стороны ханской администрации и мул
Пропаганда ислама была настолько велика, что целые чуваш
ские селения переходили в мусульманство и «отатаривались
Например, в Арском районе не осталось ни одного селения с ч
вашским населением. Стремление мулл и отчасти администраци
к татаризации чувашей было настолько велико, что оно угрожал
самому существованию чувашской народности. Но, к счасть
приход русских приостановил это движение.

Татарский хан (а раньше булгарский царь) с установленны
им административным строем сильно импонировал чувашам. В
порядки и церемонии ханского двора они даже перенесли
своих богов и стали представлять их в виде важного хана и ра
ных чиновников, окружающих, сопровождающих его и присл
живающих ему. Например: *тăвам ырă* — добрый дух, заседа
щий в диване (государственное учреждение, судебный трибунал
хум кӗрекеҫӗ — кравчий хана, *тăвам ҫӳретекен* — дух, ведущ
дела дивана, *мăн турра алăк уҫакан* — отворяющий двери жил
ша божия, *чӗлпӗр тытса ҫӳрен ырă* — дух, ведущий за пов
(лошадь того или иного бога) и т. д. Эти названия явно за

ствованы из торжественно обставленных выездов хана[1]. Празднование пятницы, продолжавшееся у чувашей вплоть до XX в., также началось, вероятно, в период татарского ханства.

Тем не менее татарское влияние на чувашский язык оказалось весьма ограниченным. Как бы тщательно ни анализировали мы словарный состав чувашского языка, все же не найдем в нем более 120—150 татарских слов, включая сюда и арабские, и персидские слова, проникшие в чувашский язык за время владычества татар — за весь период Казанского ханства, продолжавшегося около 150 лет. Татарские лексические элементы в чувашском языке выделяются своим фонетическим составом. Сюда относятся, например: *аскăн* 1. распутный; 2. шаловливый, *юлташ* — товарищ (закономерной чувашской формой было бы *çулташ*), *аташ* — тезка, *ялав* — знамя (по законам чувашского языка следовало бы *янташ, çулав*), *яш* — молодой парень, *яхăн* — близко, около (имеется и в чувашской форме *çывăх*), *акăш* — лебедь (тат. *ак*—белый, *кош*—птица), *арăслан*—лев (имеется закономерная древняя чувашская форма *услан кайăк*), *талак* — селезенка, *тинĕс* — море (чувашско-булгарская форма *тенгер*, в такой форме оно перешло в мадьярский язык), *тăкăс* — тесный (имеется закономерная чувашская форма *тăвăр*), *йăмшак* — рыхлый, мягкий (закономерная чувашская форма *çемçе*), *карчăк* — старуха, *хапха* — ворота, *йĕс* — медь, *пайтах* — достаточно, порядочно, *маттур* — красивый, хороший, сильный, *тав* — спор, тяжба, *тавлаш* — спорить, вести тяжбу, *такмак* — частушки, *шакмак* — чурка и др.

Некоторая часть арабских и персидских слов проникла в чувашский язык также через татарский язык. Сюда относятся арабские слова: *айван*—животное, *аййп*—вина, проступок, *асап*—мучение, *ахах* — сердолик, *алка* — серьги, *ахăр саман* — последние времена перед концом мира, *самана* — эпоха, *хапăл* — принятие, *харам* — бесполезный, *хак* — цена, ар. перс. *шантал* — подсвечник и т. д.; персидские слова: *аçтаха* (вĕри çĕлен) — сказочное чудовище в виде крылатого огнедышащего змея, дракон, *янавар* — бессловесное существо, животное, *начар* — плохой, *патша* — царь, *пахча* — сад, *тараса* — весы, *тастар* — старинная женская головная повязка, *чаршав* — занавеска и др.

Татарские заимствования в чувашском языке составляют новый пласт тюркских слов сравнительно с древнебулгарским пластом, отличающимся наиболее архаичными чертами. Известный тюрколог С. Е. Малов правильно указывает, что чувашский язык более старый, чем татарский, и стоит ближе к старотюркскому языку, чем современный татарский язык[1]. Приходится решительно возражать против утверждения некоторых историков и лингвистов, что чувашский язык своими булгаро-тюркскими элементами всецело обязан татарскому языку, который будто бы один является прямым продолжением булгарского языка. Несостоятельность такого утверждения слишком очевидна. Современный чувашский язык довольно резко расходится с татарским языком—и в своем словарном составе, и в грамматическом строе. Весьма многие слова основного словарного фонда в этих языках не совпадают. Слова, аналогичные чувашским, сохранились только или в древнетюркских языках рунической письменности, или у тюркских народов, живущих в настоящее время далеко от чувашей.

Например:

чув. *çын*	тат. кеше	человек	тувинск., шорск., хакас. *чон*, телеут. *йон*, ойр. *дьон*, монг. *зон* — человек, народ, кит. *жень*.
» *асатте*	» бабай	дед	
» *арăм*	» катын	женщина, жена	
» *ача*	» бала	ребенок, мальчик	
» *ăс*	» акыл	ум	кирг. *ес*, к.-калп., *ес*
» *алă*	» кул	рука	орх. *ăлиг*, др.-уйг. *илиг*, чаг. *элик*, якут. *или*, тур. *эль*
» *сасă*	» тавыш, аваз		казах., тур., азерб., гагаузск. *сес* —голос, звук
» *кĕпе*	» кӳлмәк	рубашка	алт., аладаг. *кеп* — одежда М. Кашг.
» *йĕм*	» чалбар, ыштан		*ӳм*, узбек., кирг. *шым*, казах. *сым*— штаны, шаровары.
» *ака, акапӳç*	» сабан	первобытный деревянный плуг	
» *çурла*	» урак	серп	

[1] Н. В. Никольский. Этнографический очерк Мильковича, писателя конца XVIII в., о чувашах. Отд. оттиск из журн. «Известия Об-ва археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те», т. XXI, вып. 4, 1905; Н. И. Ашмарин. Отголоски золотоордынской старины в народных верованиях чуваш. «Известия Северовост. археол. и этнограф. ин-та», т. II, Казань, 1921 г.

[1] Сборник «Происхождение казанских татар». Казань, 1948, стр. 116—119.

чув. *ĕне*	тат. сыер	корова	орх., М. Кашг., уйг., тур., шор., тув., чагат. *ингäк, инек,* якут. *ынак,* урянх. *инä, инäк,* монг. *ӱне* — корова [1].
» *кĕсре*	» бия	кобыла	М. Кашг., казах., тур., чагат. *кысрак,* тув. *кызырак* — *кобылица* [1]
» *путек*	» бәр ән	ягненок	тараич. *бойтак,* казах. *бойдак* — двухлет. овца
» *тӳха*	» колун	жеребенок	кирг. *тай,* монг. *даха* — жеребенок
» *сысна*	» дунгыз	свинья	венг. disznó
» *кашкăр*	» бүре		казах. *каскыр,* кирг. *карышкыр* — волк
» *уйăх*	» ай	месяц	булг. *айх* — месяц
» *масар* (араб.)	» каберлек, зират		кирг. *мазар,* каракалп. *мазарлык* — кладбище
» *куланай*	» имана	подать	др.-уйг., шорск. *калан* — подать
» *çăкăр*	» икмәк, эпи	хлеб	казах. и узб. *жӱгери,* кирг. *жӱгӧрӱ*—кукуруза, тур. *чäкери* — просо
» *тырă*	» ашлык	хлеб в зерне	тув. *тарыг* — посевы, хлеба в зерне и на корню, тур. *дары* — просо
» *хыр*	» нарат	сосна	як. *хырыйа* — ель
» *кĕрĕк*	» тун	шуба	М. Кашг., тур. *кӱрк*— шуба
» *пурçăн*	» ефәк	шелк	др.-уйг., М. Кашг. *барчин* (перс.) — шелк
» *сăмах*	» сӳз	слово	орх. *саб*—слово, речь
» *хăйăр*	» ком	песок	казах. *кайыр* — песок и т. д.

[1] Монгольский словарь Мукаддимат ал-адаб, 1938, стр. 171 (кысрак), 279 (инек).

Число этих примеров можно значительно увеличить, но приведенных, нам кажется, достаточно, чтобы правильно заключить, что древнейший тюркский пласт чувашского языка возник вне влияния, вне зависимости от татарского языка. Указанный лексический фонд чувашского языка находит себе соответствие или в древнетюркских языках рунической письменности или же в тюркских языках; имеющих сферу своего распространения далеко за пределами Чувашии, но в отдаленном прошлом имевших отношение к булгарам и соприкасавшихся с ними.

У казанских же татар в административном управлении тон задавали, вероятно, не булгары, а пришлые кыпчаки-куманы, выходцы из Золотой орды, астраханские и крымские татары и и другие тюркоязычные племена. Они же, видимо, играли решающую роль в окончательном формировании татарской народности и языка. Правильно указывает М. Сафаргалиев, что «после образования Казанского ханства, когда произошла более или менее устойчивая концентрация родственных по языку, быту и хозяйственному укладу народностей и племен, началось формирование современных татар путем слияния различных тюркоязычных народностей и племен, близких между собой не только по культуре, но и по хозяйственному быту. В длительном процессе образования современных татар, кроме местных булгарских племен и татар, переселившихся в период Золотой орды, по-видимому, приняли участие и буртасы» [1].

Нельзя забывать и того, что сами булгары являлись весьма сложным этническим образованием и язык их мог иметь некоторые диалектные особенности [2]. Махмуд Кашгарский в составе булгарского народа отмечает только два тюркоязычных племени: племя булгар и племя сувар. Возможно, что племя булгар принимало преимущественное участие в формировании татарской и башкирской народностей, а племя сувар (суваз) — чувашской.

Из предыдущего изложения ясно, что в чувашский язык хотя и перешло значительное количество кыпчакско-татарских слов, но сами кыпчаки и казанские татары не участвовали в этногонии чувашей. Наоборот, локальный чувашский этнический элемент заметно выделяется в составе народности казанских татар.

Таким образом, наличие тюркского этнического элемента в составе чувашской народности, обязанное, как мы выше указали, булгарам в лице отдельного племени их сувазов или сувар, не подлежит сомнению. Красноречиво говорит об этом

[1] М. Сафаргалиев. Один из спорных вопросов истории Татарии. Журнал «Вопросы истории» за 1951 г., № 7, стр. 80.

[2] Даже этимологию слова *булгар* иные ученые (Томашек, Ю. Немет) производят от тюркского глагола *булга* — смешивать.

словарный состав современного чувашского языка. Какую бы область общественно-хозяйственной жизни чувашей мы ни взяли, —в названиях и частей тела, и родства, и предметов домашнего обихода, животных и птиц и пр.,—везде видим исключительное преобладание тюркских слов, представляющих главным образом древнебулгарское наследство и только частично являющихся заимствованиями из татарского языка или созданиями самих чувашей по внутренним законам развития своего языка.

Финский этнический элемент в составе чувашской народности. Другим этническим элементом в составе чувашской народности нужно считать финно-угорских предков современных марийцев. В настоящее время в Чувашии имеется до десятка селений с наименованием «Çармăс» (черемисы): Туçи Çармăс, Хурăнсур Çармăс, Чăваш Çармăс, Çармăскасси или просто Çармăс. Все эти селения чувашские, ни одного марийца в них нет. Предание гласит, что некогда здесь жили марийцы, что они потом слились с чувашами. По историческим документам также известно, что в деревне Шемурше, где теперь живут исключительно чуваши, еще в XVII веке жили марийцы. Этимология слова вполне подтверждает это: мар. *шем* — черный, *ургса* — рожь, *шемурша* — черная рожь, т. е. спорынья. При скрещивании с марийским языком чувашский язык выходил обычно победителем: ни основной словарный фонд, ни грамматический строй его при этом нисколько не пострадал, наоборот, он обогатился десятками марийских слов. Сюда относятся:

чув. вачă	*мар.* вася	рыболовная снасть, уходить, уезжать
» кай	» каяш	сплетенная из лучин
» капăр	» ковыра	щеголь
» кăткă	» кутко	муравей
» лăка	» лыгат	трясти
» лĕпке	» лэп, лэпкă	темя, лоб.

Культурные взаимодействия между чувашами и марийцами, имевшие некогда место, не остались без последствий. Они сказались в повседневном быту чувашей: в одежде, обуви, домашней обстановке и пр. Местами и антропологический тип чувашей совпадает с марийским.

Таким образом, чувашский народ формировался и язык его вырабатывался на нынешней территории в течение столетий в процессе взаимодействия булгаро-сувазских и марийских элементов.

Значение великого русского народа в культурном развитии чувашей. Прогрессивное влияние передовой русской культуры на чувашей началось с древнейших времен, и оно шло как по линии экономики и культуры, так и по линии языка. В чувашском языке мы находим слова *кăмпа* (произносится кăмба) — гриб, *кĕнчеле* (*ч* звонкое — *джь*) — сверток очищенной кудели, приготовленный для пряжи. Слова эти, вне всякого сомнения, проникли сюда от восточных славян раньше X века, когда у последних в языке еще были носовые гласные: юс большой, юс малый. Ср. г[1]ба, к[1]дель. И в последующие времена не прекращался приток новых русских слов в чувашский язык в связи с широким культурным воздействием русских на чувашей. Хотя чуваши, по-видимому, очень рано оставили кочевой быт и, осев на постоянных местах жительства, занялись земледелием, все же применением более рациональных приемов в области сельского хозяйства они обязаны были русским. Например, основное земледельческое орудие соха (чув. суха, сухапуç) переходит к ним от русских довольно рано, возможно даже в булгарский период в X—XII вв., так как свой первобытный плуг (ака, акапуç) более пригоден был у них для поднятия нови. Вероятно, в эту же эпоху или немного позднее чуваши научаются у русских возделывать озимую рожь (ср. чувашское название *ыраш*). Раньше у них излюбленными культурами были только яровые культуры: полба — *пăри,* пшеница— *тулă,* ячмень — *урпа,* горох — *пăрçа* и др. Название крупы (*кĕрпе*) у чувашей также русское, для каши остается свое название *пăтă,* а других тюрк. яз. *бутка.*

Система овинной сушки снопов чувашами перенята также от русских. Ср. слово *авăн* — овин, *авăн карти, анкарти* — гумно. До сближения с русскими мы не знаем о существовании у чувашей овинов.

И в области пчеловодства русские явились учителями чувашей. Они раньше оставили первобытную бортевую систему и перешли к более усовершенствованным приемам разведения пчел — к применению переносных колодных ульев и пасечной системе. Об этом красноречиво говорят чувашские слова *вĕлле* (*в* — протетический звук), *утар* (удар), представляющие собой очувашенные названия русских слов: *улей* и неизвестного теперь *одр* — примост к дереву в лесу, куда ставили ульи-колоды (Даль. Словарь, II, стр. 1686, 3-е издание). Из музыкальных инструментов гусли, несомненно, перешли к чувашам от русских, что видно из названия его *кĕсле* — гусли и т. д.

В позднейшие же периоды истории чувашей культурное влияние русских на них заметно усиливается. С момента вступления их в состав Русского государства мы не найдем в общественной и хозяйственной жизни ни одного участка, где бы не чувствовалось влияние передовой русской культуры.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла перед чувашским народом широкие перспективы свободной творческой деятельности. За время советской власти коренным образом преобразилась экономика Чувашии. Благодаря после-

[1] Юс большой-он...

довательному и неуклонному проведению партией и правительством ленинской национальной политики и братской помощи со стороны великого русского народа расцвела культура чувашского народа — национальная по форме, социалистическая по содержанию.

2. ТИПИЧНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

Чувашский язык, выделившийся из состава булгарских племенных языков, прошедший сложный и длительный путь своего исторического развития, является одним из древнейших и своеобразных языков тюркской группы. В нем сохранились многие архаические черты, в которых ученые (Бартольд и др.) усматривают остатки более ранних стадий развития самих тюркских языков. На этом основании тюркологи пользовались данными чувашского языка для восстановления более древних форм слов в тюркских языках. Например, в 40-годах прошлого столетия проф. Шотт, опираясь на чувашское слово *хăлха* — ухо, предположил, что слово *колак, кулак,* известное в ряде тюркских языков, в древнее время должно было иметь форму *кулгак* [1], каковая форма, действительно, была обнаружена позднее у Махмуда Кашгарского. По мнению датского лингвиста Грэнбека, в чувашском слове *кăвак* сохранилась более древняя форма этого слова, чем в современных тюркских *кӧк, кӱк* [2]. Равным образом чувашское слово *тăвар* дает нам возможность восстановить более древние формы этого слова в тюркских *(туз, тоз<*товуз, *тобуз)* и монгольских *(дабусун<*табурсун)* языках и т. д. Отсюда становится вполне понятным пожелание проф. П. Мелиоранского, выраженное им в рецензии на указанную выше книгу датского тюрколога Грэнбека: «Отныне,— пишет Мелиоранский,— тщательное изучение чувашского языка становится необходимым для каждого тюрколога, интересующегося общими вопросами лингвистики» [3].

Чувашский язык отличается от остальных родственных ему тюркских языков целым рядом особенностей — и фонетических, и морфологических, и синтаксических, и лексических. В то время как между другими тюркскими языками, не исключая даже значительно обособившегося якутского языка, имеется известное единство фонетических и грамматических норм, чувашский язык несколько уклоняется от этих норм.

1. В области фонетики мы наблюдаем здесь употребление звуков ***р*** и ***л*** там, где во всех остальных тюркских языках мы имеем звуки ***з*** и ***ш:***

чув. хĕр	*тат.* и *тур.* кыз	девушка
» хăнтăр	» кундуз	бобр
» саккăр	» сигез, секиз	восемь
» вăтăр	» отуз	тридцать
» хĕл	» кыш	зима
» кĕмĕл	» кӧмеш, гӱмӱш	серебро
» пиллĕк	» биш, беш	пять
» утмăл	» алтмыш	шестьдесят
» тăххăр	» тугыз, докуз	девять и т. д.

Фонетический процесс перехода ***з*** в ***р,*** известный под названием ротацизма, был вызван артикуляционными особенностями чувашского языка. Это явление имело место и в некоторых других языках. Например, в древнем латинском языке, начиная с IV века до н. э., звук ***з*** между гласными систематически начинает заменяться звуком ***р:*** jus – juris, opus — operis, mos — moris, gero из* geso, ср. gestus, gestare, esse-sum ⩾ eram и т. д. По словам Цицерона, Папирий Курсор, ставший с 339 г. диктатором, первый перестал себя называть Паписием, а стал называться Папирием (Ad familiares IX, 21, 2) [1]. Явление ротацизма известно также в некоторых западно-германских и скандинавских языках [2]. В старое время проф. Ф. Корш выявил следы диалектного ротацизма в средне-персидских языках (Древности восточные, IV).

2. Необходимо также отметить преобладание глухих шумных согласных в чувашском языке. Например, исключительно глухое произношение их утвердилось здесь в качестве фонетических законов, не допускающих исключения, в следующих пяти случаях: 1) в абсолютном начале слова, 2) в абсолютном конце слова, 3) перед всеми согласными — перед шумными и сонорными безразлично, 4) после шумных согласных и 5) в звонком положении, когда шумные согласные являются долгими.

Звонкие шумные согласные развились исключительно в двух позициях: 1) между гласными *(ака=ага, лаша=лажа)* и 2) между сонорными ***в. й, л, м, н, р*** и гласными *(чавса=чавза).*

3. Чувашский язык выделяется из других тюркских языков более сильной степенью палатализации согласных. В этом отно-

[1] Schott. Über Altaische oder Finnisch-tatarische Sprachengeschlecht. 1849. S. 117.

[2] Gronbech. Forstudier til tyrkisk Lydhistorie 1902.

[3] Göttingische Anzeigen von gelehrten Sachen. 166. Jahrg. 1904. SS. 491—499.

[1] И. А. Бодуэн-де-Куртенэ. Из лекций по латинской фонетике. 189 стр. 198. М. Нидерман. Историческая фонетика латинского языка. 191 стр. 62—63.

[2] А. И. Смирницкий. Ротацизм и отпадение z в западно-германск языках. Доклады и сообщения филологического факультета Московского ун верситета, вып. I, стр. 43—45.

шении он ближе стоит к турецкому и русскому языкам. По условиям палатализации чувашский язык отличается от русского тем, что в нем гласные переднего ряда действуют палатализующим образом на согласные, стоящие непосредственно не только перед ними (частичная регрессивная ассимиляция), но и за ними (частичная прогрессивная ассимиляция). Напр., слова *ил, пил, тир, ем* мы читаем в русском языке с твердыми ***л, р, м,*** а в чувашском — с мягкими: *ил*—брать, *пил*—благословение, *тир* — шкура, *ем-ешĕл* — совершенно зеленый и т. д.

4. Развитие сильной степени палатализации в чувашском языке, по-видимому, и обусловило здесь чередование ***т*** и ***ч,*** не наблюдаемое ни в одном из тюркских языков. Означенное чередование имеет место главным образом в трех случаях: 1) в именах существительных с основой на *т* перед аффиксом принадлежности 3-го лица *ĕ;* 2) в глаголах с основой на ***-л, -н, -р*** в прошедшем категорическом времени в 3-м лице единств. и множ. числа. Это ***ĕ*** в том и другом случае восходит к древнему личному местоимению 3-го лица ***ĕ,*** которое позднее заменилось лично-указательным местоимением *вăл*. Напр., а) *сĕт* — молоко, но *ĕне сĕчĕ* — коровье молоко (букв. корова + молоко ее), *турат*-ветка, но *йывăç турачĕ* — ветка дерева, *совет,* но *ял совечĕ*— сельсовет и т. д.; б) *лартăм*—я сел, но *вăл ларчĕ*—он сел, *ларчĕç* — они сели, *куртăм* — я видел, *но курчĕ* — он видел. 3) В местном и исходном падежах имен, принявших аффикс принадлежности 3-го лица: *кĕрĕк кĕсйинче* — в кармане шубы, *Шупашкар хулинче* — в городе Чебоксарах и т. д.

5. Сравнительно с другими языками чувашский язык весьма богат долгими согласными. Одни из случаев удлинения имеют здесь морфологизованный, а другие синтаксический характер. Например, если в корневых словах на ***-ă, -ĕ*** последним непосредственно предшествует только один согласный звук, то этот звук удлиняется в родительном, дательно-винительном падежах ед. числа и во всех падежах ед. и множ. числа при употреблении их с аффиксами принадлежности: О. сасă — голос, Р. сассăн, Д.-В. сасса; О. сассăм — мой голос, сассу — твой голос, сасси — его голос, сассăмăр — наш голос, сассăр — ваш голос и т. д. Имена числительные до десяти включительно (равно и в составных числительных) при простом счете и при производстве арифметических действий с отвлеченными числами удлиняют свой согласный звук: пĕрре, иккĕ, виççĕ, тăваттă; виççĕ те тăваттă — çиччĕ; но виçĕ пус — три копейки, пилĕк тенкĕ — пять рублей, ултă сурăх — шесть овец и т. д. (О многочисленных случаях удлинения согласных в чувашском языке см. ниже в отделе «Фонетика», стр. 184—188).

К числу наиболее типичных особенностей чувашского языка в области морфологии можно отнести:

1) Аффикс множественного числа *-сем* (диал. *-сан*, восходящий к самостоятельному слову *сан* — число, число, а в тюркских языках *-лар, -лăр* в разных фонетических вариантах: чув. *юлташ-сем,* тюрк. *йолдаш-лар* — товарищи.

2) В чувашском языке в именах аффикс множ. чис. следует за аффиксом принадлежности (как в финских), а в других тюркских языках он всегда предшествует аффиксу принадлежности: чув. *хĕр-ĕм-сем,* тат. *кыз-лар-ым* — мо

3) Весьма характерно для чувашского языка и образование отрицательной формы повелительного наклонения при помощи препозитивной частицы *ан,* тогда как в других тюркских языках она не составляет исключения, как и все другие глаголы, образуется при помощи аффикса *-ма, -ме,* прибавляемого к основе глагола. Чув. *ан пар,* татарск. *бирме,* турецк. *вермейин* — не давай. По-видимому, частица *ан* в чувашском языке заимствована из восточно-финских языков. Частица эта имеется в финских языках: в удм. *эн вера* — не говори, *эн ветлы* — не ходи, в яз. коми *эн гиже* — не пиши, *эн мун* — не ходи.

4) Чувашский язык отличается от других тюркских языков своими вопросительными частицами ***-и? -ши?*** В других тюркских языках мы имеем: *мы, ми, ма, ме, ба, бе, па, пе.* Например: *кунта-и?* тур. burada mi? — здесь ли? чув. *кирлĕ-и?* к.-*рек-пе?* (не) надо ли?

Чувашский язык выделяется из остальных тюркских языков и некоторыми особенностями синтаксического характера. Отличительной особенностью его в области синтаксиса является наличие в нем аффиксов сказуемости, т. е. таких аффиксов, которые, присоединяясь к именам, придают им характер целого предложения, содержащего в себе и подлежащее и сказуемое. Так, в турецком языке: настоящее время: Rusum — я русский, Rusun — ты русский, Rustur — он русский, Rusuz — мы русские и т. д. Аффиксы сказуемости настоящего времени не имеются в чувашском языке. В качестве же аффиксов сказуемости прошедшего времени функционирует здесь частица ***-чĕ***, восходящая к форме 3-го лица прошедшего категорического древнего глагола *и* — быть, прибавляемая ко всем лицам ед. и множ. числа. Напр.: *эпĕ (ун чухне) студентчĕ; эсĕ вăл студентчĕ, эпир студентсемччĕ* и т. д.— я был (тогда) студентом, ты был студентом и т. д.; ср. тур. talebe idim, sin ydim и т. д.

Указанные особенности языка объясняются тем, что чувашский язык формировался на основе иных языков, чем другие тюркские языки, да и позднее он тесно соприкасался с восточно-финскими и казанско-татарским языками, а в последние века развивался под мощным влиянием русского языка, что не могло не наложить на него своеобразный отпечаток, достаточно отличающий его от других тюркских языков.

3. ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

Как известно, письменные памятники на чувашском языке появляются лишь с XVIII века. Вследствие отсутствия древнейших письменных памятников при исследовательских работах по чувашскому языку приходится обращаться к разного рода источникам, имеющим не всегда прямое, непосредственное отношение к нему. Сюда относятся:

1. Булгарские намогильные надписи XIII и XIV вв.
2. Мадьярский язык, в лексике которого насчитывается около 200 чувашских (булгарских) слов.
3. Древние и новые тюркские языки.
4. Восточнофинские языки.
5. Русский язык.
6. Чувашские диалекты.
7. Чувашский фольклор.
8. Письменные памятники чувашского языка второй половины XVIII и первой половины XIX в.

Намогильные надписи волжско-камских булгар. Весьма ценным источником при изучении чувашского языка являются эпиграфические памятники древних волжско-камских булгар. Они написаны по преимуществу на арабском языке и в большинстве случаев содержат изречения из корана. Среди арабского текста встречаются здесь и неарабские слова, означающие хронологические даты и личные имена. Дешифровка неарабских слов и обнаружила в них чувашские элементы. Разбором булгарских намогильных надписей занимались многие ученые: Ю. Клапрот [1], И. Н. Березин [2], Н. И. Ашмарин [3], Н. Ф. Катанов [4], С. Е. Малов [5]. На чувашизмы языка этих памятников впервые указал Хусеин Фейзханов в 1863 г. в статье «Три надгробных болгарских надписи» в IV томе журнала «Известия Археологического Общества» (стр. 395—404). Он первый из ученых разгадал значение на многих памятниках встречающегося загадочного выражения джиати джюр, как чувашское *çичçĕр* — семьсот. Чувашизмы мы находим только на памятниках, относящихся к более древнему времени — приблизительно от конца XIII веда до 60-х гг. XIV века. Более поздние намогильные надписи содержат уже элементы татарского языка. На булгарских памятниках встречаются следующие совпадающие с чувашскими слова:

---

[1] J. Klaproth. Notiae et explication des inscription de Bolghari. Nouveau Journal Asiatique, 1831, VIII, pp. 483—503.
[2] Булгар на Волге. Казань. 1852.
[3] Болгары и чуваши. 1902.
[4] Чувашские слова в болгарских и татарских памятниках. 1920.
[5] С. Е. Малов. Булгарская и татарская эпиграфика. Эпиграфика Востока I. 1947, стр. 38—45; II. 1948, стр. 41—48.

Булгарские слова	Современ. чувашск. произношение	Соответств. слова в татарск. яз.	Значение слов
туатăм	тăваттăмĕш	дӳртенче	четвертый
биалем	пиллĕкмĕш	бишенче	пятый
алттă	улттă	алты	шесть
джиат	çиччĕ	жиде	семь
джиаттăм	çиччĕмĕш	жиденче	седьмой
саккăр	саккăр	сигез	восемь
джирем	çирĕм	егерме	двадцать
джирменеш	çирĕммĕш	егерменче	двадцатый
тăхр	тăххăр	тугыз	девять
ван	вуннă	ун	десять
вутăр	вăтăр	утыз	тридцать
херх	хĕрĕх	кырык	сорок
джюр	çĕр	йөз	сто
джал	çул. ср. кăçал	яшь	год
айх	уйăх	ай	месяц
кӳн	кун	көн	день
хир	хĕр	кыз	девушка, дочь
авл	ывăл, ул	ул	сын
барджин	пурçăн	ефәк	шелк и др.

Отсюда ясно, что булгарский язык, как и чувашский, принадлежал к *«р»* и *«л»* диалекту в противоположность другим тюркским языкам принадлежащим к *«з»* и *«ш»* диалектам. Это дает нам основание выдвинуть гипотезу о происхождении чувашской народности от булгар.

Булгарские намогильные надписи представляют значительную ценность для исследователя чувашского языка, но ими приходится пользоваться строго критически и весьма осторожно. При несерьезном подходе к ним всегда возможны ошибки, скороспелые выводы. Напр., в половине прошлого века проф. И. Березин выражение *джиати джюр,* приняв за арабское, переводил как «век угнетения» и, чтобы оправдать такое понимание, вынужден был строить невероятные догадки и предположения.

Некоторые разногласия между учеными выявляются и при транскрибировании текста этих эпитафий. Например, проф. Н. Ф. Катанов, вопреки общепринятому чтению арабской буквы алиф как «а», предлагает читать ее как «о». «Так как во всех надписях Поволжья,— пишет он,— звук «о» на персидский лад передается через знак алиф (о), то последовательнее было бы транскрибировать так: جال через «çол» и كوان через «кон»... В заключение следует заметить,— прибавляет он,— что диалект надписей есть окающий, а не укающий (çол, кон, вон, ойăх, олттă, тоххăр, вотор), тот самый диалект, которым говорят ныне

коренные чуваши уездов Курмышского, Козьмодемьянского, Ядринского, Чебоксарского...»[1]

Все это безусловно снижает научную ценность данного источника. Отсюда вполне понятно, что при решении многих важных вопросов, относящихся к истории чувашского языка, мы не можем всецело опираться на показания рассматриваемых эпиграфических памятников Волжской Булгарии, а должны проверять их при помощи данных других источников. Например, они бессильны дать нам правильный ответ на вопрос, развились ли нынешние чувашские *у* и *о* начального слога, соответствующие звуку *а* других тюркских языков, непосредственно на булгарской почве или же эти звуки представляют в чувашском языке позднейшее развитие из первоначального булгарского *а*.

Чувашские заимствования в мадьярском языке. Не менее ценным источником являются чувашские заимствования в мадьярском языке. Здесь сохранилось более 200 чувашских слов в своей архаичной форме. Они относятся к области земледелия, скотоводства, домашнего обихода (см. выше, стр. 15). Когда же мадьяры могли заимствовать эти слова от чувашей, когда и где имело место географическое соприкосновение этих двух народов, ныне отстоящих друг от друга на расстоянии более 2000 километров?

В новое время мадьярские ученые Darkó, Fehér, Gombocz, исходя из языковых и исторических данных, а также на основании географического распределения некоторых растений и деревьев заключают, что слова, сходные с чувашскими, мадьяры заимствовали не непосредственно от чувашей, а от булгар и что культурно-языковое влияние булгар на мадьяр происходило не на Волге, а на Северном Кавказе, между Доном и Кубанью, и началось оно еще в V—VI вв. нашей эры[2].

На чувашские слова в мадьярском языке впервые обратил внимание мадьярский академик Буденц в 1871 г.[3]. По его мнению, древнетюркские заимствования в венгерском языке по своим фонетическим особенностям более всего приближаются к чувашским словам и могли быть заимствованы только из чувашского языка, составляющего отдельную ветвь древнетюркского языка, но ветвь, отделившуюся от общетюркского ствола еще в отдаленнейшие времена. Окончательно же оформил и систематизировал чувашские элементы в мадьярском языке Гомбоц в своем обобщающем труде „Die bulgarisch-turkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache". Mêmoires de la Sociêtê Finno-Ougrienne XXX, 1912.

[1] Н. Ф. Катанов. Чувашские слова в булгарских и татарских памятниках. Казань, 1920, стр. 7, 13.

[2] Korösi Csoma-Archiv I. 192—301; Ungarische Jahrbücher 1, 195—203; Keleti Szemle XIX, № 2, 1921.

[3] Jelentès Vámbéry a magyar-török szójegyzèseiröl Nyk X, 67—135, 1871

Чувашские слова в мадьярском языке представляют большую ценность для исследователей чувашского языка. Они дают нам основание для некоторых научных обобщений и выводов. По ним мы можем приблизительно определить хронологию некоторых фонетических явлений в истории чувашского языка.

Мадьярские заимствования из булгарского языка несколько помогают нам и при решении вопроса о времени появления в чувашском языке звука *ҫ*, восходящего к аффрикате, отражающейся в разных тюркских языках различно: то как j, то как *дж, ж*, то как *дь*, то как *ч*. Если звук этот в венгерский язык перешел в виде *дь*, то отсюда ясно, что чувашское *ҫ* тесно связано с соответствующей булгарской аффрикатой. Напр.:

венгр.	*чув.*	*каз.-тат.*	*тур.*	перевод:
gyümolcs	ҫӗрӗ	жимеш	yemis	плоды
gyürü, szürü	ҫилĕм	йӧзек	yûzük	кольцо, перстень
gyalom	ҫимĕҫ	жылым	—	невод

и т. д.

Данный источник оказывает нам большую услугу и в деле восстановления исчезнувших чувашских слов и прежних их форм. Напр., венгерские слова *tenger* — море, *bölcsö* — колыбель, зыбка, *görény* — хорек указывают на существование этих слов и в древнечувашском языке. Но здесь первое слово в период Казанского ханства вытеснено было кыпчакским dinges (каз.-тат. *дингес*), второе в XVIII—XIX вв. заменено было русским *зыбка*, принявшим в чувашском языке форму *сăпка*. У Спиридона Михайлова встречается слово *пельче* (Чувашские разговоры и сказки, 1853 г.), а слово *кӳрен* исчезло вследствие появления новообразования *пăсара* (буквально «испускающий газы»), ср. кирг. кара-калп. *кӳзен*, каз.-тат. *көзән*.

Значение данного источника далеко не исчерпывается сказанным.

Тюркские языки. При исследовании чувашского языка важным и ценным источником являются также родственные тюркские языки, особенно древние, на которых сохранились письменные памятники. Они помогают нам уяснить, какие исторические изменения испытал чувашский язык в области фонетики, морфологии, синтаксиса, лексики и семантики. На основании сопоставления отдельных языковых явлений чувашского языка с соответствующими явлениями тюркских языков мы легко устанавливаем строгие закономерности между ними. Например, интерденталь ное *д* орхонских надписей (VII и VIII вв.) в чувашском языке дает *р*, а зазубные *д, т*, употреблявшиеся только после со гласных *л, н, р*, остаются и в чувашском языке без изменения как и *д*. Например: чув. *кӗрӳ*<*кӗрӗв*, орх.-енис. *кӳдägӳ* —

зять, чув. *çуран,* орх. *йадаг* — пеший, чув. *чикрĕм,* орх. *тикдим* — водрузил, чув. *ку çĕрте.* орх. *бу йирдä* — на этой земле, в этой стране, чув. *унта,* орх. *анта* — там, чув. *ялта* в деревне, орх. *илтä* — в государстве, чув. *лартăм,* орх. *олуртым* — сел, чув. *хăпартрăм,* орх. *кобартдым* я поднял. чув. *утлă,* в «Кут. билиг» *атлыг* — имеющий лошадь и т. д.

Отсюда становится вполне понятным, почему именно в чувашском языке после основ на *-л, -н, -р* в местном и исходном падежах, в сравнительной степени и в прошедшем категорическом времени стоит *т (д)*: *хирте* — в поле, *вăрманта* — в лесу, *ялтан* — из деревни, *йывăртарах* — труднее, *килтĕм* — я пришел и т. д.

Многие грамматические формы чувашского языка получают надлежащее научное освещение только путем сравнения и сопоставления их с соответствующими формами тюркских языков. Например, происхождение формы чувашского супина на *-машкăн (-мешкĕн),* диал. *-макшăн (-мекшĕн)* мы можем разъяснить только на основе тюркских языков. Из наличия здесь инфинитива на *-мак* мы заключаем, что форма на *-машкăн (-мешкĕн)* образовалась из тюркского инфинитива на *-мак (-мек),* наличного и в древнечувашском языке, путем присоединения к нему послелога *ӳчӳн,* принявшего на чувашской почве форму *-шăн(-шĕн).* Следовательно, эта диалектная форма супина на *-макшăн (-мекшĕн)* древнее литературной формы на *-машкăн (-мешкĕн),* возникшей позднее путем перестановки согласных *к* и *ш.*

Только что указанные тюркские данные позволяют нам установить, что и форма чувашского инфинитива на *-ма(-ме),* совмещающего в себе функции супина, есть не что иное, как усеченная форма (без конечного *к*) общетюркского инфинитива на *-мак(-мек)* (ср. усеч. инфин. на *-ма, -ме* в турецк. яз.). На чувашской почве взрывное заднеязычное *к* в конце слова во многих случаях выпадает: *вулама*—читать, ср. тур. okumak, *çырма*—писать, ср. тур. yazmak, *ĕçлеме*—работать, ср. тур. islemek и т. д.; ср. чув. *хăлха, ура, тура, пулă, ĕне кĕсре* и соответствующие тюркские слова: кул(г)ак, айак, тарак, балык, инек, кысрак и т. д.

Без привлечения данных тюркских языков не всегда возможно бывает точно определить историческое происхождение и многих других грамматических форм чувашского языка. Напр., аффикс понудительной формы чувашских глаголов *-ат(-ет)* необъясним на основе одного чувашского материала. Только тюркский глагол *эт, ит* — делать, не сохранившийся в чувашском языке, дает нам ключ к правильному объяснению указанного аффикса: *вĕре+эт>вĕрет* — вскипятить (букв. заставить кипеть), *ташла+эт>ташлат* — заставить плясать, *çĕнет* — обновить <*çĕне+эт* — сделать новым и т. д.

Тюркские языки также помогают нам определить этимологию многих чувашских слов. Взять, к примеру, слово *сенĕк*—вилы. На

материале чувашского языка не представляется возможным определить этимологию этого слова. Здесь нам могут помочь только тюркские языки. В башкирском языке мы имеем *сэнске,* казах., к.-калп., ног. *шанышкы* «вилка», азерб. *санчаг* «булавка». Отсюда ясно, что слова эти происходят от глагола *сэнсе, шанш, санч* — колоть, вонзать. Следовательно, вилы или вилка такое орудие, которым можно колоть, вонзать. В чувашском языке имеются и родственные слову *сенĕк* слова: *сăнă* — жало и *сунчăка* — острога.

Также и некоторые вымершие теперь, но сохранившиеся в фольклоре слова получают свое осмысление только через родственные тюркские языки. Например, никто теперь не знает значения чувашского слова *хăрхăм,* встречающегося в сказке «Пике». Некогда оно означало девушку-рабыню (*хĕр* — девушка, *хăм* — рабыня, служанка). Раскрытием этимологии этого слова мы обязаны древнетюркскому языку. В орхоно-енисейских рунических памятниках тюркской письменности встречается слово *кӳн* в значении рабыни, служанки (Кюль-Тегин, больш. надп. 20), в чувашском языке оно закономерно приняло форму *хăм.*

То же самое нужно сказать и о целом ряде других чувашских слов, этимологию которых можно установить только на основании родственных тюркских языков. Напр., слово *хусăк,* известное теперь только в отдельных диалектах, в ранней истории чувашей служило названием основного земледельческого орудия и заимствовано было от тюрок: на чувашской почве должно было звучать *хурăк* или *хырăк* (ср. мадьяр. *karo* — кол, жердь). Об этом можно заключить по значению этого слова в других тюркских языках. Чувашскому *хусăк* здесь соответствует *казык, кадак* в значении кол, позднее — гвоздь. В основе его лежит корневое слово *каз* — копать. Отсюда ясно, что до изобретения первобытного плуга (*ака, акапуç* от *ак* — сеять) и заимствования позднейшей сохи от русских чуваши копали и разрыхляли землю для посева колом (ср. этимологию русского слова *соха,* восходящего к слову *сук, рог*). Чувашское *хусăк* позднее представляло особую узкую деревянную (дубовую) лопату шириной приблизительно в 3 вершка (12—12 см) с выступом с одной стороны (в некоторых диалектах предмет этот известен под именем *шĕпĕн, карлав.* В последнее время им копали картофель, в наше время оно выходит из употребления). То же самое мы должны сказать и о словах *кĕреçе* — лопата, *пăчкă* — пила, *сăхман* — кафтан, *тӳшек* — перина и др.

Чувашские языковые материалы не дают нам возможности установить этимологию этих слов. У нас не сохранились первоначальные основы этих слов, тогда как в тюркских языках мы их имеем: тат. и башк. *көре,* тув. *кӳрä,* ойр. *кӳр* — сгребать, сгрести, следовательно, *кĕреçе* — орудие, чем сгребают, тур. *быч* — резать, тат. *пычак* — нож, *сок* — накинуть на себя,

надеть (ср. алт. *камыт сук* — надень хомут), тат. и башк. *тўшэ*, тув. *тўшä*, тур. döse — стлать, разостлать (ср. русск. постель, постелить) и т. д.

Без помощи тюркских языков мы не в состоянии выделить из словарного состава чувашского языка новые тюркские слова, проникавшие сюда главным образом в период Казанского ханства. Напр., *куян, тинĕс, акăш* или *аккăш, кисеп* и др.

Вообще тюркские языки являются весьма ценным источником при исследовании чувашского языка. Без широкого привлечения их нам очень трудно, а в иных случаях и совсем невозможно разрешить те или иные спорные вопросы чувашского языкознания.

Восточнофинские языки. При изучении чувашского языка нельзя не использовать в качестве вспомогательного источника и восточнофинские языки. Поскольку предки чувашей и предки восточных финнов в прошлом, как было указано выше, имели много общего в своем хозяйственном укладе жизни, верованиях и пр., поскольку и позднее в течение многих веков они жили в соседстве, то в языке у них имеются общие слова и общие грамматические элементы, восходящие к позднейшим взаимным заимствованиям. В частности, в удмуртский язык проникло до 165 [1], в марийский — свыше 800 чувашских слов [2]. Чувашские заимствования в финских языках и финские заимствования в чувашском представляют большую ценность для исследователя чувашского языка. Они вносят некоторую ясность в вопросы этногенеза чувашей, а также происхождения и этимологии некоторых чувашских слов и аффиксов. Например, нас долго интересовал вопрос о происхождении чувашского слова *мулкач* — заяц. Слово это отсутствует в других тюркских языках. На этом основании в старое время мадьярский ученый Мункачи склонен был считать его заимствованным из кавказских языков [3]. Поскольку он не приводит достаточных данных об источниках происхождения этого слова, то с его предположением трудно согласиться. Нам кажется более вероятным видеть в этом слове не кавказское, а финское влияние. В удмуртском языке заяц обозначается словом *людкеч* (букв. полевая коза). Если сюда прибавить еще удмуртское слово *му* — земля, то получится *мулудкеч* (хотя в удмуртских словарях этого слова мы не нашли). По-видимому, прототипом чувашского *мулкач* и послужило удмуртское *мулудкеч*. Чувашскому языку не свойственно сочетание двух «у» в основе слова и трех согласных, поэтому в этом слове сначала редуцировалось и выпало второе *у*, а затем звук *д*: *мулудкеч* > *мулăткеч* > *мултткеч* > *мулкеч* по требованию закона гармонии гласных *мулкач*. Возможно, что вначале этим словом обозначали земляного зайца — тушканчика, а позднее применили его и к обыкновенному зайцу.

[1] Wichmann. Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen. Mèmoires de la Société Finno-Ougr. XXI. 1903.

[2] Räsänen. Die tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen. Mèmoires de la Soc. Finno-Ougr. XLVIII. 1920.

[3] B. Munkácsi. Kaukasischer Einfluss in den finnisch-magyar. Spr. Keleti Szemle I. 1900, стр. 205—206.

Финские языки помогают нам при установлении этимологии и некоторых других чувашских слов и при объяснении происхождения тех или иных грамматических форм. Например, употребление отрицательной частицы *ан* в формах повелительного наклонения можно объяснить только на основе наличия этой частицы *(эн)* в удмуртском и коми языках.

Русский язык является одним из источников при изучении чувашского языка. Влияние русской культуры на чувашей начинается с древнейших времен. В чувашском языке мы находим слова *кăмпа* (произносится кăмба) — гриб, *кĕнчеле* (*ч* звонкое — джь) — сверток очищенной кудели, приготовленной для пряжи. Слова эти, вне всякого сомнения, проникли сюда от восточных славян раньше X века, когда у последних в языке еще были носовые гласные: юс большой и юс малый. Ср. *гонба*, *кондель* [1]. И в последующие времена не прекращался приток новых русских слов в чувашский язык в связи с широким культурным воздействием русских на чувашей.

О заимствовании русских слов в позднейшие периоды истории чувашей, с момента присоединения к Русскому государству и особенно после Великой Октябрьской социалистической революции, и не приходится говорить. Мы не найдем ни одной отрасли хозяйства, где бы не чувствовалось влияние передовой русской культуры. В большом числе встречаются русские заимствования и в области административного управления, и суда, и школьного дела, и домашнего обихода, одежды, пищи, военного дела, транспорта, почты, телеграфа и т. п. Нынешняя лексика чувашского языка содержит до 12—15% русских заимствований.

Чувашские диалекты. Немаловажным источником при изучении чувашского языка являются также чувашские диалекты. Поскольку они восходят к древним племенным языкам, постольку в них сохранились такие ценные слова и грамматические формы, каких нет в литературном языке. Если же они здесь и имеются, то не в такой древней форме, как в диалектах. Выше мы уже упоминали, что первичная форма супина на *-макшăн (-мекшĕн)* удержалась только в отдельных диалектах (в бывшем Сундырском районе), а в литературном языке мы имеем ее с перестановкой звуков *к* и *ш*. То же самое мы должны сказать и о послелоге *чĕк*. Диалектная форма его *кап* (в бывшем Сундырском р. *пуç кап* — как голова, величиной с голову) является более закономерной формой к тюркскому *кап* и *каб* — колодка, модель,

[1] Юс большой произносился как он.

образец, чем литературная *пек,* происшедшая путем перестановки звуков *п* и *к: кеп>пек.*

В диалектах мы находим также ценный материал по вопросу о влиянии монголов на чувашей в древнейшие времена и в период владычества Золотой орды. Местами, вероятно, имело место и частичное скрещение монголов с чувашами. Монголоидные типы не редкость среди чувашей. Монголам обязаны некоторые диалекты чувашского языка словами *кёрнӳкер* — дружки жениха, сопровождающие его верхом на свадьбе (монг. *нукер, нокӳр* — друг, товарищ), *нар* в фразе *нар пек хёрлё* (монг. *нар, наран* — солнце), *нюха* — собака (монг. *ноха, нокай* — собака) и т. д.

В диалектах нередко бытуют слова, представляющие собой реликтовые остатки глубокой старины и весьма ценные при суждении о древнейших судьбах чувашского народа, о древнейшем общественном строе его. Такими словами, например, в чувашском языке являются *хёр аки, хёр сухи* — букв. девичья пашня. Слова эти до недавнего времени были живым явлением в некоторых диалектах, поскольку с ним связано было выполнение известного древнего обряда, но с конца прошлого века он понемногу вышел из употребления. Так называли в старое время обряд опахивания селений весной с целью предохранить их от повальных болезней скота и эпидемических заболеваний людей. Обряд этот состоял в том, что взрослые девушки деревни впрягались в соху и без пояса, с распущенными косами в таинственной тишине ночи проводили борозду вокруг своей деревни, захватывая и принадлежащие ей поля радиусом приблизительно в 2—3 километра. И в это время по дороге никого не пропускали— ни из деревни, ни в деревню, а пытавшихся пройти или проехать, девушки били прутьями [1]. По окончании обряда из дубовых плах путем трения добывали огонь, варили яйца и закусывали, а потом разносили огонь по домам. Первоначально обряд *хёр аки,* по-видимому, не был приурочен исключительно к борьбе с эпидемиями и эпизоотиями, как объясняли его этнографы, а имел совершенно другое назначение. В нем нужно видеть скорее имитацию древнейшего социального уклада жизни — матриархата, когда занятие земледелием лежало исключительно на обязанности женщин, и такой социальный порядок жизни, по мнению народа, вполне одобрялся богами и признавался ими нормальным явлением. И вот народ каждый раз после ряда неурожайных годов, чтобы заслужить себе благоволение и милость богов и тем самым вернуть земле урожай и предохранить посевы от засухи

[1] На моей памяти в середине или в конце 80-х годов прошлого столетия в селе Тюрлеме Чебоксарского уезда во время совершения этого обряда девушки не пропустили даже грозного станового пристава. На этой почве возник судебный процесс, где в защиту чувашских девушек как будто выступал известный этнограф Н. К. Магницкий (примечание автора).

и градобития, символически возвращался опять к первобытному, угодному богам социальному порядку — к обработке земли женщиной. Обычай *хёр аки* исчез среди чувашей в конце 80-х годов прошлого столетия.

Кроме указанных, в чувашских диалектах имеются и другие слова, напоминающие нам о давно пережитой эпохе матриархата. Например, основная часть первобытного плуга, а именно левая ручка его, в которую вставлен грядиль, называется *ама турачё* — материнский сук, сук матери, мать-сук.

Чувашский фольклор. При изучении чувашского языка нельзя игнорировать и чувашский фольклор в качестве одного из источников. Напр., есть сказка «*Пикепе хăрхăм*». Современный чувашский разговорный язык не знает этих слов. На основании тюркских языков, особенно древних, можно заключить, что слова эти представляют собой закономерные формы тюркских слов *бике* — барыня, жена, дочь бея или бека, первоначально старейшины в роде (в чувашском *пӳ, пăй*) и *кӳн, кыркун* (см. енисейско-орхонские надписи) — рабыня; чувашское *хăр>хёр* — девушка и *хăм* — рабыня; следовательно, *хăрхăм* — девушка-рабыня, служанка. Возможно и то, что древнетюркское *кыркун* на чувашской почве могло принять форму *хăрхăм.* В чувашском языке *пике* имело исключительно значение дочери *пӳ, пăй.*

В другой чувашской сказке упоминаются *шкудавы,* которые по просьбе заключенной в трехстенный сруб оклеветанной ханской жены в первый раз прорубили ей дверь и окна, а во второй раз пристроили сени и крыльцо. В этой сказке о шкудавах или скутавах, нам кажется, нужно видеть отголоски сказаний о древних культурных скифах, которые вели обширную торговлю, везде бывали, знали всякие ремесла. Знаменательно и то, что в других, более поздних вариантах этой сказки вместо шкудавов выступают уже русские, как мастера всякого рода архитектурных сооружений.

Памятники чувашского языка 2-ой половины XVIII века и позднейшие. От 2-ой половины XVIII века мы уже имеем письменные памятники. Сюда относятся:

1. Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка 1769 г., которые представляют собой первую печатную грамматику чувашского языка, изданную Академией наук. В построении грамматики автор всецело следует латинской грамматике. Пять падежей латинской грамматики целиком переносит в чувашскую грамматику: именительный, родительный, дательный, винительный и относительный (ablativus). В качестве начальной формы чувашских глаголов по примеру латинской грамматики указывает первое лицо единственного числа настоящего времени: *твадап* — создаю, делаю, *каладап* — сказываю и. т. д. В грамматике довольно богато представлена лексика чувашского языка. Она вкраплена в разные разделы морфологии. Сильно

страдает у автора точность передачи чувашских звуков, особенно редуцированных гласных *ă, ĕ: кубук* — пена, *лаих* — хороший, *либешь* — бабочка и т. д. К фонетическим неточностям присоединяются и лексические неточности и неверные переводы, неправильные (искусственные) образования слов и форм: *ылганадап* — завидую (вместо проклинаю), *хытланадап* (вм. хытадап) — твердею, *хибер* — радость, *порныль* — обыватель, *сьонатлый* — крылатый, *вилимлый* — смертный и т. д.

Грамматика эта, несмотря на крупные недостатки, имела большое историческое значение. Составление ее для своего времени было значительным достижением. В ней чувашский языковой материал впервые нашел себе грамматическое объяснение. Отсюда неудивительно, что грамматика эта в дальнейшем послужила образцом для последующих авторов, как русских, так и иностранных. Появившееся через 67 лет после этого «Начертание правил чувашского языка», которое можно назвать второй печатной грамматикой чувашского языка, в изложении грамматического материала следует данной грамматике. Первая грамматика, положив в основу чувашской письменности русский алфавит, а в основу литературного языка верховое наречие, создала известную традицию в развитии чувашского письменного языка, продолжавшуюся до выступления на культурно-просветительную работу среди чувашей И.Я. Яковлева, положившего начало новому периоду чувашской письменности.

Рассматриваемый памятник заслуживает внимания и потому еще, что в нем сохранились старинные чувашские слова, вышедшие теперь из употребления: *сян* — тело, *сьуксью* — порука, *хось*—крест (ср. перс. kач), *кюнделень* — свидетель, *хёрдне* — край, наклестка и др.

Ценность данного памятника можно видеть и в том, что он дает нам некоторые указания о влиянии русской передовой культуры на чувашей, о постепенном проникновении ее в чувашский быт. Здесь мы находим до 25—30 русских слов, окончательно освоенных чувашами: *сога* — соха, *ыраж* — рожь, *салат* — солод, *апат* (п=б) — обед, пища, *квас чирязе* — квашня, *соландча* — солонница, *преня* — бревно, *матча* — матица, потолок, *пичка* — бочка, *киленче* — скляница, бутылка, *сипка* — зыбка и т. д.

Историческое значение этого памятника превосходно охарактеризовал в свое время московский корреспондент в немецком журнале „Göttingische Anzeigen von gelehrten Sachen" (1770, 1, 419—420). Анонимный рецензент очень сожалеет, что автор этой книги не настоящий лингвист, что он, по-видимому, кроме чувашского и русского языков, других языков не знает, но все же работа его достойна серьезного внимания ученых: во-первых, она знакомит с мало известным доселе языком, а во-вторых, при помощи ее можно исправить общепринятую классификацию народов, по которой чуваш причисляли к финским народам, тогда

как из грамматики ясно, что они по языку татары (т. е. тюрки).

В 1825 г. в французском журнале Journal Asiâtique (VI, 213—224; 267—276) историк Lévesque дал краткое изложение грамматики 1769 г. с некоторыми своими критическими замечаниями [1].

2. Небольшой лексический материал по чувашскому языку содержится и в словарях Екатерины II:

1) Сравнительные словари всех языков и наречий. 1. 1787, II. 1789. Под редакцией П. С. Палласа.

2) Сравнительный словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный. I—IV. СПБ. 1790—1791. Редактор Янкович-де-Мириево. В первом словаре содержится 285 наиболее употребительных слов, в том числе 12 названий чисел. Против каждого русского слова на 64 месте мы находим чувашское слово: 1. бог — тора. 2. небо — пюлт, сюндалык. 3. отец—атте, асио(г). 4. мать — амеше, амши. 5. сын — ювул. 8. сестра—адай, емык, акка. 10. жена — аврум. 11. дева—хирь, ивлача. 18. нос — сумзя, сымза (г). 24. лоб — самза и т. д. в том же роде.

Как видно из приведенных примеров, словари Екатерины II изобилуют ошибками. Большим недостатком их является отсутствие критического отношения к источникам, а также сильное искажение чувашских слов несведущими в чувашском языке наборщиками и редактором. Отсутствием настоящего специалиста по чувашскому языку можно объяснить и проникновение в словарь таких слов, как *«ку минскер»* — чудо. По-видимому, рядового чуваша попросили перевести слово «чудо». Тот, быть может, впервые услышав это слово и весьма озадаченный этим, про себя промолвил: *ку минскер* — что бы это значило? Вопрошавшие же приняли это за ответ и зафиксировали в словаре в значении «чудо».

Во втором словаре Екатерины II значатся те же чувашские слова, что и в первом, только расположены они в алфавитном порядке. Например:

Абе	я	по-чувашски
Абе	да	по-лопарски
Абенд	вечер	по-германски
Аберь	мы	по-чувашски и т. д.

3. От XVIII века сохранились также рукописные памятники чувашского языка. Например:

«Словарь языков разных народов в Нижегородской епархии обитающих, именно: россиян, татар, чувашей, мордвы и черемис по алфавиту российских слов расположенной... 1785 г.» Русских слов содержится здесь 11.115, из коих сотни две остались без перевода на чувашский язык. Словарь составлялся в Нижег

[1] См. нашу статью «Первая печатная грамматика чувашского языка» Тюркологический сборник, 1. Ленинград, 1951.

родской духовной семинарии под руководством епископа Дамаскина, питомца Геттингенского университета. Материал для чувашской части словаря собирали природные чуваши: иерей Ермий Рожанский «природою из чуваш», богословия и философии слушатели семинарии Григорий Рожанский и Иван Русановский и поэзии учитель Петр Талиев. Они же занимались переводом книг религиозно-нравственного содержания.

Один экземпляр этого словаря тотчас же по составлении был отослан Екатерине II и в настоящее время хранится в Ленинграде в Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина, а другой, основной экземпляр, оставлен был в библиотеке Нижегородской семинарии. В последние годы он поступил в распоряжение Мордовского научно-исследовательского института.

4. От XIX века тоже сохранились памятники чувашского языка, но по преимуществу миссионерского характера в подстрочном невразумительном переводе [1].

Вопрос	Идю
Как должно жить мужам с женами?	Епле керле бурнма опушкыин аврум зам ба?
Ответ	**Хоров**
Мужу должно жену свою любить, не свирепо с нею поступать, но разумным наставлением исправлять ее слабости, в общем хозяйстве и воспитании детей почитать ее за вернейшую свою помощницу.	Опушкана керле ху аврум не юрадас, хыттан зар онаба хытланас, усла вирене туран ба да тюрледяс онан сямзям сана, берли киль сиорт быхныра да ачазама кардас она шанны хуван болыш туваган бек.

1) Евангелие на чувашском языке. Казань, 1820. Переведено было священниками Казанской епархии.

2) Начатки христианского учения, или краткая священная история и краткий катехизис на чувашском языке. Казань, 1832.

3) Начертание правил чувашского языка и словарь, составленные для духовных училищ Казанской епархии, 1836.

Автором этой второй печатной грамматики чувашского языка, по свидетельству современников (А. Фукс и В. Сбоева), был казанский протоиерей В. П. Вишневский (член Географического общества). Грамматика изложена на первых 67 страницах; 69—216 стр. составляют чувашско-русский словарь, содержащий до 2800 слов, и последние 217—246 стр. содержит «слова, сходные в чувашском, татарском и черемисском языках».

[1] Переводы эти не достигали своей цели. Буквальный перевод слово в слово с языка одной типологии на язык другой типологии зачастую представлял механический набор слов и лишал переводимое всякого смысла. Кроме отдельных слов, чуваши совершенно не понимали содержания переводной литературы. Для образца приведем небольшой отрывок из катехизиса, переведенного в Нижегородской духовной семинарии в 1787 г. и напечатанного в 1800 году.

4) J. Budenz. Reguly csuvas példamondàtai. Nyelv. Közlemenek, II, 189—280. 1863. Автор дает 1550 отдельных чувашских фраз на наречии верховых чувашей Козьмодемьянского уезда (Ишлейский и Сундырский районы) с переводом их на мадьярский язык. Материал этот собран был среди чувашей рано скончавшимся (1858 г.) венгерским ученым Регули во время его путешествий к разным народам Восточной Европы и Азии в 1843—46 гг.

Из поименованных памятников только материалы Регули можно отнести к вполне доброкачественным, и ими можно пользоваться без особенных колебаний и сомнений. Что касается остальных источников, то к ним требуется сугубо осторожное и строго критическое отношение, так как в них многие факты языка сильно искажены и допущены совершенно произвольные грамматические и лексические формы чувашского языка.

4. ГРАММАТИЧЕСКИЕ ТРУДЫ ПО ЧУВАШСКОМУ ЯЗЫКУ

Научной разработкой чувашский язык обязан русским ученым, по преимуществу Н. И. Золотницкому и Н. И. Ашмарину. Они описали грамматическую систему чувашского языка. Чувашским языком и до них интересовались некоторые исследователи, как свои, так и зарубежные, но у них мы находим или работы, выполненные обывательски, без знания научных методов исследования, а потому не лишенные крупных недочетов, или трактовку более или менее частных вопросов чувашского языкознания. Из последней категории работ по чувашскому языку заслуживают внимания только две следующие: Брошюра W. Schott'a „De lingua tschuvaschorum", написанная на латинском языке и изданная без даты, вероятно, в 1842 году: сам Шотт в других своих работах показывает ее под этим годом (в Allgemeine Bücher-Lexicon'e она показана под 1841 г., см. т. IX, ч. 2, стр. 263, Leipzig 1849). В 1876 г. работа эта появилась в французском переводе в издании E. Leroux. La langue des tchouvaches par W. Schott. Traduit par B.—B. 1876. Хотя Шотт с чувашским языком ознакомился по малоудовлетворительному «Начертанию» Вишневского и совсем плохому переводу евангелия 1820 г., тем не менее его работа представляет довольно серьезный опыт научного освещения чувашского языка. Автор, знаток тюркских, монгольских и угро-финских языков, и в изучение чувашского языка привнес сравнительный исторический метод: факты чувашского языка он сравнивает с аналогичными фактами родственных ему тюркских, а в иных случаях и монгольских языков и устанавливает между ними известные соответствия. Он первый из лингвистов выдвинул значение фонетики в изучении чувашского языка и установил здесь общепризнанные теперь звуковые соответствия, напр.

между чувашским *р* и тюркским *з*: *саккăр—секиз* — восемь, между чувашским *л* и тюркским *ш*: *кĕмĕл — кӳмӳш* — серебро, между начальным чувашским *ç* и тюркским *й*: *çумăр — йагмур* — дождь, между чувашским *ч* и тюркским *т* и *д*: *чĕрĕ* — тур. *дири,* др.-тюрк. *тир* — живой и проч. Он проследил также явления спорадического отпадения конечного *к* (чув. *тупра,* тюрк. *тупрак)* и другие фонетические особенности чувашского языка (гл. II, стр. 7—15).

Также и в области морфологии проф. Шотт первый открыл в чувашском языке существование местного и исходного падежей и аффиксов принадлежности и сделал попытку научно объяснить происхождение некоторых грамматических форм. Он определил также этимологию некоторых чувашских слов и правильно указал арабские и персидские заимствования в чувашском языке.

J. Budenz. Csuvas közlések es tanul mànyok. В 1862—1863 гг. в журнале Nyelvtudomànyi Közlemènyek (1, 200—268; 353—433, II, 15—68). Это систематический и довольно полный курс чувашской грамматики на мадьярском языке под скромным заглавием «Чувашские очерки (и сообщения)». Грамматика эта содержит главным образом морфологию и составлена Буденцем на основании материалов уже покойного в то время Регули, который в 1843—1844 гг. в бывшем Козьмодемьянском уезде (Ишлейском и Сундырском районах) изучал чувашский язык и собирал материалы по языку и фольклору. Грамматика Буденца, как и работа Шотта, представляет значительный шаг вперед сравнительно с аналогичными работами его предшественников. При издании ее им приняты во внимание и грамматика 1769 г. и «Начертание» 1836 г. Буденц, кроме пяти общепризнанных до него падежей, отмечает четыре новых падежа: местный, исходный, направительный (на *-алла, -елле)* и предельный (terminativus)на *-чен.* Он ярко оттенил также особенность чувашских имен употребляться с аффиксами принадлежности и дал много образцов склонения их, не преминув отметить даже случаи удвоения или удлинения согласных звуков при этом: *алă, аллăм, аллу, алли...* Он первый отметил наличие в чувашском языке форм плюсквамперфектума (каçарсаттăмччĕ) и imperativus optativus (акчĕ, тытчĕ), первый выяснил роль недостаточного глагола *-чĕ* и пр. Вообще, труд Буденца-Регули заслуживает серьезного внимания. Здесь имеются также формы, вышедшие теперь из употребления (диалектные формы уступительного наклонения).

Наравне с достоинствами необходимо указать и некоторые недостатки этой грамматики. Автор недостаточно отчетливо различает здесь тонкости языка. Напр., некоторые чувашские формы, присущие только определенной категории имен, он обобщает и распространяет на все имена. От этого получаются у него искуственные формы (как предельный падеж).

Труды **Н. И. Золотницкого** представляют первый опыт научной постановки изучения чувашского языка в России. Труды эти следующие:

а) Заметки для ознакомления с чувашским наречием. Выпуск 1. Отдел звуковой. Казань, 1871, стр. XVI—64.

б) Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен. Казань, 1875. При словаре 22 приложения, представляющие большую ценность для лингвистов и этнографов.

в) Особенности чувашского языка, зависящие от изменения и выпуска согласных гортанных звуков. Казань, 1876.

г) Под его же редакцией издано сочинение его ученика А. И. Добролюбова «Ознакомление с фонетикой и формами чувашского языка посредством разбора и перевода оригинальных чувашских статей». Казань, 1879.

Н. И. Золотницкий первый из русских авторов обратил внимание на закон созвучия, или гармонии гласных, в чувашском языке, он открыл здесь парные согласные звуки, т. е. звонкое и глухое произношение одних и тех же шумных согласных и законы употребления последних, обусловленные фонетическим положением их; он первый объяснил разные фонетические изменения в языке — явления чередования, ассимиляции, выпадения, перестановки и удлинения звуков. Далее, он установил и систематизировал звуковые соответствия между чувашскими и тюркскими звуками, объяснил этимологии целого ряда чувашских слов, как: *авлан, пăяхам, вăртах, тăван, йĕрĕх, юмăç, хăямат, наркомош, янавар, çухрăм, çĕрпӳ, масмак, хушпу, урхалăх* и др. Н. И. Золотницкий не успел написать систематического курса морфологии чувашского языка, но в разных местах своих сочинений, особенно в книге Добролюбова, он правильно освещает многие морфологические формы, напр.: формы местного и исходного падежей, употребление аффиксов принадлежности, 2-е лицо повелительного наклонения выдвигает в качестве основной фор мы глагола и от нее образует все остальные глагольные формы

Золотницкий положил немало труда на улучшение и усовер шенствование переводческого дела, которым руководил в миссио нерском институте (приюте). Он объявил решительную войн подстрочной системе переводов. «Проверьте,— говорил он,—чт именно от несоблюдения порядка в расстановке слов, согласн требованию чувашского синтаксиса, т.е. от подстрочного перев да с русского, для чуваш совершенно непонятны поучения, гов римые в церквях по-чувашски, и переводы таких книг, как «К святой борнызин, али хорав идю сине, епле ман святой борнас Даже заглавие это до сих пор еще ни один чувашин не мог ревести мне по-русски или объяснить перифразом по-чувашс Между тем сколько употреблено труда на такие бесполезные реводы». Сам он требовал от своих учеников переводов точн и правильных, со строгим соблюдением синтаксического ст

чувашской речи. Благодаря этому ученики его чувашские переводы довели до значительного совершенства, в достаточной степени приблизив их к разговорной народной речи. Для образца возьмем отрывок из «Жития Аврамия булгарского», переведенного Гр. Филипповым: «Хальги Хозан губерниньчэ авал чох пер тодар да сьок-че. Тодар халых килэтьчень первай конда булгар ятлы халых темизэ сьӳрь çюл порынны. Булгар-халых сьомыньчэ чувашсам тада сярмассам иликрэнэх порнатьчесь. Булгар патшызэм Адыл-баньчы холара сявах Булгар ятлыскэрьдэ борынны. Булгар халыгын орых холызэм дэ номай-че, Булгар-холы порь холызэньчэн дэ ытла пызык-че, йышла-че, поян-че...» [1].

Сравнительно с «Начертанием правил чувашского языка» значительный шаг вперед представляет небольшая работа **Н. А. Лебедева,** ученика Н. И. Золотницкого — «Пособие к изучению чувашского языка». По материалам Н. И. Золотницкого издал Н. Лебедев. Казань, 1894. Первая половина книги (1—39) составляет грамматику, а вторая (стр. 39—76) — чувашско-русский словарь. Грамматика Лебедева содержит одну только морфологию. В отличие от Золотницкого, в основание «Пособия» положена яковлевская система письма и низовое наречие.

Н. И. Ашмарин своими трудами по чувашскому языку чувашское языкознание поднял на значительную высоту. Как свои русские, так и западноевропейские ученые в спорных вопросах по чувашскому языку всегда опираются на его труды и на его авторитет. И действительно, его работы в научном отношении выполнены безупречно и добросовестно. Крупным достижением его является прежде всего фонетически точная передача чувашских звуков и слов. С этой целью он пользовался общепринятой яковлевской системой письма, но в необходимых случаях уточнял ее собственной фонетической транскрипцией. Первая крупная работа Н. И. Ашмарина, появившаяся под скромным заглавием «Материалы для исследования чувашского языка» (Казань, 1898), представляет далеко не материалы, это систематический курс фонетики и морфологии чувашского языка. Работа эта отчасти носит обобщающий характер. В ней автор весьма умело использовал богатое лингвистическое наследство, доставшееся ему от предшественников, прибавив сюда много совершенно нового материала. Весьма ценными являются здесь и примечания редактора — известного тюрколога Н. Ф. Катанова, который указывает соответствующие чувашским формы из других тюркских (отчасти и из монгольских) языков. Установленная здесь Ашмариным система описания чувашского языка за небольшими исключениями остается в силе и до настоящего времени, только некоторые положения ее за 50 лет успели несколько устареть (см. нашу работу «Н. И. Ашмарин как исследователь чувашского языка», 1948).

Если в области разработки фонетики и морфологии чувашского языка у Н. И. Ашмарина все же были предшественники, то в области синтаксиса он не имел таковых.

Из задуманного им трехтомного «Опыта исследования чувашского синтаксиса» изданы два тома (I Казань, 1903, 11 Симбирск, 1923). Многие разделы синтаксиса отличаются необычайным богатством содержания, разнообразием творческой мысли и глубиной анализа. Местами автор очень тонко подмечает неуловимые оттенки смысла, скрывающиеся в некоторых однородных формах. Он вскрывает такие тонкости в языке, которые даже природному чувашу не всегда доступны. При изложении каждого синтаксического явления или правила автор иллюстрирует его большим количеством примеров. Однако вторая часть синтаксиса значительно уступает первой по глубине анализа и стройности изложения. Здесь нет строго определенной системы расположения материала, но содержится большой фактический материал, которым широко пользуются студенты и преподаватели.

При составлении чувашского синтаксиса Н. И. Ашмарину приходилось преодолевать большие трудности. Он часто наталкивался на факты языка, не укладывающиеся всецело в обычные рамки синтаксиса европейских языков. Например, весьма часто встречаются здесь своеобразные причастные обороты, имеющие в отличие от русских, и свое подлежащее и по значению соответствующие придаточным предложениям. С одной стороны, они напоминают предложение, а с другой—составное имя. После некоторых затруднений и колебаний Ашмарин нашел им наименование — «предложение-имя». «Под предложениями-именами,— пишет он,— я разумею в чувашском языке те предложения, которые, теряя свою самостоятельность, входят в состав другого предложения как один из составляющих его элементов. В чувашском языке подобные предложения конструируются следующим образом: сказуемое самостоятельного предложения заменяется причастием, а это последнее принимает суффикс притяжательный 3-го лица. Так, например, из самостоятельных предложений: *çумăр çăвать* — идет дождь, *çумăр çурĕ (çунă)* — шел дождь, *çумăр çăвĕ* — пойдет дождь — получим следующие предложения-имена: *çумăр çуни* — то, что идет (шел) дождь (ирхи не çумăр çуни халĕ те паллă — до сих пор заметно, что утром шел дождь), *çумăр çăвасси* — то, что пойдет дождь» (II, стр. 470—471) и т. д.

Необходимо, однако, заметить, что Н. И. Ашмарин не оставил систематического курса синтаксиса чувашского языка. Синтаксис его, несмотря на исключительное богатство фактического материала, носит несколько отрывочный, незаконченный характер. Автор ничего не говорит ни о способах выражения синта-

[1] Жития Гурия, Варсонофия и Германа с прибавлением сведений о мученике-инородце Авраамии болгарском. Казань, 1874.

сических отношений, ни о классификации второстепенных членов предложения, ни о типах предложений. В частности, в двух объемистых томах он ни разу не обмолвился о существовании в чувашском языке сложносочиненных или сложноподчиненных предложений, прямой и косвенной речи... В первом томе автор подробно трактует о случаях употребления падежей (90—378), об определительных предложениях (стр. 378—470), о предложениях-именах (470—547), во втором томе — о вспомогательных глаголах (40—108), условных предложениях (108—128), об окончательных формах глаголов (143—237)... Многочисленные типы предложений чувашского языка, кроме трех указанных здесь, остались неописанными и необъясненными Н. И. Ашмариным.

Интересна другая книга Н. И. Ашмарина — «Болгары и чуваши» (1902 г.). Работа эта представляет собою систематизацию материалов, относящихся к вопросу о племенных и лингвистических отношениях древних болгар к современным чувашам. Она носит итоговый характер: здесь автор обобщает все высказанное по данному вопросу его предшественниками. «Я решил,— пишет он,— составить небольшой обзор тех сведений, какие представляет нам литература о Волжской Болгарии, дополнив их некоторыми новыми соображениями, вытекающими из рассмотрения имеющихся в нашем распоряжении лингвистических данных» (стр. 3). И действительно, Н. И. Ашмарин в этом исследовании рядом новых лингвистических и исторических данных, можно сказать, окончательно обосновал болгарскую теорию происхождения чувашей.

Много работал проф. Н. И. Ашмарин и в области мимологии, или подражательных слов. Еще в 1918 г. он написал «Основы чувашской мимологии» (10 стр.) и позднее ряд работ, завершив их монографией «О морфологических категориях подражаний в чувашском языке» (Казань, 1928, 169 стр.). Первым из тюркологов он предпринял исследовательскую работу в этой совершенно незатронутой до него учеными области. Он первый установил генетическую классификацию подражаний и вообще мимологическую терминологию. Например, в последней работе «О морфологических категориях подражаний» им подвергнуто анализу 115 основных категорий подражаний, каждая из которых выражена соответствующей формулой.

Научные разыскания в области подражательных слов необходимы и представляют большой лингвистический интерес. В строении подражательных слов наблюдается известная закономерность, например, наличие звука *н* в подражаниях звону металла (*чан, танн...*), звука *л* в подражании световым явлениям (*ял, йăлт, йăлтăр-ялтăр...* и т. д.). Почти в каждом языке имеется небольшая группа слов, обязанная своим происхождением подражательным словам: ср. чув. *куккук* — кукушка, *чĕпчĕм*—

малиновка и др. Вообще подражательные слова представляют интересную тему для лингвиста, но Н. И. Ашмарин несколько уклонился от правильного пути исследования. Увлечение его подражательными словами объясняется тем, что он хотел воскресить давно схороненную в науке звукоподражательную теорию происхождения языка. Ему хотелось доказать, что все слова в любом языке произошли от подражательных слов. «Нужно полагать, — пишет он,— что многие слова в современных нам и древних языках не могут найти себе объяснение в подражании только по той причине, что мы не знаем их первоначального значения и нам неизвестно, какая сторона или какое свойство того или другого предмета вызвало в языке к жизни мимему, сделавшуюся впоследствии его постоянным названием» (стр. 140) [1]. Звукоподражательная теория происхождения языка в корне противоречит марксистской теории происхождения языка.

После Октябрьской революции в исследовательскую работу по изучению чувашского языка широко начинают вовлекаться национальные кадры. В 20—30 гг. значительный вклад в изучение чувашского языка внесен Ф. Т. Тимофеевым и Т. М. Матвеевым. На их плечи легла основная тяжесть по составлению школьных учебников. Т. М. Матвеев еще в 1919 году опубликовал в Симбирске ***«Грамматику чувашского языка»***. В предисловии автор скромно заявляет: «Я взял на себя труд изложить в общедоступной форме «Материалы» Н. И. Ашмарина. Так как это сочинение заключает в себе изложение законов фонетики и морфологии вообще чувашского языка со многими диалектическими особенностями, то я из него извлек только то, что имеет ценность практическую». Несмотря на такое заявление, автор все же внес в книгу и много своего материала. В предисловии, например, дал краткие сведения из истории чувашской письменности, в отдел фонетики включил необходимые сведения о физиологии звуков, уточнил и пополнил некоторые разделы морфологии (напр., учение о числительных и др.).

В 20-ые годы двумя изданиями вышла работа Ф. Т. Тимофеева на чувашском языке, представляющая собой краткий систематический курс чувашской грамматики. В ней содержится много новых и оригинальных наблюдений и выводов самого автора. В фонетической части, например, здесь мы находим подробную физиологическую характеристику гласных и согласных, впервые здесь дается объяснение причин возникновения палатальных согласных *л'*, *н'*, *т'*, обстоятельно описываются случаи чередования звуков. Немало новшеств внесено здесь и в морфологический раздел. Так, например, парадигма склонения имен

[1] Более подробный анализ трудов Н. И. Ашмарина см. в нашей работе «Н. И. Ашмарин как исследователь чувашского языка». 1948 г. и в работе В. А. Гордлевского «Памяти Н. И. Ашмарина». Ученые записки ЧНИИ, вып. XIV, 268—276. 1956.

включает у Ф. Т. Тимофеева 9 падежей *(именительный, родительный, дательный, винительный, местный, творительный, исходный, направительный* и *причинный)*. Дается также новая классификация числительных и местоимений и т. д.

Указанные две работы Т. М. Матвеева и Ф. Т. Тимофеева явились базой для создания в будущем стабильных школьных учебников, к работе над которыми непосредственно приступили они в начале 30-х годов. Учебники для первых-четвертых классов были написаны Ф. Т. Тимофеевым, а для пятых-седьмых классов ими совместно. Эти учебники ценны еще тем, что они заложили основы чувашской грамматической терминологии. С точки зрения теоретического содержания особо должны быть отмечены учебники для 5—7 классов: они стояли на уровне лингвистической науки того времени. Последующие учебники по чувашскому языку для 5—7 классов целиком составлялись на основе учебников Т. М. Матвеева и Ф. Т. Тимофеева.

Велики заслуги этих ученых в упорядочении чувашской графики, орфографии, пунктуации, а также в организации терминологической работы. В последней части больше всего работал Ф. Т. Тимофеев. Много времени и сил было вложено Т. М. Матвеевым в работу по подготовке к изданию словаря Н. И. Ашмарина (он был главным редактором первых шести выпусков этого словаря).

В последнее десятилетие работа по изучению чувашского языка в республике заметно оживилась: значительно расширился круг исследователей, разнообразнее стала тематика исследований, возрос их уровень. Однако кадры лингвистов по нынешним задачам явно недостаточны [1].

ЗАРОЖДЕНИЕ ЧУВАШСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Как уже было отмечено, первые письменные памятники на чувашском языке появляются с 18-го века. Но эта письменность не получила сколько-нибудь широкого распространения. К тому же система письма была в то время весьма далека от совершенства: графика не отвечала произносительным нормам, в ней отсутствовали знаки для обозначения специфических чувашских звуков. Задача реформы чувашской письменности легла на плечи просветителя чувашского народа И. Я. Яковлева. В 70-х годах прошлого столетия он составил новый алфавит и начал издавать на чувашском языке книги. С этого времени постепенно начинает оформляться и чувашский литературный язык.

[1] Подробнее об изучении чувашского языка в советский период см.: В. Г. Егоров и И. А. Андреев. Чувашское языкознание в советский период Ученые записки ЧНИИ, вып. XXXIV. Чебоксары, 1967.

Хотя дореволюционный чувашский язык достиг значительного совершенства, все же в условиях царизма он не смог окончательно оформиться в общенациональный литературный язык: для этого не было нужных предпосылок. И. Я. Яковлев мог издать для чувашей лишь буквари, книги миссионерского характера и только с большими препятствиями — брошюры по сельскому хозяйству, медицине, гигиене и проч. Пользование чувашским языком было весьма ограничено. В школьном преподавании он допускался только в начальной школе в первых двух классах — исключительно при прохождении букваря и на уроках закона божия. Царская цензура не пропускала к печати книг общеобразовательного характера. Для зарождения оригинальной художественной литературы, наиболее содействующей усовершенствованию литературного языка, не было надлежащих цензурных условий. Единственным благоприятным моментом для чувашского литературного языка явился период первой русской революции. В эти годы, благодаря нарастающему революционному движению в русском обществе, И. Я. Яковлеву удалось выпустить сборник художественных произведений, усыпив бдительность цензоров не соответствующим содержанию заглавием «Сказки и предания чуваш». В этом сборнике впервые увидели свет баллада Федорова «Арҫури» и классическая поэма Иванова «Нарспи».

В дореволюционное время все же преобладали у нас переводы с русского языка. Переводы эти при всех достоинствах их не могли представлять собой большого разнообразия в синтаксических оборотах и в стилистическом оформлении. Язык их отличался однообразием. Вообще дореволюционный чувашский язык не мог всецело подняться до уровня общенационального литературного языка. Проблема литературного языка тесно связана с национальной проблемой. Как развитие национальных культур, так и оформление и развитие общенационального литературного языка может развернуться с силой только с введением общеобязательного образования на родном языке, когда этот язык становится языком школы, сцены, прессы, языком художественной литературы и проч. Национальная же проблема не могла быть разрешена в царское время. Национальные языки тогда систематически преследовались, устранялись из системы народного образования и административного аппарата. Только Великая Октябрьская социалистическая революция создала в России политические предпосылки для развития и расцвета национальных языков и оформления их в общенациональные литературные языки. Действительно, после революции, после образования Чувашской автономной республики, благодаря строгому и последовательному проведению ленинской национальной политики чувашский литературный язык превратился в общенациональный язык. Административным центром респуб-

лики стал город Чебоксары, находящийся в районе верхового наречия. Отсюда вполне естественно, что в литературный язык, где раньше преобладали элементы низового диалекта, в значительном количестве начинают проникать элементы верхового диалекта, как в области лексики и фразеологии, так и в области грамматических форм. Здесь свободно начинают бытовать такие типично верховые слова, как *çăва* — кладбище, *салакайăк* — воробей, *пускил* — сосед, *мучи* — дядя, *ĕçкей* — деверь, *яш* — неженатый молодой человек, *яш-кĕрĕм* — молодежь, *виçмине* — послезавтра, *катара* — далеко и т. д.

Частично и грамматические формы верхового диалекта начинают находить себе место в литературном языке. Сюда можно отнести:

1) употребление формы, образованной от местоимений с помощью послелога *-ашкал(-ешкел)*, мало известного низовым диалектам: манашкал — подобный мне, подобно мне, кунашкал — подобный этому, пирешкел — подобный нам и т. д.;

2) употребление деепричастия на *-уçăн(-ӳçĕн)*: каюçăн, килӳçĕн и др.

Таким образом, современный общенациональный чувашский литературный язык, представляющий собой своеобразный синтез низового и верхового диалектов с преобладанием, однако, элементов низового диалекта, является детищем Великой Октябрьской социалистической революции. За годы Советской власти он сильно обогатился лексически и в стилистическом отношении достиг значительного совершенства: стал более четким, точным, гибким и выразительным.

Литературному оформлению и обогащению чувашского языка в советское время много содействовал перевод художественной и марксистско-ленинской литературы. Если в первое время переводчики чуть не на каждом шагу сталкивались с лексической ограниченностью и литературной необработанностью чувашского языка, то потом эти трудности реже чувствовались и сравнительно легко преодолевались. Перевод художественных произведений представляет большие трудности. Главная трудность здесь в воспроизведении образности, выразительности и художественной убедительности языка оригинала, в точном и ярком воссоздании художественной манеры автора. Перевод должен с предельной тщательностью воспроизвести идейное богатство произведения и особенности его художественной формы.

Перевод художественных произведений неразрывно связан с творчеством: требуется отбор слов, наиболее ярких, жизненных, способных с наибольшей выразительностью передать данный круг идей, образов и чувств, а иногда и создание новых слов для выражения отсутствующих у данного народа понятий, требуется непрерывная проверка мощности и жизнеспособности наличных ресурсов языка и создания новых словесных оборотов,

новых приемов речи и т. д. Крупный художник обогащает литературный язык, шлифует его и совершенствует.

Из переводов художественной литературы одним из наиболее удачных можно признать перевод «Евгения Онегина». Переводчик (Хузангай) сравнительно хорошо справился со своей задачей: он сумел сохранить и игривость тона, и легкость пушкинского стиха, и размер, и рифму, и число слогов в каждой строфе. Это уже является крупным достижением современного чувашского литературного языка. Приведем несколько стихов.

Эй, хĕрсем, чиперскерсем,
Пĕрле ӳснĕ тантăшсем,
Вылясамăр, сар хĕрсем,
Сарăлса, ирĕклесе!
Тăсса ярăр леш юрра—
Чунăмăр юратнине,
Илĕртсемĕр йĕкĕте
Çаврака уяв патне,
Илĕртсессĕн маттура,
Сăнасассăн аякран,
Тарăр-пĕтĕр, тантăшсем,
Перĕр ăна чиепе,
Перĕр хăмла çырлипе,
Хĕрлĕ хурлăханпалан.
Ан çӳрех эс итлеме
Вăрттăн юррăмăрсене,
Ан çӳре эс куç хывма
Пирĕн ваййăмăрсене.

(«Девицы-красавицы»)

Большое художественное мастерство и совершенство языка достигнуты у нас и в переводе художественной прозы русских классиков. Например:

«Июль уйăхĕнчи тӳлек, уяр кунччĕ. Кун пек ырă кунсем çанталăк нумайччен улшăнмасăр тăнă чух çеç пулаççĕ. Пĕлĕт ирттенпех тап-таса. Ирхи шурăмпуç пушар пек хĕрлĕн хĕрелмест, илемлĕ çутăпа йăвашшăн хĕвелтухăçне сарăлать. Хĕвел те типĕ, вĕри çанталăкри пек хĕртсе çунса тухмасть, тăвăл пулас умĕнхи пек тĕксĕм хĕрлĕн курăнмасть, уçă çуттипе йăвашшăн тухса ачашлать те кĕмĕл ука евĕр йăлкăшакан хăю пек ансăр, çăмăл пĕлĕт айне кĕрсе каять. Акă каллех ун çути выляса юха пуçларĕ, хăй вăл, пĕлĕт айĕнчен сирсе тухса, чаплă, илемлĕ, тап-таса пĕлĕт çинелле çăмăллăн сулăнчĕ. Кăнтăрла тĕлнелле çӳлте-çӳлте мамăк пек çемçе, шурă, çаврака пĕлĕтсем тухаççĕ. Вĕçĕ-хĕррисĕр сарăлса выртакан юхăм шыв çинчи утравсем пек, вĕсем выраăнтан сикмесĕр тăраççĕ. Çанталăк хĕрринче ку пĕлĕтсем çăраласçĕ, вĕсен витĕр вара кăвак, таса пĕлĕт хушăкĕсем курăнма

пулаççĕ, анчах вĕсем хăйсем те таса пĕлĕт пек чакăр курăнаççĕ, вĕсене витĕрех ăшăпа çутă çапса тăрать» и т. д. *(Тургенев.)*

На развитие чувашского литературного языка сильное влияние оказывает бурно развивающаяся художественная литература, в лучших произведениях которой отражается величие нашей эпохи со всем ее революционным героизмом, со всем пафосом революционной борьбы и социалистического строительства. Под пером наших лучших писателей, поэтов, драматургов и переводчиков в советское время чувашский язык все более и более совершенствовался: приобрел большую гибкость, выразительность, сочность, живость и музыкальность, не говоря уже о том, что и словарный запас его сильно обогатился.

С большим интересом и любовью читаем мы в наше время удачные произведения современных чувашских писателей. Нередко мы находим у них высокохудожественные места на манер стихотворений в прозе Гоголя или Тургенева. Приведем такой отрывок из наудачу открытого рассказа Тукташа «Пурнăç пуçламăшĕ»:

«Шăппăн-шăппăн шăвăнать çуллахи лăпкă каç. Бархат пек тӳпере çăлтăрсем йăлкăшаç; вĕлтлетеç-мĕлтлетеç, пинĕн-пинĕн çиçеç, вĕçĕмрен куç хĕссе, пĕр-пĕрне илĕртеç.

Шăппăн-шăппăн шăвăнать çуллахи лăпкă каç. Йăпшăнса-йăпшăнса тулли уйăх тухать, чӳхенет, çуталать, тӳпене кармашать, ыйха путнă çĕр çине шупка çутă тăкать, хĕрсемпе каччăсен вăййине хураллать.

Епле чăтса тăрăн çакăн пек каçсенче хĕрсемпе каччăсен уявне тухса вăйă-кĕвĕ каламасăр? Мĕнле хĕрупраçĕ, мĕнле йĕкĕт килте ларса юлма пултартăр кун пек илемлĕ вăхăтра?» и т. д.

Высокого совершенства достиг в советское время поэтический язык. Простота и ясность его, благозвучие и музыкальность стиха, четкая техника свидетельствуют о высоком поэтическом мастерстве многих наших поэтов.

Например:

Ĕнтĕ кун иртет,
Ĕнтĕ çĕр иртет,—
Таня ӳт-пĕвĕ
Çакăнсах тăрать.
Сăлпăран тухать—
Сапалать, витет:
Типĕ çил килет —
Тасатать, шăлать.
Ĕнтĕ кун иртет,
Ĕнтĕ çĕр иртет,
Эрне те çитет —
Пытарман хĕре.

Канлĕх çук ăна
Вĕлерсессĕн те,
Выртармаççĕ-ха
Хăй саван çĕре.
Юр хуплать ăна,
Çил силлет ăна;
Çил силлет, шăлать,
Сӳлласа илет.
Тӳпери чĕнми
Çăлтăрсем кăна
Ӳпкелеççĕ пек
Хĕрхенмен çиле...

(Хузангай, «Таня»)

Таким образом, чувашский язык в советское время все больше и больше развивался, совершенствовался и окончательно оформился в общенациональный литературный язык.

Чувашским литературным языком называется современный общенациональный чувашский язык, литературно обработанный и употребляемый в школе, в науке, периодической прессе, радиовещании, телепередачах, на сцене и в художественной литературе.

Нужно различать две формы литературного языка — письменную и устную. Письменный литературный язык — это по преимуществу язык художественной литературы, язык научных работ и школьных учебников, язык периодической прессы и пр. Устный же литературный язык — это разговорный язык чувашской интеллигенции, рабочих и колхозного крестьянства, проявляющийся в разного рода устных выступлениях, поскольку в этих случаях строго соблюдаются нормы общелитературного языка. Устная речь в отличие от письменной широко пользуется разными вспомогательными приемами и внеязыковыми средствами общения: интонацией, паузой, мимикой и жестами. При помощи силы звука, тембра голоса, смены ритмов и пауз оратор может в зависимости от темы вызывать в слушателях то чувство радости и восторга, то чувство возмущения и гнева и т. д. Отсюда становится вполне понятным, что иной раз блестящая устная ораторская речь, приводившая слушателей в восторг, в стенографическом воспроизведении превращается в обычную, довольно бледную и скучную речь, так как в письменном виде она утрачивает все элементы красоты и убедительности, которые ей придавали вспомогательные приемы ораторского искусства, как интонация, мимика, жесты и пр.

Письменная литературная речь отличается от устной и своим лексическим составом и грамматической структурой, своей номативностью, обработанностью средств выражения. В письменной речи почти всегда имеется значительное количество иностранных слов и разного рода изобразительные и выразительные средства языка. И в грамматическом отношении она характеризуется наличием большого разнообразия синтаксических конструкций. Если в устной речи преобладают простые предложения, чередуясь лишь иногда со сложными предложениями большого состава, то в письменной речи наряду с простыми предложениями часто встречаются сложные синтаксические конструкции: сложноподчиненные предложения со многими придаточными, многосоставные причастные и деепричастные обороты. Вообще письменная речь тщательно обрабатывается, и она получается более совершенной по внешней отделке, чем устный экспромт; тут автор имеет возможность продумать каждое слово и литературно оформить его.

Хотя общенациональный литературный язык первоначал

возникает и развивается на основе одного из наиболее распространенных живых диалектов, впоследствии он значительно отдаляется от него. От остальных диалектов он начинает отличаться и лексическим богатством, и отработанностью орфоэпических и грамматических норм, и отсутствием разного рода вульгаризмов и пр. Диалектизмы в языке нарушают указанные нормы литературного языка, затрудняют правильное понимание изложенного, и злоупотребление ими ухудшает литературный язык. Например, в чувашском языке такие формы, как *хăнча, măкăр, хăмăтла, умла, лашая, ĕнея, çармăк, эпĕ партăм, вăл вулат* и т. д., характеризующие отдельные верховые и низовые диалекты, с точки зрения общенационального литературного языка являются диалектизмами. Школа ведет с ними борьбу.

Обычно литературный язык и диалекты находятся в постоянном взаимодействии. Первый нередко обогащается за счет диалектов. Время от времени сюда переходят отдельные языковые элементы из местных говоров. Имеющиеся в отдельных диалектах слова и обороты, наиболее точно или образно выражающие данное понятие или данную мысль, беспрепятственно переходят в литературный язык. Например, в советское время из диалектов перешли сюда следующие слова и грамматические формы: *сунарçă* — охотник, *мучи* — дядя с отцовской стороны, *еткер* — наследство, *писев* — румяна, *писевле* — румянить, деепричастие на *-уçăн(-ӳçĕн): каюçăн, килӳçĕн* и т. д.

Равным образом диалекты испытывают на себе сильное влияние литературного языка. Общенациональный чувашский литературный язык на все диалекты действует нивелирующим образом. В наше время при сплошной грамотности населения и лексические, и фонетические, и грамматические элементы диалектов сильно стираются, молодежь постепенно начинает усваивать общие нормы литературного языка. В будущем по мере повышения культурного уровня всего населения, усиления связи между представителями разных диалектов, повышения политической активности сельского населения и т. д. местные говоры будут постепенно отмирать, уступая место единому общенациональному литературному языку.

В составе письменного литературного языка следует еще различать речь деловую, научную и художественную. Наука познает мир преимущественно с помощью понятий. Научный трактат или деловая статья по какому-нибудь вопросу выражается главным образом в логических понятиях и формулах. Отсюда деловой, научный язык должен отличаться точностью и ясностью, не допускать двусмысленного понимания слов и выражений. Художественное же творчество отражает действительность преимущественно в образах, оно живописует образами. Если ученый или автор деловой статьи убеждает в какой-либо истине с помощью логики, с помощью понятий и силлогистических умозаключений,

действуя главным образом на ум читателей или слушателей, то художник убеждает с помощью живых, ярких образов, действуя по преимуществу на чувство и воображение их. Художественное изображение действительности достигается главным образом средствами языка. Для создания ярких художественных образов писатель мобилизует всю сложную систему изобразительно-выразительных средств языка. Он украшает свою речь и эпитетами, и сравнениями, и метафорой, и повторением, и инверсией, и другими видами тропов и фигур. Отличие художественной литературы от науки в свое время хорошо разъяснено было Н. Г. Чернышевским. «Главная цель ученых сочинений,— писал он,— та, чтобы сообщить точные сведения по какой-нибудь науке, а сущность произведений изящной словесности в том, что они действуют на воображение и должны возбуждать в читателе благородные понятия и чувства. Другое различие состоит в том, что в ученых сочинениях излагаются события, происходившие на самом деле, и описываются предметы, также на самом же деле существующие или существовавшие, а произведения изящной словесности описывают и рассказывают нам в живых примерах, как чувствуют и как поступают люди в различных обстоятельствах, и примеры эти большею частью создаются воображением самого писателя»[1].

6. ДИАЛЕКТЫ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА И ИХ ОСОБЕННОСТИ

Язык есть общественное явление. Историческое развитие его неразрывно связано с развитием общества, с развитием народа, носителя данного языка и его создателя. Наряду с общенародным единым языком у союза родственных племен и народностей были и местные, территориальные диалекты, развитие которых определялось различными закономерностями общественного развития в эпохи разных общественно-экономических формаций.

Чувашский язык прошел сложный исторический путь развития. Разные элементы чувашского языка восходят к различным, весьма отдаленным эпохам — родового и племенного быта. Параллельно с общенародным языком здесь развились и местные, территориальные диалекты, отражающие те или иные этапы развития, пройденные чувашским народом и его языком.

В чувашском языке различается два основных диалекта и ряд говоров. Указанные два диалекта не так далеко отошли друг от друга, чуваши любой местности без особых затруднений объясняются между собою и хорошо понимают друг друга. Одно чувашское наречие называется верховым (вирьял, тури каласу),

[1] Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. III, 1947, стр. 312—313. О формировании и развитии прозаических стилей см. в работе: Н. П. Петров. Из истории становления прозаических стилей чувашского литературного языка. Уч. зап. ЧНИИ, вып. XXVII, стр. 146—160, 1964.

а другое — низовым (анатри чĕлхе, анатри калаçу). *Вире* или *вир* значит верх, а *ял* — деревня, народ [1]. «Унччен те пулмарĕ, Михаля пичче çӳçне-пуçне вирелле тăратрĕ те çарамасах хапхинчен сирпĕнсе тухрĕ» (Трубина. Вупăр). В иных районах чувашской языковой области слово *вире* употребляется еще в значении севера. Напр.:

Виререн вĕрет сивĕ çил,
Ыраш пучахĕсене çав тăкать.

Основанием для такого деления, вероятно, послужило местожительство чувашей по реке Волге. Одни из них жили выше по течению реки, несколько к северу, а другие ниже, южнее.

Начертить точную границу между верховым и низовым диалектами представляется довольно затруднительным: в наше время диалектные черты языка сильно стираются. В дореволюционное время сделаны были некоторые попытки к установлению границ чувашских диалектов П. И. Орловым [2], Г. И. Комиссаровым [3], а в советское время Т. М. Матвеевым [4] и др. По мнению П. И. Орлова, северная граница низовых диалектов проходит по линии Казанской жел. дороги от ст. Ибреси до ст. Тюрлема. К югу от этой линии в пределах Чувашской и Татарской республик, Ульяновской и Куйбышевской областей преобладает низовой диалект.

Южные границы верховых чувашей в наше время проходят несколько южнее Марпосада, приблизительно через деревни Собачкино, Маклашкино, Шигаево, Йĕрĕхçырми, Упакасси до Цивильска, далее через селения Кунашево, Шорги, Челлы, Албахтино (Собары) до Вурнар. К северу от этой линии до Волги и к западу до Сурских лесов чувашское население говорит на верховом наречии. В промежуточной полосе между низовым и верховым диалектами бытуют переходные говоры.

Верховой и низовой диалекты [5] чувашского языка, по-видимому, восходят к древнейшим племенным диалектам.

С 70-х годов прошлого столетия низовой диалект лег в основу чувашского литературного языка.

Чувашские диалекты *анатри* и *вирьял* отличаются друг от друга небольшими фонетическими, морфологическими, синтаксическими и лексическими особенностями.

Фонетические особенности чувашских диалектов. 1. В области фонетики главной отличительной чертой этих двух диалектов чувашского языка является наличие в начальном слоге слова звука *у* в низовом и звука *о* в верховом диалекте. В других тюркских языках им соответствуют или *а* или *у* и *о*. Например:

низов.	урам	верх. орам	улица
»	урапа	» орапа	телега
»	улма	» олма	яблоко
»	укçа	» окçа	деньги
»	ухмах	» охмах	глупый
»	пуç	» поç	голова
»	сурăх	» сорăх	овца
»	хурăн	» хорăн	береза
»	çурт	» çорт	дом
»	вуннă	» воннă	десять и т. д.

Вуник юман пĕр кутран,
Çурсан çуркам пулмĕ-ши?

Воник йоман пĕр котран,
Çорсан çоркам полмĕ-ши?

В иных словах звук *у* и в первом слоге остается без диалектного чередования с *о*, т. е. и в низовом и в верховом диалектах одинаково произносится как *у*. Это бывает, во-первых, тогда, когда в языке имеется два и даже три одинаковых слова сходных по звуковому составу, но различных по значению. Напр.:

низов. и верхов.		*верхов.*	
ут	лошадь	от	шагать
сут	суд	сот	продать
хут	раз, этаж, бумага	хот	бумага, топить (печь)
пус	копейка, колоть животное	пос	давить; ступить
тутă	вкус	тотă	сытый

В верховом наречии никогда не появляется звук *о* на месте *у*, которое получилось путем стяжения сочетаний *-ăв, -ăвă, -ывă*. Например:

ту	из тăв	*тур.* даг.	гора
ту	» тăв	» дог	родить, родиться
çу	» çăв	» яг	масло, жир
çу	» çăв	» яг	идти (о дожде)
су	» сăв	» саг	доить
çура	» çăвăр	» явру	детеныш животного
ус	» ăвăс	» —	осина
у	» ăв, ăвă	» кав	трут
ху	» хăв, хăвала	» ков, ковала	гнать, преследовать

[1] В чувашском языке в древнее время слово *ял* употреблялось в значении народ. Ср.: *Ял кулать* — народ осуждает (чей-нибудь поступок; *кулать* букв. «смеется»).

[2] Словарь чувашского языка Н. И. Ашмарина, вып. 1, стр. 217—226.

[3] Чуваши Казанского Заволжья. Изв. Общ. археол., ист. и этногр. при Каз. университете. 1911. XXVII, стр. 330—340.

[4] Т. Матвеев. Краткий обзор чувашских диалектов. Яфетический сборник, VI, 100—151, 1930.

[5] «Диалект» и «наречие» мы употребляем в одном и том же значении.

В чувашском языке стяжение сочетаний *-ăв, -ăвă, -ывă* в *у* — явление сравнительно новое (см. ниже раздел «Фонетика», стр. 165).

Вопрос о происхождении оканья и уканья является основным вопросом чувашской диалектологии, но тем не менее мы не имеем удовлетворительного решения его. Проф. Н. И. Ашмарин вскользь только замечает по этому вопросу: «Если звук *у* не стоит на конце слова и не может стоять на нем, то в этом случае верховые чуваши обыкновенно заменяют его звуком *о*» [1]. По-видимому, это нужно понимать в том смысле, что звук у литературного языка является основным, нормальным звуком языка, а звук *о* только случайным, заменяющим *у* в известных позициях. С таким пониманием данного явления трудно согласиться. В историческом ходе развития тюркских языков оканье представляет вполне закономерное явление. В тюркских языках с древнейших времен звук *а* в начальном слоге обозначался знаком *алиф*. По всей вероятности, звук этот был несколько лабиализованным. Академик Радлов писал, что в тюркских языках «Средней Азии он произносился как французское *о* в слове *ог,* а в каз.-тат. как английское *а* в слове all(-ол)»[2]. Булгары-сувазы, т. е. чуваши, тоже произносили интересующий нас звук с лабиальным оттенком. Этот лабиализованный звук к XIII веку превратился уже в чистое *о* и продолжал развиваться в сторону *у* (более сильной степени лабиализации). Изменение в чувашском литературном языке звука *а* начального слога в *у* убедительно доказывает Б. А. Серебренников. Он пишет: «Весьма вероятно, что разделение чувашей, вызванное опустошением Камской Булгарии в 1236 году татарами, послужило причиной того, что новый фонетический закон в диалекте низовых чувашей, выражающийся в переходе *о* в *у*, уже не мог распространиться на находящийся в это время в известной изоляции диалект верховых чувашей» [3]. И действительно частые опустошительные набеги ордынских ханов на Булгарию вызвали здесь переселение части булгар-чувашей в более безопасные северные лесные местности. Они здесь совсем обособились от южных и мы их называем верховыми чувашами. У них в начальном слоге *о* приостановилось на достигнутом уровне, а у низовых чувашей оно позднее развилось в *у*. Отсюда мы имеем окающие и укающие чувашские диалекты.

2. Из других фонетических особенностей, наиболее типичных для верхового диалекта, можно указать еще то, что здесь сохранились лабиализованные редуцированные гласные *о* и *ӧ,* восходящие к более древним *у, ӳ, о* и *ӧ*. В тюркских языках им соответствуют *у, ӳ, о* и *ӧ*. В низовом диалекте они давно уже делабиализовались в *ă* и *ĕ*. Например:

верхов.	низов.	тюрк.	
йôх (о=лаб. ă)	йăх	ук	род, потомство
хôлха	хăлха	колак, кулак	ухо
çôлтôр	çăлтăр	юлдуз	звезда
пôр	пăр	буз	лед
хôнтôр	хăнтăр	кундуз	бобр
кôмôл	кăмăл	кӧнӱл	сердце
кôпôк	кăпăк	кӧпӱк	пена
вôрмон	вăрман	орман, урман	лес
сӧт (о=лаб. ĕ)	сĕт	сӱт	молоко
кӧр	кĕр	гӱз	осень
сӧр	сĕр	сӱз	цедить
тӧлӧк	тĕлĕк	тӧш	сон, сновидение
пӧтӧм	пĕтĕм	бӱтӱн	весь, целый и т. д.

3. Если в последнем слоге некоторых существительных, отчасти и прилагательных, имеется редуцированный звук *ă* или *ĕ* и если ему предшествуют два согласных звука, то в низовом наречии такие слова обычно оканчиваются на *ă, ĕ* (открытый слог), а в верховом наречии — на согласный звук (закрытый слог), редуцированный звук *ă* или *ĕ* вставляется между двумя конечными согласными. Например:

низов.	верхов.	
хуйхă	хойăх	горе
хурçă	хорăç	сталь
ывçă	ывăç	пригоршня
юмçă	йомăç	ворожея, знахарь
тирĕк	тирĕк	блюдо
ыйхă	ыйăх	сон
çивчĕ	çивĕч	острый
милĕк	милĕк	веник и т. д.

Тяготение верхового диалекта к закрытым слогам проявляется и в предпочтении слов без конечных редуцированных. Напр.:

верхов.	низов.	
молкач	мулкачă	заяц
шăнкăрч	шăнкăрчă	скворец
тăхлач	тăхлачă	сватья
тăпач	тăпачă	цеп
холтăрч	хултăрчă	скальница
чăх	чăхă	курица
лаç	лаçă	лачуга
пĕрч	пĕрчĕ	зерно, отдельная единица чего-либо
икерч	икерчĕ	оладья и т. д.

[1] Н. И. Ашмарин. Материалы для исследования чув. языка. 1898, стр. 6.
[2] Zur Geschichte des türkischen Vokalsystem. Бюллетени Ак. наук, 1901, V серия, т. XIV, № 4, стр. 428.
[3] Б. А. Серебренников. К истории звуков чувашского языка. Ученые записки ЧНИИ, вып. XIV. Чебоксары, 1956, стр. 79.

4. Верховой и низовой диалекты отличаются и произношением звука *ӵ*, как глухой, так и звонкой его разновидности. Верховое глухое *ӵ* несколько приближается к русскому *ч* (альвеолярное), а низовое *ӵ* (зазубное) напоминает сильно палатализованные русские *т* и *ц*, оно представляет нечто среднее между этими звуками.

5. Верховой диалект отличается от низового и местом ударения. В верховом диалекте, как и в литературном языке, ударение бывает на последнем слоге, если только он не содержит редуцированного гласного, напр.: *атте́, япала́, укҫа́*. Если же в последних слогах имеются редуцированные гласные, то ударение обычно переносится на предшествующий им (с конца второй, третий, четвертый, пятый и т. д.) гласный звук полного образования. Напр.: *вула́* — читай, *вӳлӑ́п* — почитаю, *вула́мӑттӑ́м* — я не читал бы, *вӳлӑ́ттӑ́мӗ̆ӵӗ̆*—я почитал бы и т. д. Если же в слове все гласные редуцированные, то ударение бывает на первом слоге от начала слова, за исключением некоторых морфологизованных случаев ударения, когда оно может быть на предпоследнем слоге. В низовом диалекте ударение всегда тяготеет к последнему слогу слова. Здесь, независимо от того, содержит последний слог редуцированный гласный или гласный полного образования, ударение падает на него. Напр.:

верхов. и литер.	низов.	
ка́йӑк	кайӑ́к	птица, зверь
вӑ́тӑр	вӑтӑ́р	тридцать
вӑ́рттӑн	вӑрттӑ́н	тайно
са́лтӑн	салтӑ́н	раздеваться

Особенности акцентуации верхового и низового диалектов отражаются также и на метрике чувашских стихов. Напр.: Г. И. Комиссаров, следуя верховому диалекту, нижеприведенные два стиха подводит под формы хорея:

Ҫо́лтӑр вӳ́ттӗр ҫо́л корнать,

Э́пӗр ка́яс ҫо́л мар -ши? [1]

Эти же самые стихи в чтении низовых чувашей при несколько иной акцентуации принимают ямбический характер:

Ҫӑлтӑ́р витӗ́р ҫул курна́ть,
Эпи́р каяс ҫул ма́р-ши?

6. Характерным для обоих диалектов нужно признать также и мелкие фонетические особенности, касающиеся чередования,

[1] Г. И. Комиссаров. Чуваши Казанского Заволжья. Казань, 1911, стр. 87.

перестановки, удлинения, уподобления и утраты звуков в отдельных словах. Напр.:

	верхов.	*низов.*	
а : е	амал	эмел	лекарство
ӑ : ӗ	тӑрна	тӗрне	журавль
ӑ : ы	йывӑҫ	йӑвӑҫ	дерево
ӑ : у	хӑмӑш	хумӑш	камыш
ӗ : и	эпӗр	эпир	мы
	эсӗр	эсир	вы
в : м	валта	малта	впереди
л : в	лопкӑн	вупкӑн	злой дух
п : в	вакша	пакша	белка
кк : к	ҫӑккӑр	ҫӑкӑр	хлеб
	коккӑль	кукӑль	пирог
пп : п	шӑппӑр	шӑпӑр	волынка, метла
тт : т	тоттӑр	тутӑр	платок
мм : м	тӳмме	тӳме	пуговица

Перестановка звуков:

ҫармӑк	ҫамрӑк	молодой
кӑрмӑк	кӑмрӑк	уголь
омла	улма	яблоко, картофель

Морфологические особенности чувашских диалектов. 1. В области морфологии указанные два чувашских диалекта мало чем отличаются друг от друга, если не принимать во внимание те незначительные звуковые изменения, которым подвергаются разные морфологические формы при склонениях и спряжениях. Например, в верховом диалекте аффикс мн. числа выступает с двоякой огласовкой — палатальной *-сем* — для имен с гласными переднего ряда (*ӗнесем*) и непалатальной *-сам* — для имен с гласными заднего ряда (*лашасам*), тогда как в низовом наречии мы имеем только один вариант этого аффикса — палатальный: *ӗнесем*—коровы, *лашасем*—лошади.

2. В верховом диалекте имена, оканчивающиеся на *а* и *е*, в родит. падеже един. числа имеют аффикс — *-йӑн: лашайӑн, ӗнейӑн*, а в дат. падеже — *я: лашая, ӗнея*, а в низовом диалекте в р. п. — *-нӑн, -нӗн: лашанӑн, ӗненӗн*, а в дат. п. *-на, -не: лашана, ӗнене*. Кроме того, в верх. диалекте вместо форм *ху, хӑв* — ты сам, *хӑвӑр* — вы сами, более употребительны формы *хӑва* — хусамӑр.

3. В некоторых верховых говорах в 3-м лице единственного числа в утвердительной и отрицательной форме глагола сохраняется древнее конечное *ӗ*, восходящее к древнему местоимению *ӗ*: ҫ ы р а т ӗ — он пишет, и л е т ӗ — он берет, ҫ ы р м а ҫ т ӗ — он

не пишет, илместĕ — он не берет. Вследствие выпадения конечного *ĕ* стоящее непосредственно перед ним *т* во многих низовых говорах отвердело: çырат — пишет, калат — говорит, вулат — читает, а в отрицательной форме конечное *т* совсем не произносится: *çырмас, вуламас, илмес.* В литературном языке мы имеем: *çырать, çырмасть, илет, илмест.*

4. В низовом диалекте и в литературном языке во 2-м лице множ. ч. настоящего времени изъявительного наклонения мы имеем окончания: *-тăр, -тĕр,* а в верховом диалекте *-ттăр, -ттĕр:* вулатăр—вулаттăр — вы читаете, килетĕр—килеттĕр — вы приходите.

5. В низовом диалекте и в литературном языке в десяти глаголах на *-р: йĕр, кĕр, кӳр, пар, пер, пыр, тăр, хур, шăр, яр* в прошедшем категорическом времени, инфинитиве на *-ма, -ме,* причастии прошедшего времени перед звуками *т, м, н* звук *р* выпадает: *пар*—дать, *патăм—пама—панă: пер*—бросить, *пĕтĕм—пеме — пенĕ; йĕр* — плакать, *йĕтĕм—йĕме—йĕнĕ; кĕр*—войти; *кĕтĕм—кĕме—кĕнĕ; хур*—класть, *хутăм—хума—хунă* и. т. д. В верховом диалекте: *пар* — дать, *партăм — парма — парнă, хур* — класть, *хуртăм—хурма—хурнă, яр* — посылать, *яртăм—ярма — ярнă* и т. д.

6. В верховом диалекте для образования отрицательных форм от глаголов возможности пользуются аффиксом *-и* (широкое *и* с несколько низким тоном): *вулимарăм* — не имел возможности читать, *илимарăм* — не имел возможности взять, а в низовом — аффиксом *-ай(-ей): вулаймарăм, илеймерĕм* и т. д.

Синтаксические особенности чувашских диалектов. Верховой и низовой диалекты несколько отличаются друг от друга и в области синтаксиса. В современном верховом диалекте аффиксы принадлежности 1-го и 2-го лица множ. числа почти вышли из употребления. Мало употребителен также аффикс принадлежности 1-го лица един. числа. Все упомянутые притяжательные формы встречаются здесь только в произведениях устной народной словесности — в песнях, загадках, пословицах и др. В низовом же диалекте этими формами народ еще пользуется и в живой речи.

В верховом диалекте в качестве сказуемого независимого предложения в большом употреблении деепричастная форма на *-са(-се)* вместо причастия прошедшего времени в низовом диалекте. Напр.: Вонтохор çола çитсен, Хĕрлĕ Çара кайса. Онта виçĕ çол ытларах порăнса. Киле тавăрăнсан волĕçтăвкомпа кооперацинче ĕçлесе тăрса. 1925-мĕш çолта Йĕтĕрне холине коçса. Онта вара конта вĕренме киличченех порăнса. В 19 лет ушел в Красную Армию. Там пробыл три с лишним года. По возвращении домой работал в волисполкоме и кооперации. В 1925 г. переехал в город Ядрин. Там жил вплоть до поступления сюда на учебу (из автобиографии одного курсанта). Низовому же

диалекту совершенно чуждо употребление указанной деепричастной формы в значении сказуемого.

Лексические особенности чувашских диалектов. Верховой и низовой диалекты отличаются друг от друга и по своему словарному составу. В каждом диалекте встречается несколько десятков слов, совершенно неизвестных или малоупотребительных в другом. Иногда одни и те же слова употребляются в разных значениях. Напр.:

верхов.	*низов.*	
мăнаçи, маçак	аслатте, асатте	дедушка
мăнами, мамак	асланне, асанне	бабушка
апи, апай	анне	мать
мучи, мочи	ĕмпичче	дядя
ничче	тете	старший брат
ĕçкей	пăяхам	деверь
ĕмпӳ	патша	царь, великий князь
хырăç	куланай	подать
çăва	масар	кладбище
поскил	кӳршĕ	сосед
олтă	кĕштек	ластовица
мăн хăяр	кавăн	тыква
салакайăк	çерçи	воробей
çерçи	çара çерçи	летучая мышь
ворç — драться	вăрç	ругать
мăкăлтан	сик	вывихнуть
виçмине	ырантан тепĕр кунне	послезавтра
катара	аякра	далеко
отма çол	сукмак	тропа и т. д.

Кроме указанной особенности, мы должны отметить еще то, что в низовом наречии имеется ряд слов, составляющих позднейшие заимствования из татарского языка: *куймак* (верх. пĕлĕм) — блин, *явлăк* (верх. тоттăр) — платок, *йĕкĕт* (верх. качча) — жених, юноша, *рехмет* — спасибо, *эхер* — если и др. В верховом наречии, наоборот, содержатся слова, составляющие позднейшие заимствования из марийского языка: *енкермĕш* (низ. ерешмен) — паук, *вашăк* — покатый, *вошар* — свилеватый, *бонней* — ласточка, *янкар* — гнилое дерево, *яхтă* — сосна, *морен* — заяц.

Как в пределах распространения верхового, так и низового диалектов наблюдается ряд отдельных говоров, отличающихся от смежных говоров незначительными особенностями. Мы не будем останавливаться на описании этих говоров: последнее составляет предмет специальной дисциплины — диалектологии чувашского языка, а только рекомендуем список литературы по этой теме:

1. Материалы по чувашской диалектологии, вып. I. Чебоксары, 1960, 196 стр.
2. Материалы по чувашской диалектологии, вып. II. Чебоксары, 1963, 224 стр.
3. Материалы по чувашской диалектологии, вып. III. Чебоксары, 1969, 206 стр.
4. А. С. Канюкова. Чувашская диалектология (Краткие очерки). Чебоксары, 1965, 148 стр.
5. Р. И. Цаплина. Обучение орфографии чувашского языка в диалектных условиях. Чебоксары, 1966, 192 стр.

II. ЛЕКСИКА

1. СЛОВАРНЫЙ СОСТАВ СОВРЕМЕННОГО ЧУВАШСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Лексикой называется совокупность слов языка, его словарный состав. Раздел языкознания, изучающий лексику, называется лексикологией. Словарный состав языка имеет громадное значение в развитии культуры народов. В. И. Ленин в своем гениальном труде «Материализм и эмпириокритицизм» превосходно показал, что ощущения, представления, понятия, суждения — это различные формы отражения в нашем сознании соответствующих им внешних предметов и явлений действительности и в то же время они являются формами познания объективного мира. Познание же объективного мира нашим мышлением немыслимо без слов. Мы свои мысли выражаем словами. Никакая наука не может строить свои выводы без слов.

Слово — это единица речи, представляющая собой звуковое выражение понятия о предмете или явлении объективного мира. Слова бывают однозначные и многозначные. Многозначностью или полисемией называется свойство слов употребляться в разных значениях. Напр.: пуç — 1. голова; 2. глава, начальник: кил пуçĕ — глава семьи, хозяин дома; 3. семья: сакăр пуç хурт — восемь семей пчел; 4. колос: ыраш пуçĕ — колос ржи; 5. начало: çырма пуçĕ — начало оврага; шыв — 1. вода; 2. река, Сăр шывĕ — река Сура; 3. сок: хурăн шывĕ — березовый сок; 4. многословие, вода: унăн статьинче шыв анчах — в его статье много воды и др.

В языке встречаются разные слова: **омонимы, паронимы, синонимы, антонимы. Омонимами** называются слова, одинаково звучащие, но разные по значению: Напр.: *вар* — желудок, живот, нутро; *вар* — овраг, ложбина; *вар* — лучший сорт волокна; *вар* — зарывать, закапывать; *кар* — большое долото, *кар* — отчетливый, резкий; тугой, натянутый; *каç* — вечер, ночь, *каç* — переходить, переправляться; *ката* — небольшой молодой лес; *ката* — даль; *çул* — дорога, *çул* — год; *çĕр* — ночь, *çĕр* — сто, *çĕр* — гнить и т. д.

Паронимами называются слова, разные по значению и близкие по звучанию. Напр.: *ашкăн* — шалить, *аскăн* — озорничать.

распутничать: *тăлла* — стреножить, *тылла* — мять, трепать; *этем* — человек, *йĕтем* — ток, гумно.

Синонимами называются слова, близкие по значению, но разные по звуковому составу. Напр.: *минтер, çытар* — подушка, *чипер, илемлĕ* — красивый, *вăрç, ятла* — ругать, порицать, *савăн, хĕпĕрте, хаваслан* — радоваться, восхищаться, *лăп, тӳлек* — тихий, спокойный и т. д.

Антонимы — это слова с противоположным значением. Напр.: *ырă—усал* — добро—зло, *пĕлĕт—çĕр* — небо—земля, *шурă—хура* — белый—черный, *сивĕ—ăшă* — холодный—теплый, *хĕлле—çулла* — зимой—летом, *нумай—сахал* — много—мало, *хĕпĕрте—хуйхăр* — радоваться—горевать.

Основной словарный фонд. Главное в словарном составе — это основной словарный фонд, куда входят все корневые слова, как его ядро, и вообще слова, выражающие жизненно важные, жизненно необходимые понятия, как вода, земля, гора, лес, рыба, человек, ходить, делать и т. д. Основной словарный фонд менее обширен, чем словарный состав языка, но он живет очень долго, в продолжении веков и дает языку базу для образования новых слов.

Таким образом, основной словарный фонд характеризуется следующими пятью главными признаками: 1) ядро основного словарного фонда составляют все корневые слова языка, 2) основной словарный фонд состоит из всех жизненно важных, жизненно необходимых слов, 3) основной словарный фонд — это общенародный словарь, сюда входят только слова, понятные всему народу, 4) слова основного словарного фонда отличаются большой устойчивостью, они живут очень долго, в продолжение веков и изменяются весьма медленно, 5) основной словарный фонд служит базой для образования новых слов.

Все это хорошо подтверждается и на материале чувашского языка. В ходе исторического развития чувашского языка основной словарный фонд служил и теперь служит источником словообразовательной и словотворческой деятельности чувашского народа. Новые природные слова продолжали образовываться здесь на базе основного словарного фонда. Напр., чуваши, впервые ознакомившись с ртутью, по первому впечатлению назвали ее *чĕркĕмĕл*, воспользовавшись словами основного словарного фонда: *кĕмĕл* — серебро, *чĕрĕ* — живой; следовательно, *ртуть*— живое серебро [1], *урай* — пол, *ура* — нога, *айĕ* — ее низ, т. е. подножие.

[1] Слово это могло войти в чувашский язык и в виде кальки чужеязычного слова. Во многих языках мира ртуть называется или живым серебром (в чувашском, казанско-татарском — терекӧмеш, башкирском—терегӧмӧш, латинском argentum vivum, французском vif argent, немецком Quécksilber, английском quiksilver, марийском — илэвӱд и др.) или серебряной водой (в персидском simab, монгольском мӧнгӧнусун и др.), или жидким серебром (в греческом δραγορς и др.).

Встретив первый раз комара, чуваши обратили внимание на его длинные ножки и по этому случайному признаку закрепили за ним название *вăрăмтуна* (букв. голенастый), воспользовавшись известными им словами основного словарного фонда: *вăрăм* — длинный, *туна* — голень. То же нужно сказать и о целом ряде других слов, образованных на базе основного словарного фонда по бросающимся в глаза признакам. Например: *çĕрхут*— книжка, один из четырех отделов желудка у жвачных животных: *çĕр* — сто, *хут* — слой, бумажка, т .е. сто слоев, сто бумажек; *кукăрсăмса* — клёст: *кукăр* — кривой, загнутый, *сăмса* — клюв; *шуркут* — стриж: *шурă* — белый, *кут* — зад, (ср. русск. «белогрудый стриж»;) *тимĕр шапа* — черепаха: *тимĕр* — железо, железный, *шапа* — лягушка; *йĕкехӳре* — крыса: *йĕке* — веретено, *хӳре* — хвост и т. д.

На базе основного словарного фонда много слов образовалось в чувашском языке и при помощи установившихся здесь словообразовательных аффиксов: *çăкалăх* — липняк, место, изобилующее липой, липовая роща: *çăка* — липа, *-лăх* — аффикс, восходящий к самостоятельному слову *лăк* — изобилие, много, ср. *лăк-тулли* — совершенно полный, полным-полно, битком набито; *атăçă* — сапожник: *атă* — сапог, *кĕтӳçĕ* — пастух: *кĕтӳ* — стадо; *кăтарту* — показатель: *кăтарт* — показать, *утăм* — шаг: *ут* — шагать; *социализмлă* — социалистический, *активлă* — активный; *сухалсăр* — безбородый: *сухал* — борода; *ĕмĕтлен* — надеяться: *ĕмĕт* — надежда и т. д. Вообще словообразующая роль основного словарного фонда была весьма велика в истории развития языка. И вот благодаря словотворческой, абстрагирующей деятельности язык на протяжении веков постепенно оформляется, обогащается, развивается, шлифуется по внутренним законам своего развития.

В основной словарный фонд современного чувашского языка входит главным образом следующий устойчивый круг общеупотребительных слов, связанных с общественной жизнью, с процессами труда, освоением окружающей природы и пр. Слова эти представляют собой: 1) общественно-политические термины, названия общественных и государственных учреждений, должностных лиц и др.: *ял Совечĕ*—сельсовет, *райисполком, райком, обком, министр, министерство, профсоюз, председатель, секретарь, банк, суд, судья, парти, революци, социализм, коммунизм, кооператив* и т. д.;

2) названия человека и частей его тела: *çын* — человек, *пуç* — голова, *çӳç* — волосы, *алă* — рука, *ура*— нога, *куç* — глаза, *çăвар* — рот, *сăмса* — нос, *чĕлхе* — язык, *хăлха* — ухо, *чĕре* — сердце, *юн* — кровь и т. д.;

3) названия родственных отношений: *аттс* — отец, *анне*—мать, *пиччe* — старший брат, *шăллăм* — младший

брат, *ывăл* — сын, *хĕр* — дочь, *аппа* — старшая сестра, *йăмăк* — младшая сестра;

4) названия жилища и вещей в доме: *кил-çурт* — дом, *пӳрт* — изба, *карта* — хлев, *вите* — конюшня, *алăк* — дверь, *урай* — пол, *пукан* — стул, *курка* — ковш, *çĕçĕ* — нож, *пуртă* — топор, *çăра* — замок, *уçă* — ключ, *пăчкă* — пила и др.;

5) домашних животных и птиц: *лаша* — лошадь, *ĕне* — корова, *вăкăр* — бык, *пăру* — теленок, *тиха* — жеребенок, *сурăх* — овца, *така* — баран, *путек* — ягненок, *сысна* — свинья, *чăх* — курица, *хур* — гусь, *автан* — петух, *чĕпĕ* — цыпленок и др.;

6) колхозного строя, сельскохозяйственных орудий и хлебных злаков: *колхоз, колхозник, агроном, трактор, комбайн, плуг, сӳре* — борона, *çава* — коса, *çурла* — серп, *сенĕк* — вилы, *гектар, тулă* — пшеница, *пăри* — полба, *урпа* — ячмень, *сĕлĕ* — овес, *пăрçа* — горох и т. д.;

7) деревьев, кустарников и плодов: *юман* — дуб, *çăка* — липа, *йăвăс* — осина, *улмуççи* — яблоня, *улма* — яблоко, *çĕмĕрт* — черемуха, *пилеш* — рябина, *палан* — калина, *йĕкел* — жёлудь и т. д.;

8) пищи и напитков: *çăкăр* — хлеб, *аш, какай* — мясо, *сĕт* — молоко, *шыв* — вода, *пыл* — мед, *пăтă* — каша, *яшка* — похлебка, *тăвар* — соль, *сăра* — пиво и др.;

9) одежды и головных уборов: *сăхман* — кафтан, *кĕрĕк* — шуба, *кĕпе* — рубашка, *йĕм* — штаны, *çĕлĕк* — шапка, *тутăр* — платок и т. д.;

10) названия предметов школьного обихода: *шкул* — школа, *класс, парта, доска, шкап* — шкаф, *карăнташ* — карандаш, *кĕнеке* — книга, *тетрадь, хут* — бумага, *ручка, чернил* — чернила, *пурă* — мел, *задача, директор, учитель, учительница, дежурнăй* — дежурный и т. д.;

11) названия народов: *чăваш* — чуваш, *вырăс* — русский, *тутар* — татарин, *çармăс* — мари, *мăкшă* — мордва (мокша), *ирçе* — эрзя, *пушкăрт* — башкир, *туркка* — турок, *еврей, акăлчан* — англичанин, *поляк, чыкан* — цыган, *нимĕç* — немец и т. д.;

12) названия светил небесных и разных явлений природы: *хĕвел* — солнце, *уйăх* — луна, *çăлтăр* — звезда, *пĕлĕт* — небо, облако, *çил* — ветер и т. д.;

13) местоимений: *эпĕ* — я, *эсĕ* — ты, *вăл* — он, *кам* — кто, *мĕн* — что и т. д.;

14) чисел и мер: *пĕрре* — один, *иккĕ* — два, *виççĕ* — три, *метр, литр, центнер, тонна, эрне* — неделя, *уйăх* — месяц и т. д.;

15) признаков и действий: *лайăх, аван* — хороший, *начар* — плохой, *ырă* — добрый, *ăслă* — умный, *ватă* — старый (по возрасту), *çамрăк* — молодой, *çĕнĕ* — новый, *кивĕ* — старый (поношенный), *усал* — злой, *çи* — есть, *ĕçле* — работать, *ĕç* —

пить, *кай* — идти, *кил* — приходить, *шухăшла* — думать, *ту* — делать, *вĕрен* — учиться и т. д.

Перечисленные 15 групп слов частично отражают характер и состав основного словарного фонда современного чувашского языка. Сюда входят корневые слова древнего происхождения, производные и сложные слова более позднего происхождения, сюда входят как природные, так и заимствованные из чужих языков слова (о чем будет сказано ниже). Все они, обозначая известные достижения чувашского народа в области материальной и духовной культуры, приобрели жизненно необходимый характер и отличаются большой устойчивостью. Поскольку основной словарный фонд всякого языка живет очень долго, в течение ряда веков, то и основной словарный фонд чувашского языка имеет весьма важное значение в решении вопросов о происхождении чувашского народа и его языка, а также о родственных связях чувашского народа с другими народами.

Словарный состав. Что касается словарного состава, то он находится в состоянии почти непрерывного изменения. Он непрерывно пополняется новыми словами, возникающими в связи с изменениями социального строя, с развитием производства, с развитием культуры, науки, техники и т. п. При этом, несмотря на то, что из словарного состава языка выпадает обычно некоторое количество устаревших слов, к нему прибавляется гораздо большее количество новых слов.

Если из словарного состава исключить слова основного словарного фонда, то в нем остаются следующие группы слов:

1. Историзмы — это отжившие свой век слова, обозначающие предметы и понятия, относящиеся к уже отошедшим в прошлое эпохам и употребляющиеся только в применении к этим историческим предметам, явлениям и понятиям. К историзмам можно отнести слова, отражавшие старый дореволюционный общественно-политический строй, и вообще слова, проникнутые старым идеологическим содержанием. Напр.: *хун* — хан, *пурмис* — бурмистр, *бурлак* — бурлак, *городничи* — городничий, *кĕпĕрнатăр* — губернатор, *исправник, становой, урядник, кантур* или *прикас* — волостное правление, *куланай* или *хырçă* — подушная земельная подать, *тӳре-шара* — судьи и чиновники и т. д. Историзмы встречаются в учебниках истории, в исторических повестях, песнях и преданиях. Напр., С. В. Эльгер в своей поэме «Хĕн-хур айĕнче» использовал следующие историзмы: *пурмис* — бурмистр, *тиек* — дьяк, *бурлак, куланай* — подать, *макаçей* — общественный магазин хлеба, *хысна* — казна и др.

Историзмами стали в настоящее время и те слова и термины, которые созданы были в первые годы после революции и имели весьма кратковременное существование — или вследствие того, что предметы и понятия, обозначаемые ими, отошли в историю (напр.: *сулăм укçи* — самообложение, *чухăнсен комите-*

чĕ — комитет бедноты, *нэпман* и др.) или потому, что оказались непригодными.

2. Архаизмы — это слова, отражающие дореволюционный быт чувашей, теперь выходящие или давно вышедшие из употребления. От некоторых архаизмов веет глубокой стариной, их донесли до нас произведения устного народного творчества, мифология. Напр., слова *пике* — дочь князя, барышня, *хăрхăм* — служанка, рабыня, *скутав, шкутав* — скиф (?), *услан кайăк* — лев, *кепе* — божество, управляющее судьбами человеческого рода, *пӳлĕхçĕ* — божество, раздающее людям по назначению *кепе,* счастливые или несчастные жребии, *пихампар* — покровитель домашнего скота, *хĕртсурт* — домовой, *арçури* — леший, *эрел* — дух смерти, *калăмкун* — чувашская пасха, *сĕрен* — праздник изгнания нечистых духов (мертвецов), *кăшарни, сурхури*— вечеринки девушек, связанные с святочными гаданиями, *чӳк* — жертвоприношение, *тухатмăш* — колдун и т. д.

К архаизмам относятся в чувашском языке также слова: *хăйматлăх* и *вăртах* — названия родственных отношений, связанных с удочерением замужней женщины, *хĕрсăри* — девичья пирушка, *хĕраки* — девичья пашня, *тăхăм*—племя, потомство, *çĕмрен*— стрела, *кусиле* — косуля, вид сохи, отваливающей землю только на одну сторону, *акапуç*—первобытный деревянный плуг (сабан), *çурхат*—старинный сосуд для пива, *хушпу*—головной убор женщин в виде цилиндра, унизанного монетами и мелкими нухратками, *тухъя* — головной убор девушек в виде конуса, унизанного монетами, мелкими бусами и нухратками, *тевет* — у женщин перевязь через плечо, *сурпан* — головная повязка женщин в виде узкого полотенца, *кӳнчĕк* — обшивка лентой в виде ромба на груди женской рубашки, *чалма* — косынка, *çулăк* — платок, надеваемый женихом на спину во время свадьбы, *хыс, сăпăн* — женский суконный кафтанчик, *усламçă* — барышник, *улшуçă* — кономен, *хахать* — новости, *хăйчикки* — светец, подставка для лучины, освещающей жилье, *сăрнай* — зурна и т. д.

3. Диалектизмы тоже занимают значительное место в словарном составе языка. Диалектизмы — это слова и обороты речи, употребительные только в отдельных говорах чувашского языка. Они используются иногда писателями в целях точной передачи особенностей речи своих героев. Сюда относятся слова: *апи* — мать, *маçак* — дедушка, *мамак* — бабушка, *тете* — брат, *каçан* — спина, *штольпи* — хороший сорт самотканного холста, *ĕçкей* — деверь, *явлăк* — платок, *сӳленкке* — бутылка, *сапарпи*— полынь, *пăртуççи* — притыкальник, *супинкке* — собинка — деньги или скотина, привезенная снохой из отцовского дома и представляющая ее полную собственность, и т. д.

4. Словарный состав языка богат также профессионализмами. Профессионализмы — это слова и термины, употребительные только в узком кругу специалистов определенной профессии. Напр.: *çыра* — плотничный инструмент, *ыра* — пазник, *пулле* — тесло, род топора, но с лезвием, поставленным перпендикулярно к топорищу, *укçу* — шерстобитный лук, *хирлӳ*— тетива́ у шерстобитного лука, *кавус* — в водяных мельницах сруб для наружного колеса, *хивсе* — пришва, *кĕрĕ* — нитчанки, *хĕç* — бердо, *йĕпсе* — спицы, *хутăр йывăççи* — мотовило, *хултăрчă* — скальница, *чăкăр* — станок для кручения (витья) верёвок и т. д.

Профессионализмы в чувашском языке довольно многочисленны. Например, проф. Н. И. Ашмарин перечисляет до 500 названий разных принадлежностей водяной и ветряной мельниц и крупорушки, из которых абсолютное большинство совершенно неизвестно населению: *ултура* — шестерня, *урлуççи* — рычаг, которым останавливают ход, *кăлтăрмач* — шкив на веретене, *ленкер* — огниво (насадка на надолбах), *кутлар* — ящик, на который положено сито крупорушки, *стаяк* — стояк (стоячий вал ветрянки) и т. д. [1].

Кулеткацкое производство также было богато своими терминами, которые, к сожалению, не собраны и не изучены, например: *куши, стрепал, чăпта йĕппи, йĕп ачи, вĕтĕркке, калитке, шăлтăрма, шăкăрчăк* и т. д.

5. В словарном составе имеются и неологизмы, т. е. слова, называющие новые предметы и явления действительности, вошедшие в быт, но не успевшие окончательно упрочиться, окрепнуть в языке и перейти в основной словарный фонд. Например: *шухăшлавçă*—мыслитель, *çурмалăх*—половинчатость и т. д.

6. Не можем исключить из словарного состава и слова, представляющие топонимические названия, многие из коих носят печать глубокой древности и могут служить ценным источником при изучении истории чувашского народа, его языка, его исторических культурных или родственных связей с другими народами. Сюда относятся, например, общие у нас с восточнофинскими, по преимуществу с марийскими, слова на *-нар(-нер)*: Вăрнар, Куснар, Шанар, Шутнер Пинер, Урнар Упнер, Итеснер и т. д.; на *-мас(-мес)*: Асламас, Пăрмас, Тĕрлемес, Ителмес; на *-мар(-мер)*: Вăрмар, Кушмар, Итмар, Кутемер, Тӳмер, Çеçмер и т. д.

Аналогичные топонимические названия встречаются и в восточнофинских языках — в марийском: Водонер, Кугунер, Кужнер, Кинер, Сабанер, Карамас, Атламаш, Памаш, Кокшамар, Пумар, Шешмар и т. д.; в мордовском: Ингенер, Широмас, Кочемас, Каймар и др.

7. Не менее ценным сокровищем в словарном составе чувашского языка являются и древние языческие лич

[1] Н. И. Ашмарин. Словарь чувашского языка, вып. II, стр. 6—66.

ные имена, собранные некогда В. К. Магницким в количестве 10.587, частично и проф. Н. И. Ашмариным и помещенные им в своем «Словаре чувашского языка». Многие из этих имен совпадают с названиями селений. По-видимому, первоначально они были названиями племен и родов. Например: Арсамас, Сармас, Атмас, Иремес, Самар, Итемер, Кисимер, Илметь, Кнемет (ср. древнерусский къметь), Шемет, Арсаман, Кусман, Илмен (ср. в русском яз. оз. Ильмень) Элмен и др. Ср. в мордовском: Атемас, Арземас, Полдомас и др.

С точки зрения исторического происхождения лексический фонд чувашского языка состоит из слов природных и заимствованных из других языков. Природные слова составляют главное богатство чувашского словаря. Большинство из них входит в основной словарный фонд языка. Заимствованные или иноязычные слова тоже занимают значительный удельный вес в лексическом составе чувашского языка. Сюда относятся слова, перешедшие из языков тюркских, по преимуществу из казанско-татарского языка, частично из восточнофинских, арабского, персидского, монгольского и, в особенности, из русского языка. Русские заимствования непрерывно обогащали словарный состав чувашского языка и после Великой Октябрьской социалистической революции в значительной степени способствовали формированию общенационального чувашского литературного языка.

2. ПРИРОДНЫЕ СЛОВА В СОВРЕМЕННОМ ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ

В природных словах чувашского языка выделяются два слоя: слова, общие с другими тюркскими языками, и слова, встречающиеся только в чувашском языке и обязанные своим происхождением, с одной стороны, дотюркскому субстрату чувашского языка, а с другой — творческой инициативе самих чувашей, пополнявших наличный словарный состав новыми словами в связи с непрерывным ростом сельского хозяйства, техники, торговли и пр. Выявить природные слова в словарном составе чувашского языка и распределить их по группам — дело довольно сложное и трудное. До сих пор этим вопросом никто не занимался. До нас только Н. И. Ашмарин в своих «Материалах»[1] в отделе «Фонетика» некоторые чувашские слова сопоставляет с татарскими, а редактор его труда проф. Н. Ф. Катанов приводит к этим же словам параллели и из других тюркских языков. Есть такие тюркские параллели и у Н. И. Золотницкого в его «Корневом чувашско-русском словаре» (1875), но не всегда удачные. О других группах природных слов у них нет и намека. Наша работа является первой, слабой попыткой несколько разобраться в пестром словарном составе чувашского языка. Первый опыт, конечно, не обойдется без ошибок, но исправить их в дальнейшем, думается, будет гораздо легче.

[1] Н. И. Ашмарин. Материалы для исследования чувашского языка. 1898.

Общетюркские элементы в чувашской природной лексике занимают весьма видное место. Они, можно сказать, охватывают решительно все стороны жизни чувашского народа, все отрасли его хозяйства, все области человеческой деятельности. В количественном отношении они составляют до 50% природного словарного запаса. К общетюркским элементам мы относим не только слова, свойственные всем тюркским языкам, но и слова, общие у чувашского языка с несколькими, хотя бы с двумя-тремя тюркскими языками — с северными, южными или восточными безразлично. При этом некоторые из этих общих слов в чувашском языке сохранились в более древней форме, чем в остальных тюркских языках. Отсюда можно заключить, что многие природные слова общетюркского фонда составляют древнейшее сокровище чувашского языка, восходящее к начальным периодам развития тюркских языков. И в настоящее время в преобладающей своей массе они входят в основной словарный фонд чувашского языка. Вообще родственные языки, возникшие из одного языка-основы, имеют очень много общего в основном словарном фонде и грамматическом строе языка.

Чтобы дать хотя бы самое общее представление об общетюркском фонде чувашской лексики, распределим соответствующие слова по следующим группам: I. Человек и части его тела. II. Родство. III. Дом и вещи в доме. IV. Домашние животные и птицы и использование их в хозяйстве. V. Хлебные злаки и технические культуры. VI. Деревья и плоды их, травы, овощи и ягоды. VII. Животный мир. VIII. Пища и напитки. IX. Счет, число и меры. X. Минералы и металлы. XI. Одежда и обувь. XII. Оружие, орудия и инструменты. XIII. Ткацкое дело. XIV. Средства передвижения. XV. Светила небесные, атмосферные и др. явления природы. XVI. Признаки предметов. XVII. Действия и состояния предметов. XVIII. Местоимения.

Небольшие расхождения в фонетическом облике сравниваемых слов не должны смущать читателей: в течение почти двух тысячелетий звуковой состав слов в тюркских, как и в других языках, не мог оставаться совершенно неизменным. В зависимости от разных исторических условий они могли изменяться и изменялись в том или ином направлении. При сравнениях и сопоставлениях чувашских слов с соответствующими по значению словами других тюркских языков необходимо иметь в виду все указанные ниже (в отделе «Фонетика») фонетические особенности чувашского языка сравнительно с другими тюркскими языками. Главным же образом заслуживает внимания: 1) появление в начале чувашских слов протетического звука **в** в тех случаях,

когда в других тюркских языках слова начинаются лабиализованными гласными **у, о, ӳ, ӧ** делабиализация и редукция последних в **ă, ĕ:** тюрк. *урман,* чув. *вăрман* — лес, тюрк. *отуз,* чув. *вăтăр* — тридцать, тюрк. *ӧлӳр, ӳлтер,* чув. *вĕлер* — убить и др.; 2) соответствие между чувашскими **р, л** и тюркскими **з, ш:** чув. *хĕр,* тюрк. *кыз* — девушка, чув. *хĕл,* тюрк. *кыш* — зима; 3) соответствие между начальным чув. **ç** (мягкое *с*) и тюркскими *j, жь, дь, ч: çук,* тат. *йук,* тур. *йок,* кирг. *жок,* ойр. *дьок,* шор. *чок* — нет и т. д.

В иных случаях в общих словах и значение несколько видоизменилось, так что одно и то же слово в чувашском языке имеет одно значение, а в других тюркских языках — другое.

Например:

чув. *ӳт*	тело	тат. *ит,* тур. *эт,* к.-калп. *ет*	мясо
» *аш, какай*	мясо	тат. *аш, азык,* кирг. *аш*	еда, пища
» *йĕтем*	ток на гумне	тат. *идэн,* к.-калп. *еден*	пол
» *тырă*	хлеба на корню и в зерне	башк. *тары,* узб. *тарык,* кирг. *таруу,* тркм. *дары*	просо,
» *ту,* диал. *тăв*	делать	тат. *ту,* тур. *дог,* к.-калп. *ту*	родить, родиться
» *ыйт*	спросить	кирг., ойр. *айт*	сказать
» *çурат*	родить	тат., тур. *ярат,* кирг. *жарат*	создать и т. д.

Из перечисленных слов слово *ӳт* получило значение *тело,* по-видимому, только в позднейшее время. В древности оно и в чувашском языке обозначало мясо, о чем мы можем судить по случайно уцелевшим выражениям, как *эпир ӳт çиетпĕр*— мы едим скоромное, т. е. мясо, *ӳте кĕнĕ*—розговенье (разрешение на мясо), *ӳт шӳрпи* — мясная похлебка (дер. Дворики Красноармейского района, д. Тимерчеево Комсомольского района).

Употребление слова *тырă* в значении хлебов на корню или в зерне объясняется отчасти тем, что оно в тюркских (уйгурском, алтайских) и монгольских языках происходит от глагола *тари, тары* — пахать, сеять (монг. *тариху* — сеять). Отсюда все посеянное и возделываемое в качестве продукта питания, естественно, называлось *тарыг, тары, таруу*... На ранних стадиях земледельческой культуры тюркские народы из хлебных злаков, по всей вероятности, возделывали преимущественно просо. Этим только и можно объяснить закрепление этого слова исключительно за просом. В некоторых древних тюркских языках слово *тарыг* обозначало также и хлеба в зерне (см. словарь Махм. Кашгарского).

Слово ту и в чувашском языке обозначает родить, что ясно видно из сохранившихся выражений: *унăн арăмĕ ывăл ача ту нă* — его жена родила сына; *Вăл манăн тăван* — он мой родной брат (сестра), родственник (ср. тюрк. туган).

1. Человек и части его тела. Преобладающее большинство названий частей человеческого тела является общим для чувашского и других тюркских языков.

Например:

чувашские	тюркские	русские
этем[1] (арабск.)	тур., кирг. *адам*	человек
ар, арçын	тат. *ир,* тур. *эр*	муж, мужчин
ăс, ăс-хакăл	кирг. *эс, акыл,* к.-калп. *ес, акыл*[2]	ум
пуç	тат., тур., кирг. *баш*	голова, начал
пуç тӳпи	тат. *баш тӳбэсе*	верхушка головы (темя
куç	тат. *кӳз,* тур. *гёз,* кирг. *көз*	глаз
куç папакки	тур. *гёзбебеги*	зрачок
куç харши	тур., кирг., тат. *каш, кӳз кашы*	бровь
çăвар	тат. *авыз,* баш. *ауыз,* тур. *агыз*	рот
сĕлеке	тат. *селэкэй,* кирг. *жилекей*	слюна
тута	тркм. *тодак,* тур. *дудак*	губа
пит	тат. *бит,* кирг., к.-калп. *бет*	лицо
çӳç	тат. *чеч,* кирг., ойр. *чач*	волос
сухал	тат. *сакал*	борода
мăй	ойр., к.-калп. *мойын,* кирг. *моюн,* гагауз. *бойну,* уйгур. *боюн*	шея
ĕнсе	тур. *энсе,* тркм. *енсе*	затылок
хулпуççи, анпуççи	тат. *кулбаш, инбаш*	плечо
кăкăр	тат. *кӳкрэк,* тур. *гёгӳс*	грудь
ал, алă	др. тюрк. *элиг,* тур. *эл,*	рука, кисть руки
хул — рука от локтя до плеча	*кол, кул*	рука
çан устар.	кирг., *ден* тур. *тен* (перс.), (кумык. *сан* туловище)	тело, плоть
ывăç	тур. *авуч,* др.-тюрк. *абуч,* уйг. *авуш,* тат. *уч,* казах. *увыс,* кирг. *ууч*	горсть

[1] Слово *этем* употребительно только в отвлеченном значении че как обладателя моральных и интеллектуальных свойств. Слово это с лельными не сочетается. В конкретном значении человека употреб слово *çын,* тюрк. кеше, киши.

[2] Слово *акыл* в тюркские языки проникло из арабского.

пилĕк	тат. *бил, билег* [1], уйг. *бэл,* ойр. *бел*	поясница, талия
аяк	як., к.-калп. *жак,* кирг. *жан, жак*	бок
ура	тат. *аяк,* др.-тюрк. *адак,* шор. *азак*	нога
пӳрне	тат., уйг. *бармак,* алт. *пармак*	палец
пуҫ пӳрне	тат. *баш бармак*	большой палец
вăта пӳрне	казах. *орта бармак*	средний палец
ятсăр пӳрне	*атсыз бармак*	безымянный палец
чĕрне	тур. *тырнак,* кирг. *тырмак,* туркм. *дырнак*	ноготь, коготь, копыто
чĕр, чĕркуççи	тат. *тиз,* казах., кирг. *тизэ,* тур. *диз*	колено
шăмă	туркм. *сӳнк,* тат. *сояк.* кирг. *сөөк*	кость
шăнăр	кирг. *сингир,* тат. *сенер*	сухожилие
пӳ, диал. *пĕв*	*бой, буй, пой*	стан, рост
пыр	башк. *богаз,* др.-тюрк. *богуз*	горло
хырăм	*карын*	живот
чĕре	тур. *йӳрек,* тат. *йӧрэк,* ойр. *дьӳрек*	сердце
пĕвер	кирг. *боор,* тат. *бавыр,* уйг. *бегир*	печень
ӳпке	тат. *ӳпкэ,* ойр. *өкпӧ,* балк. *опке*	легкое
пӳре	тур. *бӧбрек,* урянх. *пӳрек*	почка
ват	кирг. *өт,* тур. *öд,* тат. *ӳт,* туркм. *өөт*	желчь
кăмăл — сердечное расположение	тат. *кӳнел,* тур. *гönул*	сердце
юн	др. тюрк. *кан*	кровь
мимe	тат. *ми,* кирг. *мээ*	мозг
тир	тат. *тире,* тур. *дери*	кожа
тар	тат. *тир,* тур. *тер*	пот, испарение
пар	казах. *без,* тат. *биз*	железа
сасă	туркм., тур., азерб., казах. *сес*	голос, звук

Все эти слова, за исключением *ҫан,* находятся в основном словарном фонде современного чувашского языка.

II. Родство. Общетюркский элемент сильно преобладает в чувашском языке и в названиях родственных отношений. Например:

[1] Золотоордынская рукопись на бересте. Советское востоковедение, т. II, стр. 82—83: *белиге кур куша.*

атте	уйг. *ата*	отец
анне	уйг. *ана*	мать
атте-анне	*ана-ата,* тур. *ана-баба*	родители
упăшка	кирг. *абышка*	муж, старец
ывăл, диал. *ул*	тур. *огул,* тат. *ул,* кирг. *уул*	сын
хĕр	тат., тур., кирг. *кыз*	дочь, девица
кĕрӳ	к.-калп. *кӳеӱ,* кирг. *кӳйөө,* др.-тюрк. *күдägӱ*	зять (муж дочери)
кин	кирг. *келин,* тур. *гелин*	сноха (жена сына)
инке	тур. *йенге,* тат. *жинги*	невестка (жена старшего брата)
хуньăм, хуняҫа	кирг. *кайыната,* уйг. *кадын ата*	тесть, свёкор
хуняма, хунеме хунякам, хунекем	тур. *кайнана,* кирг. *кайын эне* тат. *кайнигэч*	теща свояченица (старшая сестра жены)
пултăр	тат., тур. *балдыз*	свояченица (младшая сестра жены)
пуҫана	тат., кирг., уйг. *бажа, бажанак*	свояк
тăван	тат. *туган,* кирг. *тууган*	родной брат, родственник
хăта	тат. *кода, куда*	сват
евчĕ	тат. *яучы,* кирг. *жуучу*	сваха
хурăнташ родственник (дальний)	тат. *карындаш*	единоутробный брат, сестра, родственник
карчăк	тат. *карчык*	старуха
хăна	тат. *кунак,* кирг. *конок*	гость
пĕлĕш	туркм. *билиш*	знакомый
тăхăм	казах., кирг. *тукым,* тат. *токым*	племя, потомство

К этой же группе можно отнести еще слова: *пичче* — с ший брат, *шăллăм,* диал. *шăнкăлăм* — младший брат. Сл *пичче пи, пӳ* ср. др.-тюрк. уйг. *бег,* тур. *бей* — князь, нач ник, господин+*ăчи* (Кюль-Тегин) — старший брат, дядя по цу, сагайск. *пичä* (см. словарь Радлова IV, 1850) и (М. Кашг. совр. уйг. яз.) — старшая сестра, *шăллăм* млад

брат, тат. *сенэл*, к.-калп. *сингли*, кирг. *синди* — младшая сестра. Поскольку слова эти *пичче* и *пичӑ*, с одной стороны, *шӑллӑм* и *сенел*, с другой —фонетически и лексически родственны, то можно допустить, что в древнейшие времена, когда в лексике еще не установилось строгой дифференциации слов по значению, слово *пичче* употреблялось одинаково и в значении старшей сестры и старшего брата, и слово шӑллӑм обозначало младшего брата и младшую сестру, как это наблюдается до настоящего времени в некоторых языках. Напр., тув. *дунма* — младший брат и младшая сестра, *чээн* — племянник и племянница. Позднее же у одних тюркских народов *пичче* утвердилось в языке исключительно в значении старшего брата, а у других — в значении старшей сестры, а слово *шӑллӑм — сенел* в одном языке стало употребляться в значении младшего брата, а в другом— младшей сестры. Точно так же чувашское *акка, аппа* — старшая сестра и тюрк. *ага*—старший брат, дядя могли одинаково обозначать и старшего брата и старшую сестру. Например, в чувашском *хунягам* (хунь+ага) — свояченица (старшая сестра жены), а в других тюркских языках *каенага* (тат.) — старший брат жены. Несколько одиноко стоит в чувашском языке слово *каччӑ* — жених, *кавча кай* (тух) — выйти замуж, ср. тур. *коджа* — муж, *коджая вармак* — выйти замуж.

Все перечисленные слова родства, кроме *тӑхӑм*, относятся к основному словарному фонду чувашского языка.

III. Дом и предметы домашнего обихода. Общетюркский элемент в чувашском языке содержится также и в названиях предметов домашней обстановки, имущества и проч. Например:

çурт, кил-çурт	М. Кашг. *юрт*, тат. *йорт*	дом (юрта), страна
кил	тур. и трк. *гиль*	дом, семейный очаг
лаç(ӑ)	М. Кашг. *алачу*, алт. *аланчык* (шалаш)	летняя кухня
пӗçмех	тат. *почмок*, тур. *буджак*	угол
пура	тат., башк. *бура*	сруб
алӑк	М. Кашг. *ишик*, кирг. *эшик*, ойр. *эжик*	дверь
чӳрече (перс.)	трк., к.-калп. *терезе*	окно
тӗнӗ	башк. *тӧнлӧк*, кирг. *төннек*, уйг. *тӳнлӳк*	дымовое отверстие в избе, форточка
вут	тат. *ут*, Куд. бил. кирг., к.-калп. *от*	огонь

вучах	к.-калп. *ошак* тат. *учак*, ойр. *очок*, тур. *оджак*	очаг
кӗл	тур. *кӧл*, тат. *күл*	зола
тӗтӗм	тат. *төтөн, түтүн*	дым
хӑрӑм	тат. *корым*, тур. *курум*	сажа
кӑмрӑк	тур. *кömүр*, тат. *күмер*	уголь
мӑрье	кирг. *мор*, башк. *морйэ*, тат. *моржа*	дымовая труба
вутӑ	тур. *одун*, тат. *утын*	дрова
кӗле	башк. *келэ*, тур. *килид* замок	задвижка, деревянный запор
шӑпӑр	кирг. *шыпыргы*, тат. *себерке*	метла, веник
вырӑн	тат. *урын*, кирг. *орун*	место, постель
тӗшек, тӳшек	тат. *түшек, төжәк*	перина, постель
минтер	тат. *мендэр*	подушка
кӗскӗ, куçкӗски	кирг. *күзгү*, тат. *көзге*	зеркало
çурта—свеча	Куд бил. *йаруг*, кирг. *жарык*, хак. *чарыг*	свет

По мнению О. Прицака, чув. *çӗçӗ* восходит к древней форме *çӗлӗç*, происходящей от глагола *çӑл*—дергать, выдергивать, сбрить; чув. *çӑл* соответствует в тюрк. яз. *йӱли, ср.* М. Кашг. *йӱли*— брить (Wiener Zeitschrift Kunde des Morgenlandes 56, ss. 145—148).

савӑт	чаг. *саут*, тат. *савыт*	сосуд, посуда
пӑкӑ	тат. *бөке*, узб. *покэк*	втулка, пробка, затычка
чӳлмек, диал. *чӳмлек*	тур. *чömлек*, гагауз. *чölмек* казах. *шэлмек*	горшок, корчага
хуран	тур., тат. *казан*, гагауз. *харан*	котел
хапха	тат. *капка*, тур. *капы*	ворота
хӳме	тат., башк. *койма*	забор
çатан	уйг. *читэн*, тур. *чит*	плетень
мунча	тат. *мунча*, кирг. *мончо*	баня
чӑпта	уйг. *чипта*	рогожа
сенӗк	тат. *сэнэк*	вилы
мул	мал	скот, имущество
валак	тур. *олук*, тат. *улак*	жёлоб
тупӑк	гагауз., тат. *табут*, кирг. *табыт*	гроб и т. д.

IV. Домашние животные и птицы, использование их в хозяйстве. Общетюркский элемент насквозь пронизывает чувашский язык также в области названий домашних животных и птиц. Слова эти относятся к древнейшим временам жизни чувашей. Некоторые из этих слов в настоящее время совсем вышли из употребления и сохраняются только в большинстве устойчивых речениях. Например, слово *хӑм* (из хӑлӑм), ки

кулун — жеребенок) теперь совершенно неупотребительно, оно вытеснено словом *тиха* и бытует только в выражениях *кĕсре хăм пăрахнă* — кобыла скинула жеребенка, *кĕсре хăмланă* — кобыла ожеребилась и т. д.

ут, лаша	тюрк. *ат, алаша*	конь, лошадь
кĕсре	тув. *кызырак,* тур. казах. *кысрак,* гагауз. *кысырак*	кобыла
аййăр	тур., кирг. *айгыр* М. Кашг. *адгыр*	жеребец
урхамах	*аргамак*	аргамак
çăрха	тат. *юрга,* кирг. *жорго,* к.-калп. *жорга*	иноходь
тиха	М. Кашг. кирг. *тай,* ойр., казах. *кулун*	жеребенок
ăмра, ăмăр	каз. *амырау,* кирг. *омуроо*	грудь лошади
тир	кирг. *тери,* тур. *дери*	шкура
çилхе	кирг., казах. *жал,* тур. *ел*	грива
хӳре	кирг., тур., ойр. *куйрук*	хвост
хĕлĕх	тат., тур. *кыл*	конский волос
тăлă	тат. *тышау,* кирг. *тушоо*	путы
тăлла	кирг. *тушоо сал,* тат. *тышаула*	стреножить
ĕне	уйг. *инэк,* абак. *нек,* тур. *инек*	корова
вăкăр	тат. *ӳгез,* тур. *öкӳз*	бык
пăру	тат. *бозау,* тур. *бузагы,* ойр. *бозу*	теленок
тына	тат. *тана,* тур., гагауз. *дана*	телка, пороз
çилĕ	М. Кашг. *йелин,* тат. *чилин,* кирг. *желин*	вымя
пăрула	тат. *бозаула,* тур. *бузагыла*	телиться
хĕсĕр	кирг., тркм., тат. *кысыр*	яловая
сурăх	тат. *сарык*	овца
путек, пытяк—ягненок	казах. *бойдак*	двухлетняя овца
така	тат. *тэкэ,* уйг., шор. *тэгэ*	баран
качака	тат. *кэжэ,* тур. *кечи*	коза
çăвăр, çура	таг. *явры,* тур. *явру*	детеныш млекопитающих
çăм, çум	тат. *йон,* кирг. *жӳн,* тур. *йӳн*	шерсть (овечья)
юпах	тур. *япагы,* тат. *ябах*	шерсть лошади, сбрасываемая во время линьки
йытă	тат. *эт,* кирг. *ит*	собака
ама йытă	*ана эт*	сука
аçа йытă	*ата эт*	кобель
пăлан	тат. *болан*	олень (диал. лось)

тĕве	тур. *деве,* к.-калп. *тӳйе*	верблюд
ашак	тур. *эшек,* татар. *ишэк*	осел
чăх	тат. тур. *тавук,* кирг. *тоок*	курица
хур	тат., тур. *каз*	гусь
мамăк	кирг., башк. *мамык*	пух
тĕк	уйг. *тӳк,* тур. *тӳй*	перо, пух
çăмарта	тур. *юмурта,* кирг. *жумуртка,* тат. *йомырка*	яйцо
пырша	тур. *барсак*	кишка и т. д.

V. Хлебные злаки и технические культуры. Названия многих хлебных злаков и некоторых технических культур также являются у чувашского языка общими с другими тюркскими языками. Отсюда ясно, что земледелие, как и скотоводство, усвоено было некоторыми тюркскими народами еще в глубокой древности. Например:

тырă—хлеба в зерне и на корню	киргиз. *таруу*—просо, М. Кашг. *тарыг* — хлеба в зерне, просо	
урпа	тур., кирг. *арпа,* тел. *арба*	ячмень
сĕлĕ	кирг. *сулу,* алт. *сула,* тат. *солы*	овес
пăри	тат. *барай, бурай*	полба
пăри — полба	тат. *бодай,* шор. *бугдай,* узб. *богдай*	пшеница
пăрçа	кирг. *буурчак,* башк. *борсак,* тат. *борчак*	горох
вăрă, вăрлăх	кирг., кумык, *урук,* башк. *орлок*	семя, семена
пăрăç	к.-калп. *бурыш,* кирг. *мурч,* тркм. *бурч*	перец
çăнăх	тат. *он,* кирг. тур. *ун,* башк. *он*	мука
пучах	тур., гагауз., уйг. *башак,* кирг. *машак*	колос
кантăр	тат. *киндер,* тур. *кеневир,* к.-калп. *кендир*	конопля
йĕтĕн	тат. *житен,* кирг. *етен,* тур. *кетен*	лен
пуса	тат. *баса,* башк. *баса*	посконь
сӳс	тат. *сӳс*	кудель, пенька
пир	тат. *бэз,* уйг. *бöз*	холст, бязь
хăмла	тат. *колмак,* башк. *комалак,* алт. *кумдак,* морд. *комля*	хмель
хир, пусă	башк., тат. *кыр, басу,* тур. *кыр*	поле
йăран	башк., тат. *ызан*	межа, отделяющая один загон от другого
кĕлте	тат., башк. *көлтэ,* тркм. *кӳлте*	сноп

капан	тат. *кибэн*, башк. *кэбэн*	стог, скирд
тăпач	тат. *тэпэч, чабагач*, башк. *сыбагас*	цеп
арпа	тат. *эрбэ*	мякина
хăлчăк	тур., тат., кирг. *кылчык*, трк. *гылчыг*	ость, острые усики в колосьях ячменя и т. д.

Сюда же можно отнести слова из области земледелия: чув. *сӳре*, тур. *сӳргӳ* — борона, тат. *сөр*, к.-калп. *сур*, тур. *сӳр* — пахать и т. д.

Из хлебных злаков полба, смешиваемая некоторыми народами с пшеницей, по-видимому, представляет древнейшую культуру. Она известна была и древним грекам, ср. πυρός—пшеница, ζειά —полба, и литовцам, ср. *пурай*, и русским, ср. *пыро*—пшеница, пирог, пырей.

VI. Деревья, плоды, травы, овощи, ягоды. Нынешние чувашские названия некоторых деревьев, плодов их, трав, овощей и ягод также имеют свои соответствия в отдельных тюркских языках. В общем, данная категория слов в каждом из тюркских языков образовалась, по-видимому, отдельно и независимо от других родственных языков. Совпадают они в двух и редко в трех-четырех тюркских языках. Например, названия дерева и плода смородины совпадают только в чувашском *хурлăхан* и в тат. *карлыган*, а в башкирском, киргизском мы находим уже *карагат*, а в тур.— *фрэнкӳзӳмӳ* (т. е. французский изюм) и т. д.

йывăҫ	тур. *агач*, кирг. *жыгач*	дерево
юман	тат. *имэн*, кирг. *эмен*, тур. *меше*	дуб
ҫăка	казах. *жөке*, башк., *тат. юкэ*, шор. *чӧге*, азерб. *чӧкэ*	липа
хурăн	ойр., кирг. *кайынг*, шор. *казынг*, тув. *хадын*, тур. *кайын*	береза
хурама	тат. *карама*, тур. *карагач*, кирг. *кара жыгач*	вяз
вĕрене	тат. *орэнге*, тур. *акчаагач*,	клен
чăрăш	тат. *чыршы*, башк. *шыршы*	ель
тирек	кирг., тат. *терек*, уйг. *терэк*	тополь
уртăш	тат. *артыш*, тур. *ардыч*	можжевельник
улмуҫҫи	тат. *алмагач*, кирг. *алма жыгачы*	яблоня
улма	уйг., кирг., трк. *алма*	яблоко
ҫĕмĕрт	алт. *йымырыт*, *юмурт*, тат. *шомырт*, узб. *шумурт*	черемуха
йĕкел	тат. *имэн чиклэвеге*	жёлудь

ҫие	тат. *чия*, кирг., казах. *чие*, башк. *сейэ*	вишня
пилеш	тат. *милэш*, ойр., *беле*	рябина
тымар (араб.)	кирг., баш., тат. *тамыр* уйг. *тамур*, трк. *дамар*	корень
кишĕр	к.-калп. *гешир*, башк. *кишер*	морковь
ҫеҫке, чечек	тат. *чэчэк*, башк. *сэскэ*, тур. *чичек*	цветок
пĕтнĕк	башк. *бӧтнӧк*, тат. *бӧтнек*	мята
хăмăш	М. Кашг., тат. *камыш*, казах. *камыс* кирг. *эрмен*, ср. нем. Wermuth	камыш
эрĕм, эрĕмути		полынь
хăях	кирг., тат. *кыяк*	осока
тикенек	ойр., ног. *тегенек*, тат. *тигэнэк*	репей
пĕрлĕхен	тат. *бӧрлегэн*, башк. *бӧрзӧгэн*	костяника
хуйăр, хупă	гагауз. *кап*, тат. *кайры, қабык*, тур. *кабук*	кора, лубок
кăчкă	кирг. *күчүк*	почка растения
утă — сено	уйг., тур., казах., якут. *от*, узб. *ут*	трава, сено и т. д.

В чувашском языке *утă* в старое время тоже обозначало траву. Ср. выражения: *ыхрути* (дикий лук) — ыхра ути, букв. чесночная трава, *шурути* — пырей (буквально болотная трава), *кăшкар ути* — щавель и др.

VII. Животный мир. Выше мы видели, что названия домашних животных и птиц в чувашском языке почти целиком носят общетюркский характер. Если мы теперь начнем рассматривать названия разных представителей животного царства вообще, то и здесь найдем очень много общих слов с тюркскими языками. Большое число соответствий имеется в названиях зверей, птиц, рыб, насекомых и др. Например:

услан кайăк (только в фольклоре)	тур. *аслан*, тат. *арыслан*	лев
кашкăр	казах. *каскыр*, кирг. *карышкыр*	волк
ҫӳлевĕҫ (устар.)	кирг. *сүлөөсүн*, казах. *силевсин*, ойр. *шүлүзин*	рысь
упа	М. Кашг. *апа, аба*	отец, медведь[1]
лăши	тат. *поши*	лось, диал. олень
пил (истор.)	кирг. *пил*, тур., гагауз. *фил*	слон
тилĕ	тат. *төлке*, ойр. *түлкү*, тур. *тилки*	лисица

[1] У тюркских народов медведь считался родоначальником некоторых родов, поэтому он у них называется дедом, отцом; др. уйг. *адыг* — дед, медведь; як. *ăсă* — дед, медведь.

пурăш	тур. *порсук*, тат. *бурсык*	барсук
юс	тур., тув., тат. *ас*	горностай, ласка
хăнтăр	тур. *кундуз*, казах. *кундус*	бобр, выдра
арлан	тат. *эрлэн*	хомяк
сăсар	тат., к.-калп. *сусар*, кирг. *суусар*	куница
сăвăр	тат., кирг. *сусыр*	сурок
тăрна	узб., тур. *турна*, тркм. *дурна*	журавль
ӳхĕ	кирг. *ӳкӳ*, казах. *ӳки*, хак. *ӳгӳ*	филин
тăри	казах. *торгай*, кирг. *торгой*	жаворонок
путене	уйг. *бӧдине*, тат. *бӱдэнэ*, ойр. *бӧдӱне*	перепелка
хĕрхи	к.-калп. *кырги* (ястреб)	кобчик
пăчăр	тат. *божыр*	рябчик
çерçи	тур., тркм. *сэрчэ*	воробей
хурчка	тат., кирг. *карчыга*	ястреб
йăва	тур. *йува*, ойр., кирг. *уя*	гнездо
пулă	тур., кирг. *балык*, уйг. *бĕлик*	рыба
çăрттан	кирг., ойр. *чортон*, тат. *чартан*	щука
çупах	алт. *чабак*, тур. *чапак*	лещ, чебак
çуйăн	тат. *жэен*, к.-калп. *жайын*	сом
çĕкĕ	тркм. *чӧке*, тат., башк. *чӧг*	стерлядь
çĕлен	тат. *елан*, тур. *йилан*, ойр. *дьылан*, шор. *чылан*	змея
калта	тат. *кэлтэ*, кирг. *кескелдирик*	ящерица
хурт	тур. *курт*, тат. *корт*	червь
сĕлĕх	тур., кирг. *сӱлӱк*, алт. *шӱлӱк*, уйг. *зӱлӱк*	пиявка
шĕвĕрĕлчен	тат. *суалчан*, тур. *солуджан*	глист
шăна	тур. *синек*, чаг. *сингек*	муха
пыйтă	тур., к.-калп. *бит*, тат. *бет*	вошь
шăрка	тур. *сирке*, тат. *серкэ*	гнида, уксус
кĕве	тур. *гӱве*, кирг. *кубӧ*, тркм. *кӱе*	моль
пăрça	кирг. *бӱрче*, тат. *борча*	блоха
тĕкĕлтура	казах. *тукти ара*, тркм. *кара ары* (ара — пчела)	шмель и т. д.

VIII. Пищевые продукты и напитки. Частичные соответствия между чувашским и некоторыми тюркскими языками встречаются и в названиях пищевых продуктов. Например:

çăкăр — хлеб	казах., узб. *жӱгери*, кирг. *жӱгӱрӱ*—кукуруза, тур. *чӧкери*	просо
пăтă	кирг. *ботко*, тур. *бутка*, алт. *потка*	каша
аш—мясо	тат. *аш*, *азык*	еда, пища
пулă	кирг., тур. *балык*	рыба
сĕт	тур., кирг. *сӱт*	молоко

çу	тур. *яг*, тркм. *йааг*	масло
уйран	уйг., кирг. *айран*	пахтанье
хăйма	тат., тур. *каймак*	сливки
пыл	кирг., башк., тур. *бал*	мёд
шыв	тат., тур. *су*, кирг. *суу*, к.-калпак. *сув*	вода
сăра—пиво	тат. *сыра*—пиво, тур. *шыра*	сусло
эрех	тат. *аракы*, к.-калп. *арак* (араб.)	водка
тăвар	тат. *тоз*, тур. *туз*	соль
çăмарта	тат. *йомырка*, тур. *юмурта*	яйцо и т. д.

Источник заимствования слова *сăра* неясен. Соответствие ему мы находим в древнеиндийском языке *sura* и в иранских языках *hura* — опьяняющий напиток. Шрадер, находя это слово у вогулов, предполагает, что оно проникло к ним через скифов, которые будто бы в языковом отношении стояли близко к арийцам [1]. Всего вероятнее, что вогулы (манси) и восточно-финские народы заимствовали это слово от чувашей, тем более в вогульском (мансийском) и остяцком (хантыйском) языках имеется ряд слов, заимствованных от чувашей и булгар [2].

IX. Счет, число, мера и времена года. Ни в какой другой области нет такого полного соответствия между чувашским и другими тюркскими языками, как в названиях чисел, начиная с единицы до тысячи. Например:

пĕр, пĕрре	тур.	*бир*	один
ик, иккĕ	»	*ики*, уйг. *икки*	два
виç, виççĕ	»	*ӱч*, уйг. *ус*	три
тăватă, тăваттă	»	*дӧрт*, кирг. *төрт*	четыре
пилĕк, пиллĕк	»	*беш*, казах. *бес*	пять
ултă, улттă	»	*алты*	шесть
çичĕ, çиччĕ	»	*йеди*, шор. *чети*	семь
сакăр, саккăр	»	*секиз*	восемь
тăхăр, тăххăр	»	*докуз*, ойр. *тогус*	девять
вунă, вуннă	»	*он*	десять
вуннĕр	»	*он бир*	одиннадцать
вунтăххăр	»	*он докуз*	девятнадцать
çирĕм	»	*йирми*, уйг. *йигирме*	двадцать
çирĕм иккĕ	»	*йирми ики*	двадцать два
вăтăр	»	*отуз*, уйг. *оттуз*	тридцать
хĕрĕх	»	*кырк*	сорок
аллă	»	*элли*, кирг. *элӱӱ*	пятьдесят
утмăл	»	*алтмыш*	шестьдесят

[1] Шрадер. Индоевропейцы. СПБ, 1913, стр. 23.
[2] B. Munkacsi. Az „ugor" nepnevezet eredete. Ethnographia VI, 349—387
„ A vogul nyelv idegen elemek. Nyelvtud. Közlem. XXVII

çитмĕл	тур. *йетмиш*	семьдесят
сакăрвуннă	» *сексен*	восемьдесят
тăхăрвуннă	» *доксан*	девяносто
çĕр	» *йӳз*, шор. *чӱс*, ойр. *дьус*	сто
пин	» *бин*, гагауз. *бин*, уйг. *мин*	тысяча
çур	» *яри, ярым*	половина
чĕрĕк-(перс. *çehar yek*)	» *чейрек*	четверть
хĕл	» *кыш*, казах. *кыс*	зима
çу	» *яз, яй*, кирг. *жай*	лето
çу	кирг. *жаз*	весна
кĕр	тур. *гӱз*, кирг., казах. *кӱз*	осень
уйăх	» *ай*	месяц
çул	» *йыл*, ойр. *дьыл*, тат. *яш*	год
кăçал	тат. *быел*	нынешний год
талăк	» башк., тат. *тэӱлек, тăвлӱк*	сутки
пĕлтĕр	тат. *былтыр*, уйг. *бултур*	прошлый год
кăнтăр	тур. *гӱндӱз*	полдень, днем
кун	тур. *гӱн*	день
каç	башк. *кис*, тур. *кечä* М. Кашг. *кичä*	вечер, ночь
пĕркунне, ыран мар тепĕр кунне	кирг. *бӱрсӱгӱнӱ*, тркм. *бӱйргӱн*, тур. *йарын дегил öбӱр гӱн*	послезавтра
ир	кирг. *эртен*, тат., башк. *иртэ*	утро, утром
хăлаç	уйг. *кулач*, абак. *кулас*	маховая сажень
çухрăм (от çухăр—кричать)	тат. *чакрым*	верста
тараса	тур. *терази*, тркм. *терези*	весы
хур	кирг. *кары*, в уйг. юридич. документах X—XIII вв. *кары*, в узб. яз. XIV—XV вв. *кары* — локоть употреблялось как мера длины, равная расстоянию от середины груди до конца пальцев вытянутой руки и т. д.	

X. Металлы и минералы. Многие названия металлов и минералов в чувашском языке также восходят к общетюркским основам.

Ср.:

тимĕр	кирг. *темир*, тур. *демир*	железо
хурçă	башк. *корос*	сталь
пăхăр	тур. *бакыр*, хак. *пагыр*	медь
кĕмĕл	ойр. *кӱмӱш*, тур. *гӱмӱш*	серебро

ылтăн	тат., тур. *алтын*	золото
кӳкĕрт (перс.)	тур., кирг. *кӱкӱрт*	сера
пур	кирг. *бор*, узб., тат. *бур*	мел
вут чулĕ	кирг. *оттук таш*	кремень
хăйăр	казах. *кайыр*	песок и т. д.

XI. Одежда и обувь. Названия одежды и обуви также не представляют исключения из общетюркского фонда чувашской лексики. Тюркский элемент и здесь встречается в достаточном количестве. Например:

сăхман	сибирск. тат. *сӱкмăн*, тат. *чикмэн*	кафтан
кĕрĕк	тур., М. Кашг. *кӱрк*, азерб. *курк*	шуба, мех
тум, тумтир	башк. *тун*, кирг. *тон*	верхняя одежда, шуба
арăк	тат. *итäк*, ойр. *эдек*, тур., кирг. *этек*	подол, пола одежды
çанă	тур. *йен*, тат. *жин(г)*	рукав
çуха	тур., туркм. *яка*, ойр. *дьяка*, к.-калп. *жага*	воротник, ворот
çăпата	башк. *сабата*, тат. *чабата*, к.-калп. *шабата*	лапоть
атă	кирг. *өтӱк*, турк. *эдик*	сапоги
тăла	турк., туркм. *долак*, тат. *тула*	онучи, портянки
кĕпе—рубашка	шор. *кеп* — одежда; туркм. *аяк кабы*	букв. одежда ноги—обувь
çытма	тур. *сыкма*	детские штанишки
кунча	тур., кирг., узб. *конч*, ойр. *коньду*	голенище
тӳме	тур., туркм. *дӱгме*, узб. *тугма*	пуговица
çĕрĕ	тур. *йӱзӱк*, кирг. *жӱзӱк*	кольцо
тухъя	кирг. *такыя*, араб. *такья*	девичья шапка, тюбетейка
йĕм	уйг., М. Кашг. *ӱм*, кирг. *шым*	штаны
çулăк, çулăх (уст.)	кирг. *жоолук*, башк., тат. *яулык*	платок

XII. Оружие, орудие, инструменты:

ухă — лук	ойр., туркм. *ок*, тат. *ук*	лук, стрела, пуля
хĕç	тур., тат. *кылыч*	меч
сăнă	тат. *сонго*, туркм. *сӱнги*	копье
тупă	тур. *топ*	пушка

тар	хак. *тар*, тув. *дары*	порох
пăчкă	тур. *бычкы*, тат. *пычкы*	пила
сунтал	к.-калп. *сандал* (ар.-перс.)	наковальня
хăйра	башк., кирг. *кайрак*	точило, брусок
лĕлев	тур. *билегиташы*, уйг. *билэй*, кирг. *бӱлöö*, тат. *белеү*	оселок, брусок
хачă, хайчă	кирг. *кайчы* (перс.)	ножницы
чукмар	казах., к.-калп. *шокмар*, узб. *чукмор*	дубинка и т. д.

XIII. Ткацкое дело. В чувашском языке в названиях некоторых предметов прядильно-ткацкого производства тоже имеются общетюркские элементы.

ураçă, ураççи	тур., гагауз, *аргач*, тркм. *оргач*, кирг. *аркак*, уйг. *аркак*	уток
хĕç	тат. *кылыч*	бердо
хултăрч	тат. *калдырча*	скальница
ăса, сăса	тат. *суса*, башк. *оса*	челнок
çĕрĕ	тат., башк. *шӱре*	цевка
кĕрĕ	кирг. *кӱзӱк*	нитченка
çип	кирг., к.-калп. *жип*, тур., тркм. *йиплик*, ойр. *дьип*	нитка, пряжа
йĕке	тур. *иг*, тркм. *ик*, кирг. *ийик*	веретено
ăрла, авăрла	тркм. *ӧр*, тат. *эрлэ*, тур. *эгир*, кирг. *ийир*	прясть
пир тĕрт	к.-калп. *току*, башк. *тукы*, тур. *доку*	ткать и т. д.

XIV. Средства передвижения:

урапа	тур., тат., кирг. *араба*	телега
ӳрече	башк., тат. *ӳрэчэ*	грядки у телеги
çуна	тат., кирг. *чана*, к.-калп. *шана*	сани
çуна тупанĕ	башк. *чана табаны*, кирг. *чана таманы*	полоз
турта	тат., башк. *тэртэ*	оглобля
йĕнер	тур. *эйэр*, кирг. *ээр*, к.-калп. *ер*	седло
тĕнĕл	тур. *дингиль*	ось
йĕнерчĕк	кирг. *ээрчик*, башк. *ынгырсак*	седелка
йĕвен	узб. *йӱген*, казах. *жӱгӧн*	узда
нăхта	кирг. *нокто*, к.-калп. *нокта*	недоуздок, оброть
тилхепе	тат., башк. *дильбегэ*, к.-калп. *делбе*	вожжи
уйăл	к.-калп. *айыл*, узб. *эйил*	повод у узды
чĕлпĕр	ойр., кирг. *чылбыр*, казах. *шылбыр*	подпруга, подбрюшник
кимĕ	кирг., к-калп. *кеме*, тур. *гими*	повод у узды
ишкет	узб. *эшкек*, к.-калп. *ескек*, башк. *ишкэк*	корабль, лодка
турта пăявĕ	тат. *тэртэ бавы*	весло
çул	тур. *йол*, кирг. *жол*	завертка дорога и т. д.

XV. Светила небесные, атмосферные и др. явления природы:

хĕвел (кун—день)	башк. *кояш*, тур. *гӱнеш*, тркм. *куяш*, алт. *кӱн*	солнце
уйăх	тат., башк., тур., кирг. *ай*	луна
çăлтăр	тур. *йылдыз*, якут. *сулус*, кир. *жылдыз*	звезда
пĕлĕт	кирг., тур., уйг. *булут*	небо, облако
çĕр	тат., тур. *йĕр*, ойр. *дьер*	земля
вут	тат. *ут*, кирг. *от*	огонь
çутă	тат., башк., тркм., к.-калп. *якты*	свет
шыв	к.-калп. *сув*, кирг. *суу*, тур. *су*	вода
юр	тркм. *гар*, тат., башк., тур. *кар*	снег
пăр	тур. *буз*, шор. *мус*, кирг., к.-калп. *муз*	лед
сивĕ	кирг. *суук*, тур. *согук*, к.-калп. *суык*	мороз, прохладный
çил	тур. *йел*, шор. *чел*, кирг. *жел*	ветер
кӱлĕ	ойр. *кӧл*, тур. *гӧл*, кирг. *кӧл*	озеро
çумăр	тур. *йагмур*, ойр. *дьанмыр*, кирг. *жамгыр*	дождь,
пăс, пу (пăв)	гагауз. *бу*, тур. *бугу*, кирг. *буу*	пар, испарение
тумла	тур., гаг. *дамла*, кирг. *тамчы*	капля, капель
пылчăк	уйг. *балчук*, тур. *балчык*	глина, грязь
тăпра	тур. *топрак*, кирг. *топурак*, к.-калп. *топырак*	почва, земля и т. д.

XVI. Признаки предметов. В чувашском языке сохранилось очень много прилагательных с общетюркской основой:

чĕрĕ	др. уйг., шор. *тириг*, кирг. *тирӱӱ*, тур. *дири*	живой
сывă	тур., саг., кирг. *соо*	здоровый
ӳçĕ	тур. *ачы*, кирг. *ачуу*	горький
тутлă	тур., к.-калп. *татлы*, кирг. *таттуу*	вкусный, сладкий

сарă	тур., кирг. *сары*, тркм. *саары*	желтый
кăвак	тур. *гök*, тркм. *гööк*, кирг. *кök*	синий
хура	тур., кирг., тат. *кара*	черный, вороной
турă	тур. *дору*, кирг. *тору*, тркм. *доор*, уйг. *торук*	гнедой
чуптар	кирг. *чабдар*, тат. *чаптар*	игрений
хăла	кирг., тркм. *кула*, тат. *кола*	саврасый
пăвăр	тат. *бурлы*, кирг. *буурул*, тур. *боз*	чалый, серый
вăрăм	тур., кирг. *узун*, тат. *озын*, к.-калп. *узын*	длинный, долгий
кĕске	кирг. *кыска*, тур. *киса*, тркм. *кыыска*	короткий
суккăр	кирг., ойр. *сокур*, тркм. *сокыр*	слепой
чăлах	уйг., тур., узб., казах. *чолак*, кирг. *чолок*	однорукий, увечный
тул, тулли	тур. *долу*, кирг. *толук*, тркм. *доолы*, к.-калп. *толы*	полный
тăвăр	кирг. *тыгыз*, тркм. *дыкыз*	тесный, плотный
хĕсĕр	кирг., гагауз., тур., тат. *кысыр*, к.-калп. *ксыр*	яловый, бесплодный
чуман	тркм. *чаман*, казах. *шабан*	ленивый, лошадь с плохим ходом
мăка	кирг. *мокок*	тупой
каçхи	тур. *гечеки*, кирг. *кечки*, к.-калп. *кешки*	вечерний, ночной
кĕрхи	кирг. *күзгү*, к.-калп. *гузги*	осенний
хӳхĕм	кирг. *көркөм*, к.-калп. *гöркем*	красивый
çӳхе	др.-тюрк. *йуйка*, кирг. *жука*	тонкий
сайра	узб. *сийрек*, тат. *сирэк*, кирг. *сейрек*	редкий
хытă	тур., тат. *каты*, кирг. *катуу*	твердый
çемçе	тур. *йумушак*, кирг. *жумшак*	мягкий
çĕнĕ	тур. *йени*, ойр. *дьянъы*, кирг. *жаны*	новый
шухă	узб. *шох*, кирг. *шок*, тат. *шук*	шаловливый
чухăн	др.-тюрк. (Кюль-Тегин 10) *чыган*, узб. *чыгай*	бедный, неимущий, бедняк
вакă	тат., башк. *вак*, тур. *уфак*, уйг. *увак*	мелкий
чăн	уйг. *чин*, кирг. *чын*	действительный, истинный, верный

пушă	уйг., кирг., тур. *бош*	пустой, свободный
ирĕк, ирĕклĕ	кирг. *эркин*, тат. *иркен*	свободный
çӳхе	кирг. *жука*, тат. *юка*	тонкий
тарăн	ойр. *тэрэн*, тур. *дерин*	глубокий
самăр	тув. *сăмис*, тат. *симез*, тур. *семиз*	жирный, тучный
хĕрлĕ	тур., тат., кирг. *кызыл*	красный
ансат	тркм. *ансаат*, тат. *асат*	легкий и т. д.

XVII. Действия и состояния предметов. Общетюркские элементы весьма многочисленны в чувашском языке и в словах, обозначающих действия и состояния предметов, то есть в глаголах:

çи	тур. *йе*, к.-калп. *жей*, кирг. *жээ*	есть
ĕç	тур., кирг. *ич*, казах. *иш*	пить
ĕçле	тур. *ишле*, узб. *ишла*, кирг. *иштö*	работать
ил	тур., тат., баш., кирг. *ал*	брать
ыйт—спрашивать	М. Қашг. и Қуд. бил. *айыт*—спрашивать, кирг. *айт*	говорить
пиç	казах. *пис*, тур. *пиш*, кирг. *быш*	вариться, созревать
ак	тур. *эк*, кирг., *себ*, тркм. *сеп*	сеять
выр	кирг., тркм., к.-калп. *ор*, тат., башк. *ур*	жать
çăт	тур. *йут*, кирг. *жут*, тат. *йот*	глотать
çу (çăв)	кирг., к.-калп. *жу*, тркм. *йув*, тат. *ю*	мыть
кур	др.-тюрк., кирг. *көр*, тур., тркм. *гöр*, к.-калп. *кор*	видеть
çӳре	тур. *йӳрӳ*, кирг. *жүр*, тркм. *йор*, ойр. *дьур*, шор. *чер*	ходить
ху (хăв), хăвала	кирг. *ку, кубало*, тур., *тркм. ков, ковала*, шор. *ког*, тат. *ку, куала*	гнать, преследовать
çăкăн (устар.)	др. тюрк. *йӳкӳн*, кирг. *жүгүн*, башк. *йögön*	приседать, преклонить колена
тăвар	тат. *туар*, кирг. *догор*, башк. *тугар*	распрягать
шăвар	кирг., тат. *сугар*, башк. *һугар*, тур. *сула*	поить, орошать
тăр	тур., тркм. *дур*, кирг., к.-калп. *тур*, тат. *тор*	стоять, остановиться
вăтан	тур., гагауз., тркм. *утан*	стесняться, стыдиться

су (сăв)	тркм., тур., уйг. *саг*, тат. *сав*, к.-калп. *сау*	доить
кас	кирг., тур., к.-калп., узб. *кес*, тат., башк. *кис*	резать
юх	тат., тур., кирг. *ак*	течь
хăтăл	тат. *котыл*, тур. *куртул*, кирг. *кутул*	спастись
пăс	тур., тркм., тат. *боз*, кирг., к.-калп., уйг. *буз*	портить
пуçла	тур., тат. *башла*, кирг. *башта*, к.-калп. *басла*	начать
ӳсĕр	тур. *öксӳр*, гагауз. *ӳсӳр*, тркм. *ӳскӳр*	кашлять
пут	др.-уйг., тур., тркм., кирг. *бат*	тонуть
имле	к.-калп., тркм. *емле*	лечить домашними средствами
тарла	тат. *тирлэ*, тур., к.-калп. *терле*, тркм. *дерле*	потеть
çыпăç	тркм., тур. *япыш*, кирг. *жабыш*	прилепиться, пристать
вил	тур., ногайск., кирг., тркм., ойрот. *öл*, тат. *ӳл*	умереть
таян	уйг., кирг., к.-калп. *таян*, тур. *даян*	опираться
кĕçен	казах. *кисине*, к.-калп. *ксине*	ржать
хăс	казах., тур. *кус*	рвать, блевать
кул	тур., гаг. *гӳл*	смеяться
тăрăл	тур., гагауз. *дурул*, тркм. *дурыл*	отстояться, осаждаться
тыт	тур., гагауз. *тут*	держать
ăс	кирг. *суз*, тат. *соз*, шор. *сус*, кирг., уйг. *тил*	черпать
чĕл		щепать лучину, кроить ремни
сăх	тур. *сок*, башк. *саг*	кусать (о пчеле)
ӳс	ойр.-*öс*, к.-калп. *öс*	расти
сăвăр	ойр. *собыр*, кирг. *сапыр*, тур. *савур*	веять (зерно)
сӳн	тркм., тур. *сön*	гаснуть
пăх	уйг., тур. *бак*	глядеть, смотреть
чуп	балк. *чаб*, тркм., к.-калп. *шаб*	бежать
сĕр	к.-калп. *суз*, ойр. *сыс*	цедить
сис	тат. *сиз*, тур. *сез*	догадываться

и т. д.

XVIII. Местоимения:

эпĕ	тур. *бен*, тат. *мин*	я
эсĕ	тур., к.-калп., кирг. *сен*, тат. *син*	ты
вăл, диал. *у, о*	тур. *о*, тркм. *о, ол*, кирг. *ал*, башк., тат. *ул*	он
эпир (пир)	тур., тркм., кирг. *биз*, тат. *без*	мы
эсир (сир)	тур., кирг. *сиз*, тат. *сез*	вы
вĕсем (вăлсам, усем)	тур. *онлар*, кирг. *алар*, башк. *улар*	они
кам	тур., кирг., к.-калп. *ким*, тат., башк., *кем*	кто
мĕн	башк. *ни, нэмэ*, тур. *не*	что
камăн	тур. *кимин*, к.-калп. *кимнинг*, кирг. *кимдин*	чей
хăшĕ	тур. *кач, качынджы*, кирг., к.-калп. *кайсы*	который
миçе	тур., тркм. *ниче*, кирг. *нече*	сколько
харпăр, харкам	кирг. *ар бир*, к.-калп. *харь бир, харь ким*, тркм. *хер ким, хер бири*	каждый, всякий
пĕтĕм	тур., кирг. *бӳтӳн*, тркм. *бӳтин*, к.-калп. *путин*	весь, целый
ку	тур. *бу*, кирг. *бу, бул*	этот и т. д.

Мы рассмотрели восемнадцать различных по значению групп чувашских слов с тюркской основой. Число этих групп можно удвоить и утроить, можно, например, присоединить сюда группы «занятие и ремесло», «охота и рыбная ловля», «земледелие», «болезни» и пр., пр.— и везде мы будем одинаково наблюдать в природных словах преобладание древнего тюркского элемента. При этом перечисленные слова с тюркской основой сохранились в основном словарном фонде чувашского языка.

Природные слова чувашского происхождения. Тюркский элемент в природных словах чувашского языка, как мы видели, составляет значительный удельный вес. Природные слова, однако, не ограничиваются лишь словами с общетюркским элементом, здесь имеется и другой столь же мощный слой, как и тюркский, и также ниоткуда не заимствованный, но выработанный чувашским народом в его трудовой практике на протяжении тысячелетий. Сюда мы относим: а) все те слова, которых нет в тюркских языках, б) слова, источник заимствования которых неясен и истинное происхождение их в настоящее время мы не в состоянии выяснить, и, наконец, в) слова, образованные из тюркских

же основ, но по внутренним законам чувашского языка. Например, выше в группе слов «Человек и части его тела» у нас осталось нерассмотренным слово *çын* — человек. В тюркских языках нет вполне соответствующего ему по значению слова, там вместо него в старых и новых памятниках бытуют слова *кĕше, кижи, киши* и *адам* (арабск.), в то же время слово *çын* не встречается и в соседних финских языках. Следовательно, слово это старинное, самобытное. Так как у нас нет убедительных данных для отнесения его к дотюркскому субстрату чувашского языка, то с некоторой вероятностью можно предположить родство его с восточно-тюркскими словами — ойротским *дьон,* тел. *йон,* шор. и тув. *чон,* употребляющимися в значении «народ», «люди» (см. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, III, стр. 2017). Поскольку фонетика и семантика данного слова не противоречат нашему предположению, то оно вполне приемлемо, ср. также кит. *жень* человек. Природными словами из той же группы мы считаем также слова: *сăмса* — нос (ср. монг. *самс* — носовой хрящ, ноздря), *çамка* — лоб, *кăвапа* — пупок, *чавса* — локоть, *çурăм* — спина, *çивĕт* — коса (девичья) и др.

Из группы «Родство»: *кукамай* — бабушка (мать матери) из *кăк* — корень, род, др.-тюрк., тур., трк. *кök* — корень, следовательно, *кукамай* — мать нашего рода, родоначальница; *кукаçи* — дедушка (отец матери), *кукка* (кăк + ага [1]) — дядя, брат матери, *асатте* (аслă атте) — дедушка (отец отца); *асанне* (аслă анне) — бабушка (мать отца). Слово *аслă,* по-видимому, заимствовано из арабского языка: асыл — корень, основа; *ĕçкей* — деверь, *тăхлачă* — сватья (мать зятя), вероятно, из *тăхăм* — потомство, кирг. тукум — племя, потомство; *ача* — ребенок, дитя; *урçа* — вдовец. С некоторой вероятностью этимологию этого слова можно установить следующим образом: мордовское *уре* — чужой, чув. *аçа* — отец, следовательно, *урçа* — чужой отец, то есть отчим. По-видимому, первоначально *урçа* имело значение отчима. Возможно в данном случае и влияние персидского языка: в языке авесты *аршан,* в осетинском языке *арша* — мужчина, самец [2]. Что касается слова *арăм,* то в старое время проф. Н. И. Ашмарин сближал его с арабским словом «гарем», отсюда *арăм,* по его мнению, гаремная женщина [3]. С таким толкованием трудно согласиться. Заслуживает внимания предположение Г. И. Рамстедта, что в тюркских языках в некоторых именах выступает аффикс женского рода *-ум, -им: танрим* — императрица, *канум* — жена хана, а также *эрим* — жена > чув. *арăм.*

[1] В тюркских языках *ага* — старший брат, дядя, следовательно, кукка — родовой дядя. Здесь могло вмешаться и марийское слово *куго* — большой, великий, старший, тогда слово это придется отнести к ранним заимствованиям из марийского языка, что мало вероятно.

[2] В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. 1. 1949, стр. 155.

[3] Материалы для исследования чувашского языка, 1898, стр. 141.

(Введение в алтайское языкознание. Перевод с немецк., Москва, 1957, стр. 62).

По группе «Дом и вещи в доме» к природным словам нетюркского происхождения принадлежат: *тĕпел* — передний угол избы, *кĕтес* — угол, *урай* (ура айĕ — подножие) — пол, *вите* — конюшня, *карта* — изгородь, хлев, *килкарти, картиш* (карта йышĕ) — пространство внутри изгороди, двор, *кĕвенте* (*кив* — толочь белье в корыте—песты, которыми толкут в корыте белье, коромысло для носки воды, *хăма* — доска, *юпа* — столб, намогильный столб (удм. юбо), *чикмек, пусма* — лестница, *хăйă* — лучина, *çатма* — сковорода, *йĕтĕр* — скалка, *япала* — вещь, предмет, *савăл* — клин, *сава* — наструг, *çĕçĕ* — нож, *сенĕк* — вилы, *сăран* — кожа, *шалча* — шест. По мнению Паасонена, слово *шалча* (сокр. шăчă, шочă) по звуковому составу и значению сильно напоминает самоедское слово *салдзе.* Паасонен допускает возможность заимствования его чувашами из марийского языка, хотя оно здесь не сохранилось (Keleti Szemle XVI, 20—21). Вероятнее всего, что слово это самоеды (ненцы) получили от булгар или от чуваш в древнейшее время. Ср. Castren s. Wörterverzeignіss aus dem samojedischen Sprachen. 1855, SS. 15, 53.

Из названий домашних и диких животных, птиц, рыб и других представителей животного царства природными словами являются: *сысна* — свинья, *автан* — петух, (букв. поющий), *кăвакал* — утка, *чакак* — сорока, *хура курак* — грач, *карăш* — дергач, коростель, *кăркка* — индюк, индюшка, *йĕкехӳре* — крыса (букв. веретено-хвост), *пăсара* — хорек, *шуркут* — стриж, береговая ласточка (букв. белозадый, ср. русск. белогрудый стриж), *уйăп* — снегирь, *шăпчăк* — соловей (ср. мар. шӱшпык, шышвык), *кăсăя* — синица, *çăхан* — ворон, *кăрăш, кăртăш* — ерш, *уланкă* — окунь, *ырашпĕтри* — пескарь (ср. тюрк. пӱдӱра), *шуçи, шывçи* — верхоплавка, уклейка, *нăрă* — жук, *йĕпвăрри* — коромысло (букв. вор иголки), *мая* — яйцо-подкладыш. Происхождение последнего слова неясно. У Радлова в словаре (IV, 2011, 2014) в тюркских языках указывается слово *мая* как персидское заимствование в значении «дрожжи», «закваска», и слово *маййăк* — яйцо (в яз. хива-ханка). По его предположению, последнее слово тоже персидского происхождения, где *маййă* означает вещество, материю. Ср. также к.-калп. *майек* — яйцо.

Природные слова из нетюркского фонда можно видеть также в некоторых названиях хлебных злаков, деревьев, плодов, ягод и трав: *тулă* — пшеница, *хуратул* — гречиха (букв. черная пшеница), *вир* — просо (ср. ойр. *йӱре* — кашица из толченой крупы и молока), *хăмла çырли* — малина, *çĕр çырли* — клубника, *калча* — всходы, озимь, *мăян* — лебеда, *вĕлтрен* — крапива, *хупах* — лопух, *çерçи тырри* — костер безостый, *утмăлтурат* —

василек (букв. шестьдесят ветвей), *çеçпĕл* — подснежник, *çăвăлчă* — лист, *курăк* — трава (ср. тур. *курук* — зеленые, неспелые плоды), *хăва* — ива, *çӳçе* — дерево из породы ив, *йăмра* — ветла, *хыр* — сосна (ср. якут, *харыя* — ель), *пушăт* — лыко, *мăйăр* — орех. Последнее слово Рамстедт сближает с монгольским *мойл* — черемуха [1], ср. башк. *муйыл* — черемуха , в венгерском языке из булгарского modyoró — орех.

Нетюркские природные слова имеются и в названиях одежды, кушаний и напитков: *пиçиххи* (пилĕк çыххи) — пояс, *алса* — рукавицы, *алсиш* (алса ăшĕ) — варежки, *чĕрçитти* (чĕр + çи-витти) — передник, фартук, *алшăлли* (алă — рука, шăл — утирать-ся) — полотенце, *пашалу* — лепешка, *кукăль* — пирог, *хуплу* — круглый или четырехугольный большой пирог, *тултармăш* — колбаса, *йăва, йăвачă* — галушки, кушанье из пресного теста шарообразной формы в виде птичьего гнездышка с двумя ямочками посредине, *тинкĕле* — толокно, *нимĕр* — кисель, *çăмарта хăпартни* — яичница, *яшка* — суп, похлебка, *шăртан, шăрттан* — рубец, начиненный мясом и зажаренный (заимствовано из персидского языка), *турăх* — кислое молоко (ср. иранское *тури* — кислое молоко). В. И. Абаев упоминаемое Птолемеем название сарматского племени τορρεκάδαι этимологизирует как *торек* — кислое молоко и *ад* — есть, т. е. едящие кислое молоко [2].

Из других групп слов природными являются следующие слова:

Чике — локоть, как древняя единица меры длины, равная расстоянию от локтя до конца среднего пальца, т. е. половине хура; *чике старик хур сухал* — сам старик с локоть, а борода его в два локтя (в сказке), ср. кирг. *чыканак*, к.-калп. *шынак* — локоть, *шит* — пядь, старинная мера длины, равная расстоянию между концами вытянутых большого и указательного пальцев, т. е. четверти аршина.

Пир выраннĕ, пир станĕ — ткацкий станок, *хутăр йывăççи* — мотовило, *сӳрекке, сӳретке, сӳре* — сновалки, *кăшкар* — тюрик, вьюшка из лубка для навивки пряжи, *арăм йывăççи, ярнуççи* — воробы, снаряд для размотки пряжи, *хивсе* — пришва, *пир патакки, пăртуççи* — притыкальник, *кум* — сновать и т. д.

Урапа пăти — чека, *сӳсмен* — хомут (ср. мар. сӳспан), *чӳлĕк* — супонь, *пĕкĕ* — дуга, *кутлăх* — шлея, *кустăркăч, кустăрма, кусатăран* — колесо, *урапа шăлĕ* — спица у колеса, *çуна шăлĕ* — копыл, *утма çул* — тропа и т. д.

Кĕвенте çăлтăр — созвездие Ориона, *Çич çăлтăр, Алтăр çăлтăр* — созвездие Большой Медведицы, *Ала çăлтăр* — созвездие Плеяды, *Шурăмпуç çăлтăрĕ* — Венера, *Çурçĕр çăлтăрĕ* — Северная полярная звезда, *çумăр пĕлĕчĕ* — туча, *сывлăм* — роса, *сывлăш* — воздух (ср. тат. сулыш, сулыш алу — дыхание), *аслати* — гром, *саламат кĕперри, асамат кĕперри* — радуга, *çаврaçил* — вихрь и т. д.

[1] G. Ramstedt. Zur Erage nach der Stellung des Tshuwassischen. JSFOu XXXVIII, 1922—1923.

[2] В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор 1. 1949, стр. 152.

Киве — старый, *пĕчĕк* — маленький, *ватă* — старый, *çамрăк* — молодой, *вĕтĕ* — мелкий, *инçе* — далекий, *вĕри* — горячий, *евĕрлĕ* — похожий, *ĕрчевлĕ* — плодовитый, *кăпăш* — рыхлый, *кăра* — жёсткий, вспыльчивый, *кукăр* — кривой, *лăпкă* — тихий, *нумай* — многий, много, *хăрах* — одинокий, непарный, *муртак* — дряблый, хрупкий, ломкий, *салху* — грустный, скучный, *симĕс* — зелёный, *сиплĕ* — целебный, *çаврака* — круглый, *çара* — голый, *çăмламас* — лохматый, косматый, *çилĕллĕ* — гневный, сердитый, *çӳллĕ* — высокий, *çывăх* — близкий, *тискер* — дикий, *тӳлек* — тихий, спокойный, *типĕ* — сухой, *шĕвĕ* — жидкий, *типшĕм* — сухой, худощавый, *лăпсăркка* — лохматый, неуклюжий, *лапчашка* — плоский, приземистый, *ленчĕркке, ленчешке* — слабый, вялый, ледащий, *лутака* — низенький, пузатый, *мĕшĕлти* — медлительный и т. д.

Варала — пачкать, *пух, пуçтар* — собирать, *пурăн* — жить, *кай* — уходить (ср. мар. каяш), *çых* — вязать, *йĕр, макăр* — плакать, *кăшкăр* — кричать, *сывла* — дышать, *тĕлĕн* — удивляться, *тирке* — брезгать, привередничать, быть разборчивым, *çиллен* — сердиться, гневаться, *çывхар* — приближаться, *çывăр* — спать, *ӳк* — упасть, *ӳркен* — лениться, *хăпар, улăх* — подниматься, *хаваслан,* — радоваться, *хĕрхен* — жалеть, *хумхат* — волновать (воду), *çĕле* — шить, *хыв* — снять (одежду), *хывăн* — раздеться, *чарăн* — перестать, *чăмла* — жевать, *чĕн* — звать, пригласить, *чĕр* — рвать, *чупту* — целовать, *чӳхе* — полоскать, *чыш* — ударить кулаком, *шавла* — шуметь, *шакка* — стучать, *шăнăç* — уместиться, *шăрат* — плавить, топить (масло), *шăн* — мерзнуть, *шăршла* — нюхать, *шитле* — мерить пядью, *шу (шăв)* — скользить, *шӳ (шĕв)* — мокнуть, *ылхан* — проклинать, *ырат* — болеть и т. д.

Хам — я сам, *ху* — ты сам, *хăй* — он сам, *çакă* — этот, *лсшĕ, çавă* — тот, *хайхи* — тот самый, упомянутый, *епле, мĕнле* — какой, *тепле* — неизвестно какой, *тепри* — другой и т. д.

К чисто природным словам относятся в чувашском языке также старинные земледельческие названия месяцев: *ака уйăхĕ* (букв. месяц пашни, сева) — конец апреля и начало мая, *çу уйăхĕ* (букв. летний месяц) — май, *çĕртме уйăхĕ* (букв. месяц пара) — июнь, *утă уйăхĕ* (букв. месяц сенокоса) — июль, *çурла уйăхĕ* (месяц серпа) — август, *авăн уйăхĕ* (месяц обмолота хлебов) — сентябрь, *юпа уйăхĕ* (месяц столба, т. е. поминовения усопших) — октябрь, *чӳк уйăхĕ* (месяц жертвоприношений) — ноябрь и т. д.

3. ЗАИМСТВОВАННЫЕ СЛОВА В ЧУВАШСКОЙ ЛЕКСИКЕ

Словарный состав современного чувашского литературного языка не ограничивается одними природными словами, сюда в большом количестве входят иноязычные слова, заимствованные из других языков. В разное время своего исторического существования чувашский народ соприкасался с разными народами и обогащал свою лексику за счет словарного запаса их. Обычно заимствовались культурные слова, обозначавшие известные достижения, изобретения или усовершенствования в области общественно-хозяйственной жизни, в области техники и науки. Вообще заимствованные слова являются отражением тех или иных экономических и культурных взаимоотношений с соседними народностями в разные исторические эпохи. Взаимное культурно-экономическое общение разных народов имеет большое значение для языка, оно является одним из важнейших факторов его развития. Иноязычные заимствования нельзя понимать чисто механически, как рабское заимствование слабого у сильного, а нужно понимать как естественное, закономерное развитие языка, поднимающегося на новую, высшую ступень на своей собственной основе. Чувашский язык исторически воспринял много иноязычных слов. Благодаря же многовековому влиянию русской культуры и русского языка, влиянию, особенно усилившемуся в послереволюционное время, он сильно обогатился лексически и, творчески осваивая русские слова и научно-технические термины, постепенно поднялся на ступень общенационального литературного языка. Что касается национальной самобытности чувашского литературного языка, то она не испытала ущерба, ибо, сохранив свой грамматический строй, сохранив и обогатив свой словарный фонд, язык продолжал продвигаться вперед и совершенствоваться по внутренним законам своего развития.

В чувашском языке в небольшом числе имеются слова татарские (кыпчакские), арабские, персидские, монгольские, восточнофинские и в большом числе русские слова и термины.

Татарские заимствования в чувашском языке. Значительная часть заимствованных слов в чувашском языке падает на казанско-татарский язык, что объясняется смежным географическим сожительством чувашей и татар в течение многих столетий, главным же образом административно-политическим господством татар над чувашами в период существования Казанского ханства. Последняя категория слов характеризуется некоторыми фонетическими особенностями. Слова эти выделяются прежде всего наличием в начале слов звука *й,* вместо которого в более древних чувашских словах тюркского происхождения обычно выступает мягкое *с* (орфографически *ç*): тат. *йил,* кирг. *жил,* чув. *ҫил* — ветер, тат. *йакты,* чув. *ҫутă* — светлый, тат. *йöз,* чув. *ҫĕр*— сто и т. д. При этом непосредственно следующий за *й* звук *а* свидетельствует о сравнительно недавнем заимствовании этого слова, например:

чув.	*татарск.*	
ялан (йалан)	ялан	всегда, постоянно
ялав	ялав	флаг, знамя
янах—висок	янак	щека, косяк у двери
япăх	ябык	тощий, истощенный
ясмăк	ясмык	чечевица
яхăн	якын	близко, около
яш	яш	юноша, парень и др.

Если же за начальным *й* непосредственно следует не *а,* а звук *у,* то это уже говорит о том, что данное слово проникло в чувашский язык в более раннюю эпоху, но все же после завершения процесса образования звука *ç* из аффрикаты *джь, дзь.* К этому моменту звук *ç* окончательно утвердился в определенной группе природных слов. Отсюда вполне понятно, что татарско-кыпчакское *й* в начале слова, хотя оно исторически развилось из той же аффрикаты и соответствовало чувашскому *ç,* тем не менее языковым сознанием чуваш воспринималось как отдельная от *ç* фонема, как *й* же. Например:

чув.	*татарск.*	
юлташ (йулташ)	юлдаш	товарищ
юлхав	ялкау	ленивый, лентяй
юна	яны	грозить, угрожать
юра	яра	быть пригодным, нравиться
юрат	ярат	любить
ют	ят	чужой и др.

Третью группу татарских заимствований составляют слова с начальным *й,* где за ним следует не *а* и не *у,* но редуцированные гласные *ă, ĕ* или узкие гласные *ы, е, и.* Слова этой категории проникали в чувашский язык, по-видимому, в древние эпохи, но по завершении процесса оформления в чувашском языке звука *ç,* соответствующего тюркским *й (j)* и аффрикатам *джь, дзь, ж, ч* и др.

йăваш	яуаш	смирный
йăмшак	йомшак	мягкий [1]
йăнăш	янгыш	ошибка
йăлăн	ялын	упрашивать
ейӳ	жэелӳ	разлив
йĕс	йиз	белая жесть
йăмран	яымран	суслик и др.

[1] Закономерной чувашской формой тюркск. *йомшак* является *ҫемҫе.*

Отличительной чертой другой, довольно большой группы заимствованных слов является тоже наличие звука *а* в первом слоге, но уже в словах, начинающихся не с *й*, а с любого звука. Звук *а* указывает на то, что слова эти переходили в чувашский язык много позднее, а именно по завершении здесь фонетического процесса перехода *а* первого слога в *у* (в низовом) и *о* (в верховом).

чув.	тат.	серьга
алка	алка	лебедь
акăш, аккăш	аккош	(ак — белый кош — птица)
аташ	адаш	тезка
каптăрма	каптырма	крючок
кантăк, карăнтăк	карындык	окно, перепонка
капкăн, капкан	капкан	западня, ловушка
карчăк	карчык	старуха
мамăк	мамык	пух, вата
сарă	сары	желтый
талак	талак	селезенка
хапха	капка	ворота и т. д.

Необходимо, однако, оговориться, что не всякое чувашское слово с звуком *а* в первом слоге является заимствованным. Звук *а* мог развиться здесь и закономерным образом из древних *ă, е, и* путем передвижения переднеязычной артикуляции назад. И таких природных слов в чувашском языке довольно много. Например:

арçын ар	тюрк.	ир, эр	муж, мужчина
ак	»	ик, эк	сеять
ан	»	эн	спуститься
ансăр	»	инсез	узкий
арлан	»	эрлэн	хомяк
алăк	тат.	ишек	дверь
тарçă	»	тэрчи	наемный рабочий
каçар	»	кичер, ткм. гечир	простить
канаш	»	кинеш	совет
пар	»	бир., гур. вер	дать
самăр	»	симез, тур. семиз	жирный, тучный
сак	»	сэкэ	нары
сар	тур.	сер	стлать, растянуть
çар	кирг.	чăрик	войско
тапран	»	тибрăн, тибрен	сдвинуться с места
тар	»	тэр	пот
тарăн	»	тирэн	глубокий
чарак	»	терэк	подпорка и т. д.

К этой же группе нужно отнести слова, произносившиеся часто или выразительно, с большой экспрессией, с повышенной эмоциональностью: *атте* — отец, *анне* — мать, *аппа* (акка) — старшая сестра, *кашкăр* — волк, *ай* — низ, *аван* — хороший, *таса* — чистый, *аслă* (араб.) — старший, *такăр* — гладкий (тактакăр), *шап-шар* — белый-пребелый, *чарр* и др.[1]

Пятую группу заимствованных татарских слов составляют слова со звуком *с* и где это *с* является заместителем родного, исконно чувашского языка *р*. Например: *тăкăс* вместо закономерной и параллельно существующей формы *тăвăр* — тесный; *тинĕс* вместо древней формы *тенгер,* в последней форме слово это еще в булгарскую эпоху чувашского языка перешло в мадьярский язык *tenger*; *Хусан* вместо Хуран — г. Казань; *тикĕс*— гладкий; *йĕс* — белая жесть и др. Сюда же можно отнести чувашские слова, общие с татарскими: *сукта* — колбаса из крови, *сукмак* — тропинка, *чечек* — (ср. чув. çеçке) — цветок, *кисеп*— пест (татар. кислап — килĕ сабы): *киле* — ступа, *сап* — рукоятка (черен) и т. д.

Кроме того, несколько татарских слов, составляющих позднейшее заимствование, имеется в низовом наречии чувашского языка, в районах непосредственного соприкосновения чувашей с татарами. Напр.: *куймак* (тат. коймак) — у верховых *пĕлĕм* и *икерч* — блины (оладьи), *яш, йĕкĕт,* у верховых *каччă* — парень, жених, *явлăк,* у верховых *тутăр* и *тоттăр* — платок.

Татарские слова в чувашском языке уже давно приобрели право гражданства. Они ничем не выделяются от природных слов и нисколько не чувствуются чужими словами, проникшими сюда путем заимствования. При употреблении этих слов чуваши вполне уверены, что они имеют дело с природными исконно чувашскими словами.

Арабские и персидские заимствования в чувашском языке. Кроме татарских слов, в словарном составе чувашского языка имеется значительное число слов, заимствованных из арабского и персидского языков. Преобладающее большинство этих слов, по-видимому, проникло сюда еще в древнейшее время — в булгарскую эпоху, когда многие арабские и персидские купцы, вследствие оживленных торговых отношений, постоянно жили в г. Булгарах. Арабская культура высоко ценилась в булгарском царстве. Критерием древности этих заимствований отчасти является наличие в первом слоге слова звуков *ы* и *у* вместо арабско-персидского *а*. Безусловно древними заимствованиями нужно считать, например, арабские слова: *мыскара, хысна, хырăç, хыпар, мул, мухмăр, ухмах* и др.; персидские: *пурçăн, пус, сур-*

[1] Вообще наличие в первом слоге чувашских слов звука *а* или *й* не всегда является критерием бесспорности заимствования данного слова из татарского языка. Вопрос этот нуждается в более углубленном исследовании.

пан, тус, чӳрече, чун, хуҫа и др. Иные ученые в качестве такого критерия указывают еще на сохранение в чувашских заимствованиях из арабского языка звука *х* и отсутствие его в соответствующих татарских заимствованиях, но критерий этот является не совсем устойчивым и надежным. Как в чувашском языке, так и в тюркских арабские слова в одних случаях удерживают этот звук, в других — нет. Ср., напр., чувашское *харам* и татарское *арам*, диалектически *харам* же, чув. *айван* и тат. *хайван* и т. д.

Часть персидских слов булгары-сувазы заимствовали, по-видимому, еще тогда, когда они были в составе гуннской державы в Средней Азии и находились в соседстве с ираноязычными племенами (см. выше стр. 7). Слова последней категории характеризуются в чувашском языке главным образом наличием звука *а* в начальном слоге. К позднейшим заимствованиям относятся, вероятно, слова араб.: *айăп, асап, самана, пайта, намăс, ахах* и др.; персид.: *ампар, пахча, пасар, патша, тараса, тастар, чатăр, ансат, начар, таса* и др. Вообще, точная хронологизация арабско-персидских заимствований в чувашском языке представляется делом нелегким, она может быть исполнена в специальной работе, а потому мы здесь ограничимся только перечислением в алфавитном порядке некоторых более употребительных в чувашском языке арабских и персидских слов. За неимением соответствующего шрифта арабские слова, к которым восходят чувашские заимствования, не приводятся.

Арабские слова в чувашском языке: *авал*—некогда, в старину, *айван* — наивный, глупый, *айăп* — вина, поступок, *алка* — серьги, *асап* — мучение, страдание, бедствие, *асамҫă* — колдун, *аслă* — старший, *ахăр самана* — конец света, *ахах* — сердолик, *ăс-хакăл* — ум, умственные способности, *вăхăт* — время, *ӗмӗр* — век, жизнь, *кавăс* — теплое помещение для водяного колеса на мельнице, *калăп* — форма, колодка, *капăр* — нарядный, *лайăх* — хороший, *мухмăр* — похмелье, *масар* — кладбище, *мерчен* — коралл, бисер, *меслет* — средство, способ, сноровка, *мӗскӗн* — жалкий, бедный, *мул* — скот, имущество, *мыскал* — золотник, *мыскара* — насмешка, забава, шутка, *намăс* — стыд, совесть, *несӗл*—род, потомство, *нехек* — напраслина, пустяк, *пайта*—польза, прибыль, *перекет* — изобилие, благополучие, *пехиль* — благословение, *пӳс* — коленкор, бязь, *пӳсӗр* — грыжа, *самана* — время, эпоха, *салам* — привет, приветствие, *сапăр* — тихий, смирный, *сăвап* — милость, награда за доброе дело, *сăн-сăпат* — наружность, физиономия, *сехет* — час, часы, *сунтал* — наковальня, *сунтăх* — ящик стола, *тамаша* — диковина, переполох, *телей* — счастье, *техӗм*—вкус пищи, *терт*—страдание, мучение, несчастье, *тивлет* — благодать, *тирпей*—благоустройство, *тӗн* — вера, религия, *тӗнче* — мир, вселенная, *тупа* — клятва, *тупăк* — гроб, *хал* — состояние, здоровье, сила, *халăх* — народ, *халӗ* — теперь, *хăват* — сила, могущество, *хула* — город, крепость, *хут*—бумага, *хавал* — сила, энергия, *хавас* — радость, веселье, *хайла* — хитрость, уловка, *харам*—бесполезный, *халат* — поддевка, *хак* — цена, *хатӗр* — готовый, *хыпар* — весть, известие, *хырҫă*—подать, поземельный налог, *хисеп* — счет, почет, *шар* — беда, несчастье, *шербет* — сладкий напиток, *шантал* — подсвечник от *шам* — свеча, *шик* — сомнение, *шуйттан* — дьявол, *элек* — клевета, ябеда, *эрех* — водка, *эсрел* — дух смерти, *этем* — человек и т. д.

Персидские слова в чувашском языке: *асамат кӗперӗ* — радуга, перс. *äзäмäт* величие, великолепие, *äзим* — огромный, великий, *аҫтаха* дракон, сказочное чудовище в виде крылатого огнедышащего змея; перс. *эждеһа* дракон, восходит к древнеперс., в Авесте: *ажидаһака: ажи* — змей, *дахак* кусающий (Будагов 1, 38), *ăста* мастер, специалист; перс. *остад* 1. профессор, мастер; 2. искусный; *еткер* 1. имущество; 2. наследство: перс. *йадгар* сувенир, вещи, подаренные на память; *ӗмӗт* надежда, перс. *омид* то же, *йӗтес* дужка, изогнутая грудная кость у курицы; *йӗтес хуҫ* ломать дужку—вид особой игры на память, *йӗтӗн* лён, перс. *кэтан* то же, *кахал* лень, лентяй, лодырь, ленивый, перс. *каһел* медлительность, неповоротливость, нерадивость, лень; *кӗренке, кӗрепенкке* фунт, перс. *гирванке* то же, *кӗсъе* карман, *кисе* кошель, мошна, мешок, *кӳкӗрт* сера, *гугӑрд* то же, *кашăк* ложка, перс. *гашог* то же; *нараста* 1. невинность, невинный; 2. грудной ребенок, кроткое существо; *нарастаран* без причины, несправедливо, неправильно; перс. *нарäс* и *на-рäсиде*—незрелый, неспелый: *на*—отрицание не, *раст* — прямой, правый, верный, правильный, правда; *нараст* несправедливый, неправильный; *наркăмăш* мышьяк, яд, перс. *мäргмуш* букв. смерть мышей; *начар* плохой, дрянной, бедный, перс. *начар* находящийся в безвыходном положении, беспомощный: *на* — не, *чаре* средство, способ помочь, пособие; *нахак, нехек* 1. напраслина; напрасный, несправедливый; 2. клевета, обида; *нехекрен, нахакран* напрасно, без вины, без причины, незаслуженно, перс. *на* — не; *һärr* — истина, правда, *нурăс: нурăс уйăхĕ* март месяц, перс. *ноуруз: ноу* — новый, *руз* — день, первый день иранского нового года (день весеннего равноденствия — 22 марта). С марта начинали год не только иранские народы (персы, таджики, осетины и др.), но и евреи, греки, римляне и русские до 1492 г.; *палас* половик, постилка на полу, перс. *палас* — грубый шерстяной ковер без ворса; *пархатар* 1. благополучие, добро; 2. польза; *пархатарлă* — благодарный, перс. *бар-ходар* пользущийся, извлекающий пользу; *патша* царь; перс. *падешах: пад*—трон, могущество; *шах* — царь, монарх, король; *паха* ценный, дорогой, перс. *баһа* — цена, стоимость; *пахча* сад, перс. *багче*—садик, палисадник; *баг* — сад; ср. диал. *пах улми* садовое яблоко; *пехет* счастье, благополучие: *бахт* — судьба, счастье, доля; *пĕҫĕ* — бедро, ляжка, перс. *паче*—ножка, *пус* — копейка; перс. *пуст* — кожа, шкура (они в старину служили денежной единицей); *пысăк* большой от *бозорг*—боль-

шой, великий, старший; *сăн, сăн-сăпат* облик, образ, лицо, черты лица, перс. *сан* 1. образ; 2. подобие, сходство; *сăрнай* старинный музыкальный инструмент, приготовленный из цельной свиной кожи, снятой без разреза от *сур* пир, *най* флейта; *сăнчăр* цепь, перс. *занджир* цепь, оковы; *сенкер* синий, голубой, перс. *зăнгари* и *зангар ярь* медянка; *сехре: манăн сехре хăпрĕ* я сильно испугался, перс. *захре* желчь, желчный пузырь; *сиен* вред, изъян, ущерб, перс. *зайан* то же; *сулă* плот перс. *сал* плот, паром, судно; *сурпан* головная повязка замужних женщин, перс. *сур* голова, бант, повязка; *çупах* лещ, перс. *чапаг* то же; *тараса* весы рычажные, перс. *тăразу* то же; *тастар* (уст.) женская головная повязка, перс. *дастар* чалма, тюрбан, платок; *тăхăм* потомство, племя, род; перс. *тохм* семя, яйцо, *тăшман* враг, неприятель, противник, перс. *дожмăн* то же; *терт* страдание, мучение, несчастье, перс. *дăрт* боль, недуг, болезнь, страдание, мука, мучение; *тĕрĕс* правильный верный, перс. *дорост* то же; *тус* друг, приятель, возлюбленный, перс. *дуст* то же; *тӳшек* перина, перс. *дошăк* и *душăк* матрац, тюфяк, постель; *уртăш* можжевельник, перс. *ăрдăдж* то же; *хăяр* огурец, перс. *хияр* то же; *хур* обида, поношение, позор, перс. *хари* позор, унижение, презрение; *хуçа* хозяин, владелец, купец, перс. *хадже* глава, начальство; *чаршав* занавес, драпировка; перс. *чадоршаб* покрывало, простыня, *чатăр* палатка, шатер, перс. чадор то же, *чечче, чечек* оспа, перс. *чичак* то же; *чĕрĕк* четверть, одна четвертая часть, перс. *чаһар йек* то же; *чӳрече* окно, перс. *дăриче* то же, буквально маленькая дверь, *чун* душа, перс. *джан* душа, дух, жизнь; *шăрттан, шăртан* бараний рубец, начиненный мясом и зажаренный, перс. *ширдан* то же; *шухă* бойкий, резвый, шаловливый, перс. *шух* балагур, живой, веселый, шутливый, смелый; *чĕкĕнтĕр* свекла, перс. *чогондăр* то же; *чуху* донос, перс. *чогол* доносчик, сплетник, интриган, перс. *чоголи* сплетня, выдумка, злословие за спиной; *шӳрпе* похлебка, суп, бульон, перс. *шурба* похлебка; *эреш* 1. украшение; 2. вид, форма; перс. *арайш* украшение; *эрне* 1. неделя; 2. пятница; перс. *адине* пятница; *эхер* если; перс. *ăгăр* то же; *янавар* бессловесное животное, жалкое скудоумное создание (выражение жалости к животному), преимущественно к лошади; перс. *джанвăр* животное, зверь, буквально имеющий душу.

Арабские, персидские слова, как и татарские, в чувашском языке нисколько не чувствуются чужими словами, так как давно стали полным достоянием чувашского языка наравне с природными словами. Их иноязычное происхождение можно обнаружить только путем тщательных и кропотливых лингвистических разысканий.

Перечисленные арабские и персидские слова до сего времени значатся в основном словарном фонде чувашского языка, за исключением слов арабских: *эсрел, кавăс, мыскал, несĕл, лайта,*

шантал и персидских: *нурăс уйăхĕ* и *сăрнай,* которые в настоящее время перешли в пассивный запас слов.

Монгольские слова в чувашском языке. В чувашском языке наряду с тюркскими и арабско-персидскими заимствованиями имеются также в незначительном числе монгольские слова. Наличие монгольских слов здесь вполне объяснимо. Большая часть этих слов, вероятно, заимствована была еще сувазами-чувашами тогда, когда булгарские и монгольские племена входили в состав державы гуннов (см. выше, стр. 7). Не исключена, конечно, возможность появления их в более поздние исторические времена— в период завоевательной экспансии монголов при Чингис-хане и его преемниках, когда они покорили себе почти все тюркские народы и сами в большей своей массе отуречились. Возможно, что в силу общественно-политических, культурно-исторических и экономических связей между тюркоязычными и монголоязычными народами одни из этих слов проникали в тюркские языки из монгольского, а другие, наоборот, из тюркских языков в монгольские. Дать строго определенный ответ на данный вопрос, сказать о каждом отдельном слове, монгольского или тюркского оно происхождения, представляется весьма затруднительным, тем более что нет новейшей специальной монографии по вопросу о взаимоотношениях между монгольскими и тюркскими языками. В свое время проф. Н. Ф. Катанов несколько преувеличивал значение монгольского элемента в тюркских языках. Например, многим тюркским словам, как *окча* — лук (со стрелами), *ăлбăк* — обилие, обильный, *улаг* — подвода, *сылдак*—отговорка, *кӳрен* — гнедой, *чăвăр* — аккуратный, опрятный, *туза, туша* — спутывать, надевать путы и др. приписывал монгольское происхождение [1]. Проф. же Б. Я. Владимирцов, наоборот, несколько умалял влияние монгольского языка и монгольской культуры на тюрков и тюркские языки и многие монгольские слова склонен был считать тюркскими. По его мнению, морфологическое строение и семасиологический анализ общих в этих языках слов подтверждает, что «языковой мир тюрков влиял на языковой мир монголов», что «в тюркских языках заимствования из монгольского менее значительны и спорадичны» [2].

Вследствие неразработанности вопроса о монгольских заимствованиях в чувашском языке мы вынуждены изложить его несколько упрощенно. Слова, общие у чувашского языка с монгольскими, мы делим на две группы. В одну группу относим слова, наличествующие и в монгольском, и в чувашском, и в тюркских языках и относительно которых нельзя уверенно сказать, являются ли они словами исконно монгольскими или искон-

[1] Опыт исследования урянхайского языка. 1903 г.

[2] Турецкие элементы в монгольском языке. Зап. Восточного отд. русского Археол. общ., т. XX, вв. II—III, стр. 153—184.

но тюркскими. В другую группу относим слова, которые более близки по фонетическому облику и значению к чувашским, чем тюркским, где они или совсем отсутствуют или выступают в иной фонетической разновидности и в ином значении.

К первой группе монгольских слов в чувашском языке можно отнести слова:

чув.	*монг.*	*турецк.*	*рус.*
урпа	арбай	арпа	ячмень
пăрçа	бурцаг	борчак	горох
пăтă	будаа	бутка	каша, крупа
вăрă	уре	урук, орлык	семя, зерно
пыл	бал	бал	мед
мул	мал	мал	скот, имущество
ар	эре	эр, ир	муж
паттăр	багатур баатар	алт. паатыр, кирг. паатыр и тур. багадыр	богатырь
хун	хан	хан	хан
хурал	хурал	тркм. каравыл, баш. карауыл	стража
анчăк—щенок	ан(г)	ан(г)	зверь
пуян	баян	бай	богатый
нăхта	ногт, нохта	нокта, нокто	недоуздок
чĕлпĕр	цолбогур (Подгорб.)	кирг. чылбыр	повод у узды
ĕне	ӳне	инек, нек	корова
путене	бӳтнэ	ойр. бӧдӳне	перепелка
чăхă	тахиа, манчж. чоко	таук	курица
тимĕр	тĕмр, тĕмӳр	темир	железо
тусан	тогосун, тозун,	тос, тозан	пыль
йĕке	ийг	иг	веретено
çăк	чӳк	юк	вьюк, груз [1]
хăйра	хайрга	кайрак	точильный камень и т. д.

Таких общих слов в этих языках можно насчитать сотни, и все они, по-видимому, древнего происхождения.

Другую группу монгольских слов в чувашском языке составляют слова, которые или совсем отсутствуют в тюркских языках, или они здесь имеют иную фонетическую окраску и иную семантику, чем в чувашском и монгольском языках. Слова эти ясно

[1] Слово это встречается и в индоевропейских языках, ср. санскр. yugam, др. греч. ζυγόν, латинск. jugum, литовск. jungas, готск. juk, нем. Joch, англ. yoke, ст.-сл. иго, русск. вьюк.

свидетельствуют о древней культурной связи чувашей с монголами в период совместного пребывания их в составе гуннской державы.

чувашские	*монгольские*	*тюркские*
тырă	тариа(н)—хлеба в зерне и на корню	тары — просо
тулă—пшеница	талх—печеный хлеб, мука	
икерчĕ	акарча—лепешка, оладья	
турăх	тараг, тарак—кислое молоко, простокваша	
нар (нар пек хитре)	нар, наран — солнце	
кĕрнекер (кĕрӳ, нӳккĕрĕ)	нӧкӳр, нӳхӳр—друг, товарищ	
ача—ребенок	ач — внук, племянник	
пилĕк	бэлхӳӳг — поясница, талия	тат. бил
йĕкĕр	ихир — парный, близнецы,	тат. игез, тркм. экиз
сăмса — нос	самс—носовой хрящ, ноздря	
ăмра, ăмăр	омру — грудь лошади	казах. омырау
тиха—жеребенок	бур. даган, тахае—двухлетн. жеребенок	М. Кашг. тай
пăру	бирагу, буру — теленок	бузагу
нюха детск.	нохой, нокай — собака	
хӳтĕ	бур. гхӳдер — тень	
тутăр	бур. татурган—головн. убор женщин из кораллов (Подгорб.).	
чул	чулу, чолу — камень	таш
тăхлан	тугалга(н)—олово, свинец	тур. куршун
хура тăхлан	хар тугалга свинец	
хăйăр	хайр, бур.—монг. хаир шулун — песчаник	кумык. кайыр
пĕчĕк, пĕчĕккĕ	бичихан — маленький	
хавшак	хавшгай—проворный, быстрый, расторопный	
пĕтĕ	бур.-монг. бот — жеребая, стельная	кирг. бооз, тат. бауз
çыр—писать	зурах—рисовать, чертить	тат. яз—писать
кала	келе — говорить	М. Кашг. калачу разговор
сăлтав	шалтаг — предлог, повод	уйг. сылтав
какай—мясо	гагай — свинья	
хурав	хариу(н), манч. каригу — ответ	тув. харыы
юмçă	кам — жрец, кудесник	М. Кашг. кам—шаман и т. д.

В чувашско-монгольских параллелях несколько загадочным является прежде всего явление ротацизма, а именно то, что в чувашских и монгольских словах выступает звук *р* там, где в других тюркских языках мы имеем звук *з:*

пăру	бирагу, буру	бузагу	телка
вăкăр	ӳкер, ӳхэр	ӳгез	бык
çыр	зиру	яз	чертить, писать
чул	чулуу	таш	камень и т. д.

Странное впечатление производит также совпадение в чувашском и монгольском языках многих слов и в звуковом составе и в значении. Трудно допустить, чтобы общеупотребительные слова *сăмса, хурал, пĕтĕ, кала* и др. чуваши впервые восприняли от монголов в период монгольского владычества. Вероятнее всего они заимствовали их еще тогда, когда предки чувашей вместе с монголами в составе гуннской державы находились в верховьях Енисея.

Восточнофинские заимствования в чувашском языке. Чуваши с давних пор жили в ближайшем соседстве с восточнофинскими народностями. По-видимому, большее культурное влияние на соседей оказывали чуваши, а потому в финских языках наблюдается много чувашских заимствований, некоторые из них восходят к булгарской эпохе. В марийском языке, например, насчитывается более 1 000 чувашских слов, в пермских языках, т. е. в удмуртском и в языке коми — свыше 200 слов [1], а в мордовском не более двух-трех десятков. Марийцы и удмурты в древнее время, по всей вероятности, входили в состав булгарского государства и позднее жили в соседстве с чувашами, а мордва только частично подпадала под власть булгар, жила независимой политической жизнью. Чувашский язык, в течение многих веков являвшийся источником словарного обогащения восточнофинских языков, и сам не остался вне влияния последних. Влияние соседних финских языков, хотя и незначительное, сказалось отчасти и на чувашском языке. В результате многовековой совместной исторической жизни из разных финских языков проникло сюда несколько десятков слов. Критерием финского происхождения данного чувашского слова является отсутствие его в других тюркских языках и наличие в финских, а иногда и в угорских языках — в мансийском (вогульском), хантыйском (остяцком) и мадьярском (венгерском). В числе восточнофинских заимствований в чувашском языке имеются преимущественно слова марийские и удмуртские и только частично мордовские.

Марийские слова в чувашском языке. Исследованием чувашских заимствований из марийского языка и марийских из чувашского занимался финский ученый Рясянен (Räsänen). Он во

[1] См. Введение в изучение чувашского языка, стр. 80—89.

время двухлетнего пребывания в Казанском университете (1915—1917 гг.) собрал среди чуваш и марийцев обширный языковой материал, обработал его и в 1920 году опубликовал в Хельсинки в виде большой монографии Die tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen. XVI+276 [1]. Он отмечает в чувашском языке свыше 50 слов, бесспорно, по его мнению, заимствованных из марийского языка, и свыше 50 общих в этих языках слов. Из указанных Рясяненом марийских слов в чувашском языке с некоторой вероятностью можно принять следующие:

вăй, мар. *вий* сила, мощь
вушар, мар. *вожар* свилеватое дерево
ерĕç, мар. *ярсаш* — иметь досуг, быть свободным от занятий, от мар. *яра* — свободный, незанятый, пустой
каччă, мар. *каче* парень, жених
кăткă, мар. *кутко,* удм. *кут* — муравей
лапра, мар. *лапра* грязь
лăпкă, мар. *лыпке* смирно, спокойно
лĕкĕ, мар. *лыгы* — перхоть
лĕпке, мар. *лэп, лэпкă* — лоб, темя
лутра, мар. *ладра* — низенький, приземистый
мĕлкĕ, мар. *ӱмӱлькя, ӱмыл* — тень
нӳр, нӳрлен, мар. *нӧрӧ, нӧреш* — сырость, сыреть
пакар, пакарта, мар. *пагар* — зоб, желудок
пӳрт, мар. *пӧрт* — изба, фин. pirtti — курная изба, баня и др.

В финские языки это слово проникло из литовского языка, где pirtis — баня, perti — мыть кого-нибудь, хлестать веником, от корня, означающего пар. (Ср. Веске. Славяно-финские культурные отношения по данным языка. Казань, 1890, стр. 215—216).

сӳсмен — хомут, мар. *сӱспан* — деревянные части хомута
шанкă: вут-шанкă, тип-шанкă — дрова в собирательном смысле, сухой хворост, сушняк, лотушник, мар. пушенге, фин. sänki дерево
янкар — гнилой, мар. *йангар* гнилой, хрупкий
турпас — щепка, мар. *тарваш* — щепка, щепать
кутам, кутан — голавль, мар. *кодама* — голец, пескарь
вача — рыболовная снасть, сплетенная из лучин, мар. *вася,* мадьяр. veisze
йĕлтĕр — лыжи, мар. *йал* — нога, *тэр* — сани, следовательно, йĕлтĕр — ножные сани
шултра мар. *шалдра, шолдра* крупный и др.

Удмуртские слова в чувашском языке. Финский ученый Вихман (Wichmann) в своем исследовании Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen указывает следующие удмуртские заимствования в чувашском языке:

пĕрне — кузов, удм. *бырньё* — мельничный ковш, в яз. коми *бурня* — большой круглый сосуд для зерна, фин. purnu

[1] Mémoires de la Société Finno-Ougrienne XLVIII.

кӗтмел — клюква, брусника, удм. *кудмульы* — черника (*куд* — болото, *мульы*—ягода), букв. болотная ягода

пӑши—лось, удм. *пужей*

лап вырӑн — низменное место, *лаптак* — плоский, *лапчӑк* — приплюснутый, *лапчӑк* — присесть на корточки, удмурт. *лап, иньты, лабзьыны,* коми *льапкыд,* мар. *лап, лапка,* хант. *лапсах,* морд. *лапш* то же

пукан — стул, удм. *пукон,* от удм. *пук* — сидеть, коми — *пукан,* мар. *пӱкен* — стул, *мадьяр.* fekünni — лежать, спать

чӗкеҫ — ласточка, удм. *чегек* — трясогузка, коми — *чикись* и *чикышь,* мар. *цегӓк* и *чогас.*

Препозитивная отрицательная частица *ан* при глаголах повелительной формы: чув. *ан кала,* удмурт, *эн вера* — не говори, чув. *ан ҫӳре,* коми *эн мун* — не ходи, чув. *ан ҫыр,* коми *эн гиже* — не пиши и т. д.

Аффикс соединительного деепричастия -са(-се) *каласа пар*— расскажи, *илсе кил* — принеси; в других тюркских языках в данном случае мы имеем аффикс -ып(-ип): *язып, гӧрӱп.* Другого мнения И. П. Павлов (Автореферат о дееприч.)

Такое незначительное число финских заимствований в чувашском языке объясняется тем, что чуваши в культурном отношении всегда стояли несколько выше восточнофинских народностей, что признается и самими финскими учеными (ср. Wichmann op. cit. p. 147).

Многие общие в чувашском и восточнофинских языках, слова, по нашему мнению, объясняются тем, что булгары-сувазы на Волге заняли территорию в соседстве с восточнофинскими племенами, преимущественно с марийцами и удмуртами, частично и вытеснив их со своих мест. Весьма возможно, что у них потом начались и взаимные браки. Отсюда становится понятным появление термина «суасла мари», т. е. марийцы на сувазский (чувашский) лад.

Кроме того, отдельные случаи скрещения чуваш с марийцами, имевшие место в более поздние времена, также немало способствовали распространению финских слов в чувашской среде.

Русские заимствования в чувашском языке. Русские, первоначально восточнославянские, слова спорадически начинают проникать в чувашский язык очень рано — с VIII—X веков; ср. *кӑмпа∠губа, кӗнчеле∠кудель:* вместо *у* до X в. здесь стоял юс большой = он.

Влияние передовой русской культуры на чувашей начинается главным образом с XVI века, со времени присоединения Казанского края к Русскому государству. Указанное событие сопровождалось усилением русского элемента в крае и приобщением народностей Поволжья к русской государственности и русской культуре. Вследствие этого чувашам приходилось вступать в непосредственное сношение с русскими, результатом чего

явился неизбежный наплыв русских слов в чувашскую речь. В первое время заимствования ограничивались больше словами из круга административного управления и хозяйственно-экономических отношений, а затем, по обращении чувашей в христианство, стали проникать к ним и слова для обозначения новых понятий, связанных с христианской религией и богослужением. Чем дальше, тем сильнее сказывалось влияние русской культуры и русского языка на развитие материальной и духовной культуры чувашей.

В чувашских заимствованиях из русского языка можно различать несколько слоев. Более древний слой — это слова, проникшие сюда с древнейших времен до эпохи реформ — до 60—70-х годов XIX столетия, т. е. до открытия земских школ и появления у чувашей своей письменности; второй слой — это слова, переходившие в чувашский язык в период времени от 70-х годов до Великой Октябрьской социалистической революции, и последний слой — это слова, которыми обогатилась и обогащается чувашская речь со времени Октябрьской социалистической революции.

В первом периоде перенято и усвоено было чувашами сравнительно небольшое количество русских слов. При этом последние подвергались значительным фонетическим изменениям, приспособляясь к артикуляционным особенностям чувашского языка, напр.: счетчик, сборщик — *шушчӑк,* церковь — *чиркӳ* и *чирӗк,* стекло, скляница — *кӗленче,* гостинец, — *кучченеҫ,* дробь — *йӗтре* (ср. ядро), пищаль — *пӑшал,* фонарь — *хунар,* грабли — *кӗрепле,* Федор — *Хӗветӗр,* Степанида — *Сӑпани, Сӑпалюк, Ҫӑпук,* крупа — *кӗрпе,* тесто — *чуста,* улица — *уличе, униче,* околица — *укӑлча,* гривенка—*кӗрепенкке* (фунт), *улей — вӗлле* и т. д.

До революции чувашами освоено приблизительно до 400—500 русских слов. Слова эти можно распределить по следующим рубрикам:

I. Административное управление и суд. II. Военное дело. III. Церковь и все связанное с исповеданием христианской религии. По этим трем разделам до революции в чувашский язык проникло около ста слов, но поскольку теперь все они вышли из употребления, то нет необходимости перечислять их. Интересующихся отсылаем к нашей работе «Введение в изучение чувашского языка». 1930, стр. 74—79. Из третьего раздела в настоящее время продолжают бытовать только имена: *Марье* — Мария, *Тавье* — Дария, *Ванюк* — Ваня, *Ваҫук* — Вася, *Микула* — Николай, *Михаля* — Михаил, *Кӗркури* — Григорий, *Епхин* — Ефим, *Кӗҫтеккки, Кӗҫтюк* — Константин, *Пухвир* — Порфирий, *Укахъе* — Агафья и т. д.

IV. Дом, надворные постройки, домашняя утварь, посуда и пр.: *кӗлет*—клеть, *ҫенӗк* — сени, *крыл*

ца — крыльцо, *чăлан* — чулан, *карнис* — карниз, *мачча* — потолок, ср. матица, *пĕрене* — бревно, *тĕренче* — дранница, *чус* — тес, *кирпĕч* — кирпич, *мăк* — мох, *петле* — петля, *кĕленче* — склянница, стекло, *рама, путмар* — нары, ср. поднарье, *скамье*— скамья, *шкап* — шкаф, *вилка, сĕтел* — стол, *тăрпа*—труба, *лӳшке* — вьюшка, *ухват* — ухват, *витре* — ведро, *чукун* — чугун, *кăкшăм* — кувшин, *чашăк, чашкă* — чашка, *стакан, сăмавар* — самовар, *лампа, краççын* — керосин, *тепке* — тяпка, *михĕ* — мешок, ср. мех, *пичке* — бочка, *катка* — кадка, *шан* — чан, *плашка* — плошка, *лаххан* — лохань, *лара* — ларь, *ещĕк* — ящик, *саступ* — заступ, *лум* — лом, *хунар* — фонарь, *тăрантас* — тарантас, *шин* — шина, *сертешке* — сердечник, *тикĕт* — деготь, *мунчала* — мочало и т. д.

V. Одежда, обувь и головные уборы: *пальто, шаровар* — шаровары, *куртка* — куртка, *пиншак* — пиджак, *брюки, шапка, картуз, шĕлепке* — шляпа, *шаль тутри* — шаль, *калуш* — калоши, *шарăх* — шарф, *чăлха* — чулок и др.

VI. Животный мир: *кушак* — кошка, *шапа* — лягушка, ср. жаба, *сайкка* — кролик, ср. зайка.

VII. Сельское хозяйство: *ĕскĕрт*—скирда, *сурат* — зарод, *суха* — соха, *плуг, кусиле* — косуля, *курпушка* — горбуша, небольшая коса с искривленным лезвием, *кĕрепле* — грабли, *наçилкке* — носилки, *саступ* — заступ, *авăн* — овин, *ыраш* — рожь, *уçăм* — озимь, *слива* и др.

VIII. Пища и напитки: *апат* — обед, *шаркку* — жаркое, *кĕрпе* — крупа, *кĕсел* — кисель, *кулач* — калач, *кĕленчĕр* — крендель, *сушкă* — сушки, *пĕремĕк* — пряник, *пĕлĕм* — блин, *чуста* — тесто, *купăста* — капуста, *кучан* — кочерыжка, ср. кочан, *салат* — солод, *ăсла* — сусло, *кулавка* — опара для пива, ср. кулага, *кăвас* — квас, *сахăр* — сахар, *спирт, канхвет* — конфета и др.

IX. Лечебное дело: *пульница*—больница, *тухтăр*—доктор, *хвершăл* — фельдшер, *лекĕр* — лекарь, акушерка, *трахом*— трахома, *халер* — холера, *мур* — мор, *эпидеми* — эпидемия, *хина* — хинин, *йод, рецепт, порошок* и др.

X. Торговля, товары, деньги: *ярмăркка*—ярмарка, *магазин, лавкка* — лавка, *кире* — весы, *пăт* — пуд, *пăтавкка*— пудовка, *кĕрепенкке* — фунт, ср. гривенка, *пухут* — поход (небольшой излишек в весе), *клеме* — клеймо, *пустав* — сукно, ср. старинное постав, *çитсă* — ситец, *сатин, прикащăк* — приказчик, *калашник* — калачник, *чулавальник* — целовальник, *париш* — барыш, *расхут* — расход и др.

XI. Школа: *шкул* — школа, *класс, парта, кĕнеке* — книга, *тетрадь, линейка, доска, тряпка, карттă*—карта, *шут*—*счеты, ручка, перо, кăранташ, грифель, чернил, сумка, картина, задача, резинка, учитель, учительница, инспектор, экзамен, свидетельство, басня, урок* и др.

XII. Средства передвижения: *карап* — корабль, *пăрахут* — пароход, *парăш* — баржа, *паром, лутка* — лодка, *парăс* — парус, *капитан, матрос, якăр* — якорь, *пристань, пуйăс* — поезд, *вакун* — вагон, *пăравус* — паровоз, *ваксал* — вокзал, *станци* — станция, *кондуктор, трамвай* и др.

XIII. Народности города и селения: *нимĕç* — немец, *хрантсус* — француз, *акăлчан* — англичанин, *поляк, туркă* — турок, *чыкан* — цыган, *майра* — русская женщина, ср. Мария, *Мускав* — Москва, *Питĕр* — Петербург, *Етĕрне* — Ядрин и др.

XIV. Семья и родство: *çемье* — семья, *старик* — старик, *ратне* — родня, *кум, кума, мăнук* — внук и т. д.

XV. Слова, не вошедшие в другие разделы: *платник* — плотник, *маçтăр* — мастер, *ĕрет* — ряд, *черет* — очередь, *пушар* — пожар, *насус* — насос, *чис* — честь, *числа* — число, *шел* — жаль, *тулăк* — толк, *пушшех* — пуще, *вуçех* — вовсе, *хитре* — красивый, ср. хитрый, *шухăль*—щеголь, *кашни* — каждый, *кăтра* — кудрявый, *самай* — самый, *путлĕ* — путный, путевый, *путишле* — потешный и т. д.

Проникновению русских слов в чувашский язык в дореволюционное время способствовали главным образом следующие обстоятельства. Первоначально русские слова в значительном количестве проникали сюда через административный аппарат, суд, церковь, а также в результате участия большого числа чувашей в русских войсках, например, в отрядах Минина и Пожарского в период борьбы против польских интервентов в начале XVII в., в Отечественной войне 1812 года, в Крымской кампании 1854—55 гг., в турецкой войне 1877—79 гг., в японской войне 1904 г. и др.

Не могло не отразиться на чувашском языке также массовое участие чувашей в революционных движениях русского крестьянства под предводительством Болотникова и Булавина, Степана Разина и Емельяна Пугачева. Широкое привлечение чувашского населения к разного рода работам общественного и государственного характера, как рубка и вывозка корабельного леса для строительства русского флота (так называемая «лашманная работа», «лашманная повинность» при Петре I), посылка чувашей на уральские горные заводы Строгановых, на солеварные заводы, на строительство Астрахани и Петергофа — все это не могло не способствовать проникновению русских слов в чувашский язык. Сюда нужно прибавить также рекрутские наборы и военную службу, продолжавшуюся до эпохи реформ 60-х гг. XIX в. 20—30 лет, а позднее 5—6 годов.

В XVII, XVIII и 1-й половине XIX в. ежегодно тысячи бурла-

ков из чувашей бок о бок с русскими тянули баржи по Волге и Суре.

Из-за тяжелого экономического положения в дореволюционное время тысячи бедных чувашей уходили на сезонные работы в города Казань, Нижний Новгород, Самару, Астрахань или на Волгу — на пароходы и баржи.

Среди чувашей также в значительном количестве работали русские отходники, как, например, портные, кузнецы и др. Начиная с Петра I, который запретил мелким народностям заниматься кузнечным ремеслом, вплоть до конца XIX в, кузнецами среди чувашей работали исключительно русские.

Со времени буржуазных реформ, с организацией сети земских школ русская культура усиленно распространялась среди чувашей через эти школы. Последние пробуждали в учащихся интерес к русскому языку и русской культуре. Поэтому с этого времени чуваши сравнительно легче стали преодолевать артикуляционные трудности русского произношения, и заимствованные слова подвергались незначительным изменениям и нередко даже усваивались в звуковом составе оригинала, почти без всяких изменений. Например: *пăрахут* — пароход, *паршă* — баржа, *машин* — машина, *тухтăр* — доктор, *пульницă* — больница, *шкул* — школа, *парта* — парта, *чернил* — чернила, *лампа* — лампа, *красçын* — керосин и т. д.

Великая Октябрьская социалистическая революция вывела чувашей на путь свободного творческого самоопределения и открыла им широкие перспективы. Благодаря неуклонному проведению Коммунистической партией ленинской национальной политики в Чувашии зародилась и развивалась новая культура, национальная по форме, социалистическая по содержанию. В годы советской власти русские слова и термины (а через русский язык и интернациональные слова) бурным потоком вливаются в чувашский язык. Бурный рост социалистической промышленности и сельского хозяйства, развитие культуры, науки и техники вызывают непрерывное восприятие новых слов из великого русского языка для обозначения новых понятий социалистического общества. Если раньше русские заимствования исчислялись сотнями слов, то теперь они исчисляются тысячами. Благодаря мощному влиянию великого, могучего русского языка чувашская лексика настолько обогатилась, что свободно выходит теперь из затруднений в переводах даже труднейшей общественно-политической и научно-технической литературы.

В настоящее время русские и интернациональные слова фигурируют в чувашском языке решительно во всех областях науки и жизни. Их можно распределить приблизительно по следующим разделам: 1. общественно-политическая жизнь; II. военное дело; III. административное управление; IV. сельское хозяйство; V. транспорт: а) автотранспорт, б) речной и морской, в) железнодорожный, г) воздушный; VI. медицина; VII. наука и техника; VIII. учебные заведения и учебное дело; IX. музыка и др. виды искусства; X. художественная литература; XI. торговля, финансы, бухгалтерия; XII. почта, телеграф, телефон и радио; XIII. промышленность; XIV. спорт; XV. календарь и т. д.

I. Общественно-политическая терминология. Русские и интернациональные слова, представляющие собою общественно-политическую терминологию, весьма многочисленны в чувашском языке. Сюда относятся: *революци, республика, диктатура, пролетариат, государство, автономи, большевизм, большевик, парти, агитаци, агитатор, пропаганда, амнисти, актив, активист, активистка, депутат,-ка, делегат,-ка, гражданин, рабочи класс, интеллигенци, конституци, марксизм, коммунист, социализм, коммунизм, комсомолец, пионер, профсоюз, информаци, доклад, анкета, герб* и т. д.

II. Военное дело: *штаб, главнокомандующи, арми, фронт, артиллери, атака, батальон, батарея, блокада, боец, воин, бомба, бригада, броневик, бронепоезд, дивизи, полк, наступлени, штурм, винтовка, пулемет, танк, граната, трофей, приказ, сержант, лейтенант, капитан, майор, полковник, генерал, адмирал, маршал, герой, госпиталь, салтак, офицер, старшина, разведчик, партизан, снаряд, оборона, окоп* и т. д.

III. Административное управление и суд: *совет, министр, министерство, исполком, председатель, секретарь, милици, милиционер, суд, судья, прокурор, адвокат, защитник, повестка, решени, машинистка, канцеляри, нотариус, заседатель* и т. д.

IV. Сельское хозяйство: *колхоз, колхозник, колхозница, совхоз, агроном, агротехника, плуг, сеялка, жнейка, веялка, трактор, тракторист, комбайн, комбайнер, бригада, бригадир, гектар, ферма, силос, азот, аммиак, люцерна, тимофеевка* и т. д.

V. Транспорт: *автомобиль, грузовик, машин, автобус, шофер, станци, гараж, контролер, баржа, буксир, руль, паром, пристань, гавань, порт, люк, каюта, буфет, вахта, матрос, капитан, лоцман, механик, диспетчер, станци, поезд, машинист, вагон, рельс, депо, вокзал, пассажир, билет, плацкарта, багаж, тариф, график, проводник, контролер, авиаци, самолет, дирижабль, бомбардировщик, аэродром, бензин, летчик, парашют* и т. д.

VI. Медицина: *врач, фельдшер, сестра, акушерка, рецепт, лекарство, бинт, марля, витамин, вазелин, глицерин, палата, протез, массаж, поликлиника, санатори, курорт* и др.

VII. Наука и техника: *географи, арифметика, геометри, истори, ботаника, зоологи, физика, хими, педагогика, грамматика, местоимени, падеж, глагол, причасти, деепричасти, междомети, определени, предложени, техника, конструктор, телевизор, радио, электричество, космонавт, телеграф, телефон, магнит,*

микроскоп, двигатель, трактор, термометр, изобретени, инженер и т. д.

VIII. Учебные заведения и учебное дело: *университет, институт, техникум, инструктор, инспектор, кабинет, лаборатори, факультет, кафедра, профессор, доцент, ассистент, студент, курсант, программа, лекци, историк, математик, географ, кружок, практика, методист, конспект, заявлени, общежити, библиотека, библиотекарь, каталог, экскурси, каникул* и т. д.

IX. Музыка, театр, кино: *рояль, пианино, гитара, нота, гамма, камертон, бас, тенор, альт, оркестр, концерт, консерватори, композитор, опера, дирижер, режиссер, суфлер, драма, трагеди, комеди, спектакль, сцена, партер, декораци, репертуар, репетици, диалог, труппа, роль, грим, кинокартина, киномеханик, передача, фильм* и т. д.

X. Художественная литература: *писатель, поэт, поэзи, поэма, эпос, повесть, роман, баллада, басня, лирика, пьеса, драма, критика, тема, классик, талант, творчество, журнал, альманах , автор, эпитет, метафора.*

XI. Торговое дело, бухгалтерия: *магазин, сельмаг, сельпо, кооператив, киоск, план, смета, грамм, килограмм, центнер, тонна, метр, сантиметр, километр, кубометр, литр, ордер, бостон, трико, бархат, коверкот, какао, рис, лапша, бухгалтер, счетовод, кассир, счет, итог, отчет, процент, квитанци, ревизи, ревизор.*

XII. Почта, телеграф, телефон и радио: *перевод, посылка, марка, авиапочта, почтальон, телеграф, телеграмма, телефон, телефонограмма, радио, передача, радиоприемник, радиограмма.*

XIII. Промышленность: *промышленность, домна, прокат, цех, автозавод, автомобиль, автобус, грузовик, конвейер, оборудовани, предприяти, производство, инженер, рабочи, преми, график, диаграмма, квартал, командировка, страхкасса.*

XIV Спорт: *футбол, волейбол, вратарь, стадион, физкультура, старт, финиш, спортсмен, чемпион, шахматы, велосипед.*

XV. Календарь: *январь, февраль, март, апрель, май, июнь, квартал* и т. д.

В послереволюционное время из русского языка в чувашский язык перешли и другие разряды слов. Напр.: названия пищевых продуктов: *колбаса, котлет, макарон, вермишель, маргарин, кофе, помидор* и др.; названия одежды: *костюм, кепка, кашне, галстук, сандали, фуфайка* и др.

Кроме того, в советское время весьма много слов и выражений вошло в чувашский язык посредством калькирования русских слов, т. е. в виде простого смыслового перевода русских слов, и в виде фразеологических оборотов. Например: *пуплев пайĕ* — часть речи, *умсăмах* — предисловие, *хыçсăмах* — послелог, *ял Совечĕ* — сельский Совет, *хĕрлĕ кĕтес* — красный уголок.

ĕçкунĕ — трудодень, *çурутрав* — полуостров, *тавракурăм* — кругозор, *виçкĕтеслĕх* — треугольник, *хăрушлăх умĕнче тăрать* — стоит перед опасностью и т. д.

Все заимствованные слова и кальки подчинаются внутренним законам развития чувашского языка. Они входят в общую систему языка, подчиняются существующей в языке системе словообразования и словоизменения.

Кроме того, число русских слов сильно колеблется по наречиям и говорам чувашского языка: в одном говоре их больше, а в другом меньше. Нередко одни и те же предметы или понятия в одном говоре выражаются природными чувашскими словами, а в другом говоре — русскими.

Влияние русского языка на чувашский язык протекает настолько интенсивно, что весьма часто русские слова в отдельных говорах вытесняют старинные чувашские слова. Напр.:

спичка	вместо старинного	шăрпăк
куршак, кӳршек	»	чӳлмек
мунчала	»	курăс
навус	»	тирĕс, тислĕк
шелле	»	хĕрхен
сапур	»	хӳме
писме	»	çыру
матка	»	арăм
ратне	»	тăван, хурăнташ
маçтăр	»	ăста
муркух	»	кишĕр
кушелкке	»	енчĕк
скамье	»	тенкел
çемье	»	килĕшыш
укушка	»	кантăк
саппун	»	чĕрçитти
уçăм	»	ыраш калчи
ответ, ответле	»	хурав, хуравла
пирвайхи	»	малтанхи
клуххуй	»	хăлхасăр
немуй	»	чĕлхесĕр
тупраллă (ср. добро)	»	муллă
трук	»	сасартăк
спаççипă	»	тавтапуç
рсорит ту	»	тĕп ту, сăтăр ту

и т. д.

Как ни велик общий удельный вес русских заимствований в чувашском языке, все же в речи он мало заметен. Русские (а равно интернациональные) слова употребляются в чувашском языке главным образом в общественно-политической и научно-технической литературе, в учебниках по физи-

ке, химии, математике, естествознанию и др. Но и здесь процент русских слов не превышает 10—12%. Только в газетных статьях и в сообщениях процент этот иногда доходит до 15 и даже выше. В разговорном языке и в художественной литературе процент русских слов пока колеблется в пределах 8—10%. Все они освоены по правилам и нормам чувашского языка и помогают последнему непрерывно развиваться, стать более богатым, гибким и выразительным.

4. ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЛЕКСИКЕ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

Лексика каждого языка исторически изменяется. Изменения эти зависят от условий политической, общественно-хозяйственной жизни народа. Непрерывный рост промышленности и сельского хозяйства, торговли и транспорта, техники и науки требует от языка пополнения его словаря новыми словами и выражениями, необходимыми для их работы. И язык, непосредственно отражая эти нужды, пополняет свой словарь новыми словами, совершенствует свой грамматический строй.

Наиболее крупными общественно-политическими событиями в истории чувашей были: а) завоевание Булгарского царства монголо-татарами и подневольная жизнь чувашей под властью татарских ханов; б) вступление чувашей в состав Русского государства и меры приобщения их к русской государственности, а также насаждение среди них христианства; в) Великая Октябрьская социалистическая революция и расцвет чувашской культуры. Все эти события не могли не отразиться в той или иной степени в словарном составе чувашского языка.

Полуторасталетнее пребывание чувашей под управлением татарской администрации оставило определенный след на лексике чувашского языка. Например, многие населенные пункты Чувашии в период Казанского ханства получили новые, татарские названия, хотя параллельно с ними сохранялись и старые чувашские названия. Позднее же, когда чуваши вошли в состав Русского государства, многие из этих селений получили русские названия. Напр.: Янцыбулово — Вăтакас — село Вознесенское, Куснар — Байгулово — Богоявленское, Шĕнерпуç — Бичурино — село Воскресенское, Айдарово — Акчура, Карачура, Хучахмат, Паймурзино, Аккозино, Шихабылово, Шималахово, Янситово, Бигильдино, Тюмбек и т. д.

Влияние татарского общественно-административного строя настолько было сильно, что оно сказалось даже на религиозном мировоззрении чувашей. Старые, отчасти и новые языческие божества их получили названия, вполне соответствующие бюрократической иерархии светской власти. Например, в языческих

молениях чувашей мы находим следующие названия богов: *тăвам ырă* — добрый дух, заседающий в диване, т. е. в судебном трибунале, государственном учреждении (ср. в ярлыках золотоордынских ханов диван битикчилăри — писцы дивана — государственного учреждения), *тăвам çӳретекен* — дух, ведущий дела дивана: *мăн турра алăк уçакан* — отворяющий двери жилища божия, *пӳлĕхçе алăк уçакан* — отворяющий двери богу, пӳлĕхçĕ, *чĕлпĕр тытан ырă* — дух, держащий повод, дух, ведущий за повод (лошадь того или иного бога). Последние названия явно заимствованы из торжественно обставленных выездов хана. Или еще *хӳм кĕрекеçĕ* — кравчий хана и т. д. Вообще чуваши представляли свои божества в виде важного хана и чиновников, окружающих его, сопровождающих и прислуживающих ему[1].

По принятии же христианства слова, связанные со старой языческой религией, отмирали и взамен их появлялись новые слова, отражавшие христианское (православное) исповедание веры. Названия старых языческих божеств и разных церемоний, связанных с ними, постепенно исчезли. Взамен старых, выходящих из употребления слов: *кĕпе, пӳлĕхçĕ, пихампар, пирĕшти, ие, йĕрĕх, хĕртсурт, киремет* и др. появились новые слова, отражающие новое, христианское мировоззрение,—*евангели, ангел, апостол, чиркӳ* — церковь, *пуп, пачăшкă*—поп (батюшка), *тияккăн* — дьякон, *тиечук* — дьячок (псаломщик), *ĕлхери* — архиерей, *праçник* — праздник, *раштав* — рождество, *пукрав*—покров, *микулă* — николин день, *вырсарникун* — воскресенье (букв. русский недельный, т. е. праздничный день), *типĕ* — пост и т. д.

Великая Октябрьская социалистическая революция явилась крупным переломным моментом, вызвавшим большие изменения в словарном составе чувашского языка. С этого момента мы наблюдаем в чувашском языке бурное словотворчество, новые формы словесных образований, сдвиги значений слов, усиленное воздействие языка науки и техники на общелитературную речь и отмирание старых слов. Все слова, связанные со старым государственным строем и насыщенные старым идеологическим содержанием, отходят теперь в область прошлого. Сюда относятся слова: *кĕпĕрне* — губерния, *уес* — уезд, *вулăс* — волость, *кĕпĕрнатăр* — губернатор, *исправник, снавай* — становой пристав, *тиек* — волостной писарь, *старшина* — старшина, *куланай* — подать и др. Вместо них появляются новые слова, отражающие новый строй жизни, новый быт и насыщенные новым идеологическим содержанием: *революци, республика, автономи, Министрсен Совечĕ, Верховнăй Совет, Обком, ял Совечĕ, колхоз, колхозник, сельпо, радио, вулав çурчĕ* — изба-читальня и т. д.

[1] Н. И. Ашмарин. Отголоски Золотоордынской старины в народных верованиях чуваш. Изв. Сев.-вост. археол. и этногр. инст., т. II. Казань, 1921 г.

В историческом ходе развития чувашского языка можно проследить не только обогащение лексики новыми словами, не только отмирание устаревших слов, но также и случаи смыслового изменения некоторых слов. Напр., слово *ял* — деревня, соответствующее кирг. *эл* — народ, др.-тюрк. *äль, иль* — народ, государство, племенной союз, первоначально также имело значение народа, каковое значение сохранилось в выражениях: *ял кулать* — народ осуждает за какой-нибудь непозволительный поступок, букв. смеется, осмеивает, *ял кулли пулас марччĕ* не стать бы посмешищем народа.

Слово *ӳт* — тело, соответствующее др.-уйгур. *ät,* кирг. и тур. *эт* — мясо, в древности употреблялось в значении мяса. Напр.: *ӳте кĕнĕ* — букв. вошли в мясо, т. е. пост кончился, теперь разрешается есть мясо, *вĕсем ӳт çиеççĕ* — они едят скоромное, т. е. мясо, *ӳт шӳрпи* — мясной суп (дер. Дворики Красноармейского района, дер. Тимерчеево Комсомольского района). Также кирг. слово *утă* — сено, представляющее собою закономерную форму др.-тюрк., тур. *от* — трава, в древности и в чув. яз. обозначало траву. Это значение сохранилось до настоящего времени в сложных словах, где вторым компонентом выступает слово *ут: шурути* — пырей (букв. болотная или белая трава, ср. башк. *актамыр,* каз.-тат. *сарут*), *ыхрути* — дикий лук (букв. чеснок-трава), *армути, эрĕм* — полынь, ср. кирг. *эрмен,* каз.-тат., башк. *эрем* (у Аксакова *урема* — кустарник), *хĕрлĕ ути*—красильное растение, подмаренник, *улăх* — луг из *утăлăх* — место, поросшее травой, и т. д.

Семантические изменения слов мы наблюдаем и в советское время. Например, слова *çулпуç, тарçă, пике, имçам,* связанные со старой жизнью, подверглись переосмыслению и свое древнее основное значение частично утратили и приобрели новое значение. До революции слово *çулпуç* значило путеводитель, проводник, а в наше время — вождь. Древнейшее значение слова *пике* встречается только в сказке — дочь князя, дочь сановного лица, в настоящее время его начали употреблять в значении красавица. *Имçам* в старое время значило домашнее лечебное средство, всякие снадобья, а теперь за этим словом закрепилось новое значение минеральное удобрение — и т. д.

Исторические изменения лексики чувашского языка происходили также и от изменения географических и природных условий обитаемой местности. В старое время, когда Чувашия почти сплошь была покрыта лесами, здесь водились и рыси и назывались они *çӳлевĕç* — так, по крайней мере, они передаются в чувашских рукописных словарях XVIII в. и в печатном словаре Вишневского 1836 г. Позднее, с поредением лесов, рыси и соколы исчезли, и чуваши забыли о них. В последнее время в учебных книгах вместо природных слов *çӳлевĕç, кăйкăр* или *лачăм кайăкĕ* стали употреблять уже русские слова *рысь, сокол.*

Вообще каждое слово в языке имеет свою историю. Жизнь одних слов довольно продолжительна, а жизнь других весьма кратковременна. Многие чувашские слова в период татарского ханства вытеснены были татарскими словами, а после вступления в состав Русского государства некоторые слова заменены были русскими словами. Например, взамен древних природных слов *тенгер* — море (мадьяры заимствовали это слово от булгар—чувашей приблизительно полторы тысячи лет тому назад в форме tenger), *хоран, хорен* — заяц (в этой форме оно перешло в марийский язык: фин. *му* — земля+*чув. (х)орен* — заяц, *морэн* — земляной заяц, но слово это у марийцев употребляется в значении зайца)[1] мы теперь имеем татарские *тинĕс, куян* и удмуртское *мулкач.* Точно так же древние чувашские слова, сохранившиеся еще в чувашских словарях XVIII века[2], как *кӳнделен, тынă* (см. перев. Евангелия 1820 г. стр. 134; ср. тур. и тат. *таныk,* др. узб. *танук*) — свидетель, *хăма*—бобр, *хуç, хоç* (тюрк. *кач*<перс. *хач*) — крест, *туп, топ* — шар, мяч, *хурав* — ответ, *шырт* — шерть, присяга, клятва, *муни* — начальник, *пăлчав*—*срок* (последнее слово диалектически сохранилось в более узком значении—в значении установления дня свадьбы) и др. в наше время уже вышли из употребления, все они вытеснены другими словами, по преимуществу русскими.

ЛИТЕРАТУРА.

В. Г. Егоров. Арабские и персидские заимствования в чувашском языке. Введение в изучение чувашского языка. М., 1930, стр. 63—70.

В. Г. Егоров. Финские (марийские и удмуртские (вотяцкие) заимствования в чувашском языке. Введение в изучение чувашского языка, М., 1930, стр. 80—88.

М. Р. Федотов. Об арабских и персидских заимствованиях в чувашском языке (лексико-семантический обзор и словарь). Ученые записки ЧНИИ, вып. XXVI, стр. 39—124, 1963.

М. Р. Федотов. Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми, ч. I. Чувашско-марийские связи, Чебоксары, 1965, 160 стр. Рецензию на эту книгу см. у М. И. Скворцова «Ученые записки ЧНИИ», вып. XXXII. Чебоксары, 1967, стр. 204—208.

М. И. Скворцов. Еще раз об арабско-персидском вкладе в чувашскую лексику. «Ученые записки ЧНИИ», вып. XXXIX, Чебоксары, 1969, стр. 139—155.

А. Е. Горшков. Роль русского языка в развитии и обогащении чувашской лексики. Чебоксары, 1963.

---

[1] MSFOu LXVII, 360—364.

[2] В. Г. Егоров. Чувашские словари XVIII в. «Записки» Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, вып. II, стр. III—142.

5. СЛОВАРИ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

1. Лексическое богатство каждого языка выражается главным образом в разного типа словарях. Первый печатный чувашско-русский словарь появился в 1836 году при книге «Начертание правил чувашского языка и словарь, составленные для духовных училищ Казанской епархии». Казань, 1836 г. По единогласному свидетельству современников (писательницы А. Фукс, В. А. Сбоева и др.), автором этой книги был протоиерей В. П. Вишневский, член и сотрудник Русского географического общества. Словарь здесь изложен на стр. 69—216 и содержит около 2800 слов. Главным недостатком словаря является недостаточно точная передача чувашских слов. Например, мы здесь имеем слова: *ара* — возраст, *сюга, сюксю* — порука. По-видимому, автор взял эти слова из выражений *ара çит* — прийти в возраст, вступить в совершеннолетие, *çăка кĕр* — принять на себя ношу, поруку, где слова *ара* и *çăка* являются формой дательного пад. ед. числа от слов *ар* — муж, мужчина, соответствует латинскому vir и *çăк* — ноша, тяжесть, вьюк, а *çӳкçӳ* (вм. *çӳкçĕ*), вероятно, употреблялось в значении поручителя.

Несмотря на некоторые недостатки, словарь этот имел свое историческое значение. В нем, как и в рукописных словарях XVIII в., сохранились некоторые слова, вышедшие теперь из употребления. Например: *сьола* — кнут [1], *валем* — объявление, явка, *атык* — папоротник, *сыямак* (вм. сивамак) — лихорадка и др. Кроме того, в свое время как русские, так и иностранные ученые, как Казембек, Френ, Шотт, Кастрен, Альквист и др. в своих исследованиях по чувашскому языку руководствовались исключительно словарем Вишневского.

2. Почти через сорок лет после словаря Вишневского появился словарь Н. И. Золотницкого под пространным заглавием «Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и др. племен». Казань. 1875. VIII+279 стр. Этот словарь содержит до 1900 коренных слов и отличается от других тем, что слова здесь расположены по гнездам, по корням слов. Например, в гнезде *эрнэ* — неделя имеем: *сьув-арни* — масленица, *эрнэ-гон* — пятница, *вырсарни-гон* — воскресенье, *кисньэрни-гон* — младший недельный день, канун недельного дня, четверг; в гнезде *ирь* — рано: *ирьбэ, иргинэ* — утром, *ирьрэх* — пораньше, *ирьги* — ранний, утренний, *иран* — завтра и т. д. К словарю приложены «разные сравнительные этнографические заметки о предметах верования, обрядах и обычаях инородцев, исследования по части имен географических и т. п.» (стр. 113—279);

[1] Слово *çола*, заимствованное из марийского языка, известно было только в верховом наречии.

I. Счет у разных народов. II. Названия родственных отношений. III. Названия бога, неба и светил небесных. IV. Сибирские шаманы и чувашские йомзи и т. д. (всего 22 приложения).

Сравнивая и сопоставляя чувашские слова с тюркскими и финскими, Золотницкий дает этимологию целого ряда чувашских слов: *авлан, арман, пăяхам, йĕрĕх, янавар, çухрăм, Çĕрпи, хушпу* и др. Есть у него и ошибочные этимологии: *хурăнташ, кукка, Аша-Патман, пус* — копейка и др. Словарь Золотницкого сыграл большую роль в истории научного изучения чувашского языка: им серьезно считались как свои, так и иностранные ученые: Радлов, Вамбери, Мункачи и др. Он не окончательно утратил свое значение и в наше время, хотя значительно устарел и нуждается в коренном пересмотре и серьезных коррективах. Недаром лет 30 тому назад в периодической прессе промелькнуло сообщение, что турки собираются перевести словарь Золотницкого на турецкий язык.

3. Следующим по времени чувашским словарем является словарь, опубликованный в 1906 г. мадьярским лингвистом Гомбоцем в мадьярском журнале „Nyelvtudomànyi Közlemények XXXVI, 1—23; 141—164 [1]. В чувашско-русско-мадьярском словаре Гомбоца содержится до 800 слов. При многих словах указываются соответствующие тюркские и отчасти монгольские слова, а в иных случаях даются и этимологии их. Чувашские диалекты также приняты во внимание.

4. Крупным событием в тюркологическом мире можно считать появление в 1908 г. в Будапеште чувашско-мадьярско-немецкого словаря Паасонена (VII+242 стр.) [2]. Хотя словарь этот содержит не более 7000—8000 слов, но издан тщательно и безукоризненно добросовестно. Фонетическая передача слов не оставляет желать лучшего. При некоторых словах указываются соответствующие тюркские слова, а иногда и этимологии их. С момента появления этого словаря и по настоящее время иностранные лингвисты-тюркологи в своих работах пользуются этим словарем наравне с словарем Н. И. Ашмарина.

5. В области чувашской лексикографии весьма крупным достижением является издание Чувашским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории 17 томного словаря чувашского языка проф. Н. И. Ашмарина, 1928—1950. Первый выпуск нового издания представляет перепечатку прежних двух выпусков, изданных еще в 1910—1912 гг. на средства переводческой комиссии при Управлении Казанского учебного округа. Словарь Н. И. Ашмарина, над подготовкой которого автор работал более 30 лет, содержит богатейший лексический материал по чувашскому языку. Кроме обычных слов, сюда

[1] Z. Gombocz. Csuvas szójegyzèk Budapest.
[2] H. Paasonen. Csuvas szójegyzèk. Nyelvt. Közl. XXXVII, XXXVIII.

вошли слова детские, подражательные, которыми вообще богат чувашский язык, названия селений, урочищ, рек, озер, лесов, полей, личные имена, в особенности старые языческие имена чувашей. В словаре содержится свыше 40 тыс. слов. При некоторых словах приводятся обширные описания, характеризующие старый чувашский быт, предметы обихода, мифологию и предания чувашей, являющиеся ценными источниками для изучения истории языка, культуры и быта. (См., напр. слова: *автан сăри, ака, анатри чăваш, арман, уйăх, ят, юпа, кантăр, сĕрен, сурăхури, хĕртсурт* и др.). Словарь этот до некоторой степени можно назвать энциклопедией чувашского быта, различные стороны которого рассматриваются здесь с достаточной полнотой на основании изучения обильного рукописного и печатного материала и собственных наблюдений автора. Поистине словарь этот составляет Thesaurus linguae tschuwaschorum как и наименовал его автор.

Но наряду с положительными сторонами словаря нужно отметить и некоторые недочеты его. Словарь Н. И. Ашмарина не отражает тех социально-политических, экономических и культурных сдвигов, которые произошли в Чувашии в результате Великой Октябрьской социалистической революции и социалистического строительства. Словарь весьма слабо отражает (если не сказать, совсем не отражает) послереволюционный чувашский литературный язык, обогатившийся не одной тысячей новых слов, связанных с коренными изменениями в общественно-политической жизни в стране, с индустриализацией, с колхозным строительством и проч. В словарь не вошли даже такие общеизвестные среди чуваш слова, как *колхозник, агроном, гектар, совет, райисполком, сельпо, комсомолец, пионер, радио, республика* и др.

В словаре имеются также недочеты чисто технического характера: несколько затрудняет пользование словарем принятый автором своеобразный алфавит (сначала гласные, а потом согласные) в следующем порядке: а, е, ы, и, у(о), ӳ, ă, ĕ, й, в, к, л, л′, м, н, н′, п, р, с, ç, т, т′, ч, ф, х, ш.

6. Н. В. Никольский. Русско-чувашский словарь. Казань, 1910.

7. Русско-чувашский словарь. Под редакцией Т. М. Матвеева, Чебоксары, 1932.

8. В 1935 году Чувашским научно-исследовательским институтом издан был наш «Чувашско-русский словарь», содержащий до 15 тысяч слов. Это — словарь современного чувашского языка. Автор старался по возможности полнее отразить современное лексическое богатство чувашского языка, получившееся в результате изменившихся условий политической и хозяйственно-общественной жизни Чувашии после революции. Сюда вошли и старые слова и новые слова, а также новая общественно-политическая и научно-техническая терминология. В 1954 году вышло 2-е издание словаря (320 стр.).

9. Русско-чувашский словарь под редакцией действительного члена Академии педагогических наук и члена-корреспондента Академии наук СССР проф. Н. К. Дмитриева, 1950, 896 стр. Словарь содержит до 45000 слов и подготовлен Чувашским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории.

В конце словаря (стр. 872—896) дан «Краткий грамматический очерк чувашского языка», составленный проф. Н. К. Дмитриевым и проф. С. П. Горским.

10. Чувашско-русский словарь под редакцией члена-корреспондента Академии педагогических наук РСФСР профессора М. Я. Сироткина. Около 25000 слов, 630 стр. С приложением краткого грамматического очерка чувашского языка, составленного Н. А. Андреевым. Государственное издательство иностранных и национальных словарей. Москва, 1961.

11. В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка, Чебоксары, 1964.

Настоящий словарь построен как сравнительно-этимологический справочник с учетом достижений как чувашской этимологии, так и тюркской этимологии в целом. Он не может претендовать на исчерпывающий этимологический анализ всех представленных в нем лексических единиц. Многие предложенные автором этимологии и сравнения носят предварительный характер и должны рассматриваться как материал для дальнейших этимологических изысканий. Словарь охватывает примерно 2600 слов, что, конечно, составляет весьма незначительную часть лексики чувашского языка, нуждающейся в этимологизации.

12. Чăваш чĕлхин орфографи словарĕ. А. И. Иванов хатĕрленĕ. 21000 сăмаха яхăн. 1963, 270 стр.

13. М. И. Скворцов. К вопросу о принципах составления русско-национальных словарей. Ученые записки ЧНИИ, вып. XXVI, Чебоксары, 1963, стр. 25—50.

14. Н. А. Андреев. Чăваш чĕлхин лексикологийĕ. Шупашкар, 1961.

III. ФОНЕТИКА

1. ВВЕДЕНИЕ

В отделе «Лексика» мы рассмотрели словарный состав чувашского языка. Каждое слово представляет собой «языковую оболочку» мысли, а материальную оболочку слов составляют звуки языка. Звуковой язык или язык слов был всегда единственным языком человеческого общества, способным служить полноценным средством общения людей. Отсюда вытекает необходимость изучения слов и со стороны их звучания.

Звуковая сторона языка составляет предмет особой дисциплины — фонетики. Фонетика — это учение о звуковом составе и звуковых изменениях языка. Она рассматривает звуки речи как со стороны акустической, т. е. слышимости их, восприятия их слухом, так и со стороны физиологической, т. е. производства или образования их.

Членораздельные звуки, вернее звуковые типы, являющиеся различителями значений слов и грамматических форм, принято называть фонемами (от греч. слова φωνή звук, голос, тон).

В чувашском языке имеются следующие фонемы: гласные фонемы заднего ряда: **а, ӑ, у, ы, о** и соответствующие им гласные фонемы переднего ряда: **э(е), ӗ, ӳ, и.** Фонема **о** встречается только: а) в русских и интернациональных словах: *совет, область, колхоз, поэт, поэма* и б) в верховом диалекте чувашского языка: *орам* — улица, *орапа* — телега, *порнӑҫ* — жизнь, *портӑ* — топор, *полӑ* — рыба и др.

В группе согласных звуков отдельными фонемами являются: а) сонорные: **в, й, л, л', м, н, н', р** (8 фонем); б) шумные в чувашских словах: **к, п, с, ҫ, т, т', х, ч, ш** (9 фонем). Твердая и мягкая разновидности согласных звуков **л, н, т,** составляют две самостоятельные фонемы: при помощи их мы дифференцируем значение слов и форм. Напр.: слова *юрат* и *юрать*, *шурат* и *шурать* отличаются только твердым и мягким произношением звука *т*. Следовательно, звуки *т* и *т'* (ть) — две отдельные фонемы: *юрат* — люби (2-е лицо ед. ч. повел. накл.), *юрать* —

годится, ладно (3-е лицо настоящ. времени ед. числа); *шурат* — чисти (картофель), *шурать* — бледнеет, блекнет, вянет; *шал* — внутренняя сторона, внутренний, *шаль, шаль тутри* — шаль, большой платок; *лавкка* — лавка, полка и *Лявкка* — Леонтий, *палла* — узнавай, *Палля, (Пал'л'а)* — Павел, *хал* — сила, *халь* (хал') — теперь; *пулӑ* — рыба, *пульӑ* — пуля; *Аня* (Ан'а) — Анна, *ана* — загон, полоса земли в поле.

Поскольку шумные согласные фонемы в чувашском языке озвончаются только в определенных позициях: а) между гласными и б) между сонорными и гласными, то звонкая разновидность их называется не отдельной фонемой, а вариантом глухой фонемы и обозначается соответствующей буквой. Напр., *кай* — иди, *ан кай* (ангай) — не ходи. «В самом деле нельзя же серьезно утверждать,— замечают А. С. Уськин и И. А. Андреев,— что в утвердительной форме *кай* «уходить» выступает одна фонема, а в отрицательной форме *ан кай* (ангай) «не уходить» в том же слове выступает другая фонема»[1].

А. С. Уськин и И. А. Андреев в 1958 году подняли вопрос о наличии в чувашском языке 14 соотносительных пар фонем по долготе и краткости[2]: *в—вв, й—йй, к—кк, л—лл, м—мм, н—нн, п—пп, р—рр, с—сс, ҫ—ҫҫ, т—тт, х—хх, ч—чч, ш—шш: сивӗн—сиввӗн, вӑйӑ—вӑййа, тапӑ (табӑ) — таппа* и д. т. Авторы однако не учли требований фонологии. Получается, что в целом речь идет о глухих согласных в начале, на конце слова и перед согласными, а для доказательства их фонематической противопоставленности по долготе и краткости геминатам берутся звонкие согласные. Такое противопоставление в фонологии недопустимо. Звуковые образования, противостоящие друг другу как самостоятельные фонемы, в одинаковых фонематических положениях должны употребляться сами, а не их позиционные варианты. Поэтому утверждение о фонематической противопоставленности долгих и кратких шумных согласных нельзя считать доказанным[3]. Вопрос этот нуждается в дальнейшем исследовании. Собственно долгими и краткими согласными фонемами в чувашском языке можно считать только сонорные: *кӗве* «моль» — *кӗввe* дат.-вин. падеж от кӗвӗ «мелодия, мотив»; *тӑри* «жаворонок» — *тӑрри* «его верхушка» и т. д.

Физиологическая природа звуков. Прежде чем перейти к описанию фонетической системы чувашского языка, необходимо несколько остановиться на выяснении того, где и как получают-

[1] А. С. Уськин, И. А. Андреев. О соотносительных рядах согласных фонем в современном чувашском литературном языке. Ученые записки ЧНИИ, вып. XVI, 1958, стр. 119—120.

[2] Там же, стр. 1.

[3] В. И. Котлеев. К вопросу о составе согласных фонем чувашского языка. Филологический сборник. Ученые записки ЧНИИ, вып. XXVIII, 1966, стр. 68—75.

ся звуки речи, как они становятся для нас слышимыми, т. е. необходимо предварительно ознакомиться с нашим речевым аппаратом. В речевом аппарате главными органами производства звуков являются дыхательный аппарат, гортань, полость рта и полость носа.

Дыхательный аппарат, состоящий из диафрагмы, или грудобрюшной преграды, грудной клетки, легких и дыхательного горла, дает необходимый для произношения звуков ток воздуха. Выдыхаемый легкими воздух идет по дыхательному горлу и попадает в гортань. Гортань — это трубка, состоящая из системы хрящей. Один из этих хрящей (щитовидный) заметно выдается в передней части шеи и называется Адамовым яблоком, в просторечии кадыком. Поперек гортани от кадыка к затылочной части шеи тянутся горизонтально два эластичных мускула, называемые голосовыми связками. Отверстие между ними называется голосовой щелью. Голосовые связки являются главным музыкальным инструментом человеческого организма. Благодаря действию разных мускулов, они могут суживаться и расширяться, т. е. сближаться одна с другой. Когда они сильно натянуты, сближены своими краями и прохода между ними не остается, то напор выдыхаемого воздуха прорывает их. После каждого прорыва голосовые связки снова плотно сжимаются. От таких постоянных и весьма быстрых ритмических колебаний голосовые связки, подобно струнам музыкального инструмента, начинают звучать. Так получается голос при произнесении гласных и звонких согласных.

Гласные звуки происходят при правильных, периодических колебаниях голосовых связок, а согласные звонкие — при неправильных, непериодических колебаниях их. При произнесении же глухих, как и при обыкновенном спокойном дыхании, голосовые связки бывают настолько широко открыты, что выдыхаемый ток воздуха проходит через них беспрепятственно, не производя никакого голоса. Выходя из гортани, воздух проходит через зёв и попадает в полости рта и носа.

Полость рта является главным очагом или кузницей производства звуков. Здесь, по словам проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ, имеются свои мóлоты и свои наковáльни. Молотами служат подвижные или активные органы: мягкое нёбо, губы, язык и нижняя челюсть, а наковальнями или неподвижными местами, на которых работают активные органы, служат твердое нёбо и верхняя челюсть с зубами и деснами. Полость рта играет прежде всего роль резонатора. Величина и форма этого резонатора может как угодно видоизменяться благодаря работе подвижных органов, главным образом языка и губ. От этих видоизменений полости рта, как резонатора, и зависят качества гласных звуков, т. е. то, почему один звук мы называем «а», другой «ў», третий «и» и т. д. Если, например, в полости рта языку придадим такое положение, какое он имеет при произнесении «и», то как бы мы ни силились, не в состоянии будем произнести «а», или «у», или «о», а обязательно, помимо нашей воли, будет получаться звук «и». Согласные звуки тоже образуются, как увидим ниже, в полости рта.

Носовая полость лежит над ротовой и отделяется от последней твердым и мягким нёбом. Полость носа имеет тоже роль резонатора, но, в сравнении с полостью рта, резонатора очень бедного, всегда одинакового по форме и величине. Проход в полость носа закрывается нёбной занавеской, иначе называемой мягким нёбом. Если мягкое нёбо опущено, то выдыхаемый ток воздуха свободно может проходить и в полость носа, благодаря чему произносимые звуки получают особый носовой резонанс. С носовым резонансом образуются в чувашском языке звуки *м* и *н*. При произношении других звуков нёбная занавеска поднимается и, плотно упираясь о зев, закрывает проход в полость носа. Если же вследствие болезни или постоянной привычной небрежности мягкое нёбо недостаточно поднимается или недостаточно напряжено, то все звуки будут получаться гнусавыми.

Таким образом, в физиологическом отношении звуки нашей речи являются не чем иным, как результатами мускульно-двигательной работы наших органов. Каждый звук представляет собою сумму артикуляционных работ органов произношения.

Физико-акустическая природа звуков. Теперь естественно возникает вопрос: каким путем эти артикуляционные работы ощущаются нами как определенные звуки речи? Чтобы дать удовлетворительный ответ на этот вопрос, нам необходимо рассмотреть указанные звуки с другой стороны — физико-акустической. В физике звуки речи (как и всякий звук) рассматриваются как колебательные движения воздуха, вызывающие у нас слуховые ощущения. Колебания воздуха от звучащего предмета сначала проникают в наружное ухо, доходят до барабанной перепонки и заставляют ее колебаться наподобие мембраны в телефоне. Колебания барабанной перепонки передаются прикрепленной к ней системе косточек среднего уха — молоточку, отсюда наковальне и далее стремечку, которое звуковые дрожания передает во внутреннее ухо (лабиринт) — в наполняющую его жидкость. По этой жидкости звук доходит до Кортиева органа улитки и раздражает концы нервных нитей, связывающих части внутреннего уха с мозгом. По слуховым нервам, как бы по телефонным проводам, ощущение звука передается в мозг, как бы в центральную телефонную станцию. Здесь происходит дальнейшая переработка полученного нервом слухового ощущения, которое распространяется на различные участки мозга и вызывает в нашем сознании ощущение выслушиваемого звука или же передается другим нервам нашего тела и влечет за собой то или иное ответное действие, ответное слово.

В зависимости от характера или природы звуков фонетику можно разделить на два отдела: 1) учение о гласных звуках или вокализм (от латинск. слова vocalis — звучащий, гласный звук) и 2) учение о согласных звуках, или консонантизм (от латинского слова consonans — согласный, согласный звук).

2. ВОКАЛИЗМ

Система гласных фонем. При произнесении гласных звуков голос образуется в гортани от дрожания голосовых связок. Характер или качество гласного звука всецело зависит от формы и величины резонатора или надставной трубы, каковою в данном случае является полость рта, видоизменяющаяся от разного положения языка и губ. Физиологическое различие между гласными и согласными сводится к тому, что при произнесении согласных звуков в полости рта образуются преграды — или в виде полной смычки органов произношения, или в виде тесного сближения их. Преграды эти существенным образом изменяют голос, направляющийся из гортани, образуя шумы, примешивающиеся к голосу (при звонких согласных) или даже составляющие целиком звуки речи (при шумных глухих). При произнесении же гласных таких преград не бывает, голос проходит через полость рта свободно и беспрепятственно. Гласные звуки тоже не образуются без шумов, обуславливаемых положением языка и губ, но шумы эти вследствие своей слабости почти заглушаются голосом, если и не заглушаются, то воспринимаются нами в качестве характерного тембра гласных. Примешивающиеся к гласным ротовые шумы дают отчасти возможность различать одни звуки от других, напр. *а* от *и, о* от *у* и т. д.

В современном чувашском литературном языке имеется девять гласных фонем, которые обозначаются следующими буквами: *а, ӑ, е(э), ё, и, о, у, ӳ, ы.* Звуки эти, отдельно взятые, производят на нас неодинаковое акустическое впечатление. Хотя все они произносятся с полным голосом, т. е. при полном звучании голосовых связок, но по звонкости или полнозвучности не все одинаковы: одни более звонки *(а, е, и, о, у, ӳ, ы)*, а другие менее звонки, не дают полного голоса, произносятся несколько глухо *(ӑ, ӗ)*. Это звуки редуцированные, звуки с несколько ослабленной артикуляцией, в силу чего они имеют несколько глухой акустический оттенок. Хотя они могут принимать на себя ударение, но в словах не отличаются надлежащей устойчивостью и легко выпадают. Напр.: *єасӑ* и *сас* — голос, *пурӑнӑҫ* и *пурнӑҫ* — жизнь, *ҫавӑрӑн* и *ҫаврӑн* — поворачиваться, *амӑшӗ* и *амӑш* — его мать, *питӗ* и *пит* — очень и т. д.

Относительно произношения чувашских звуков, как гласных, так и согласных (а равно и правописания слов), мы должны

заранее предупредить читателей-нечувашей, что чувашский язык в этом случае руководствуется двумя нормами орфоэпии и двумя нормами орфографии. В словах, заимствованных из русского языка в послереволюционную эпоху, он всецело следует русскому литературному произношению с той только особенностью, что чуваши избегают аканья, придерживаются умеренного оканья, вообще предпочитают читать так, как написано. А потому мы будем говорить только о произношении гласных в чисто чувашских словах. Здесь мы не находим никаких трудностей. Звуки *а*[1], *е, и, о, у, ы* произносятся как соответствующие русские гласные под ударением. Напр., мы не находим заметной разницы в произношении указанных гласных в чувашском и русском языках в словах:

чув. ампар	*русск.* амбар
» карнис	» карниз
» тен — может быть	» тень
» пит — лицо	» пить (чай)
» кур — видеть	» кур (много *кур* и цыплят)
» колхоз	» колхоз
» ыл — мёд	» ыл—жар, пламя и т. д.

Звук *ӳ* произносится как французское *и* (lune, nuit, pur) или немецкое ü (übel, für, natürlich) или же как русское *ю* в заимствованных из французского и немецкого языка словах: *пюпитр, сюжет, бюро, жюри, Мюллер, Нюрнберг* и пр. Звук *ӳ* весьма употребителен и в других тюркских языках. Напр., каз.-тат. *ӳпкэ* — легкие, *дӳрт* — четыре, *кӳрсет* — показать, кирг. *музыканы сүйӳүчӳ* — любитель музыки.

Своеобразную особенность представляют редуцированные гласные *ӑ, ӗ.* Они произносятся как русские звуки *о, е* в заударных слогах. Напр., *вӑтӑр* — тридцать, *трактор* (*о* произносится как *ӑ*), *вырӑс* — русский, ср. *вырос, ҫармӑс*—мариец, ср. *тормоз, типпӗн* в сухом виде, ср. *степень, пӗл,* ср. *оттепель, ҫӗн* — побороть, победить, ср. *осень, вӗҫлӗ* — имеющий конец, ср. *после* и т. д.

Аналогичные редуцированные звуки имеются и в других тюркских языках. В каз.-тат. языке они, в отличие от чувашских, имеют заметную заднеязычную артикуляцию и низкий тембровый тон и обозначаются буквами *ы* и *е: балык* — рыба, *алтмыш* — шестьдесят, *акыллы* — умный, *тел* — язык, *кем* — кто, *тимер* — железо и т. д. В перечисленных словах *ы* читается как чувашское *ӑ*, а *е* — как чувашское *ӗ.*

Говоря о произношении чувашских гласных необходимо отметить ту особенность, что они, в отличие от русских, во

[1] Татарское *а* сравнительно с русским имеет резко выраженную заднеязычную артикуляцию.

всех положениях, независимо от ударения, произносятся явственно, отчетливо. Фонетическая природа звука здесь от ударения качественно почти не изменяется. Например, в словах: *хавăс*—рад, *аталанăть* — развивается, *ăвăс* — осина, воск, *тăрăшнă* — старался, *ăмăртý* — соревнование, *пухý* — собрание, *ырáн* — завтра, *çĕршывв* — страна, гласные *а, ă, у, ы* во всех положениях произносятся одинаково раздельно, отчетливо. То же самое нужно сказать и о произношении звуков *э (е), ĕ, и, ӳ* в словах *этéм* — человек, *тенкéл* — скамейка, *лĕпĕш* — бабочка, *пĕчĕкçĕ* — маленький, *ирхи́* — утренний, *пиçиххи́* — пояс, *ӳт* — тело, *пӳрт* — изба, *кĕтӳ* — стадо и т. д.

Кроме указанных девяти гласных литературного языка, в чувашских переходных диалектах и в верховом диалекте имеется еще два звука, это редуцированные лабиализованные звуки *ă, ĕ*. Звуки эти произносятся точно так же как *ă* и *ĕ*, но с участием губ. Если при произнесении *ă* и *ĕ* губы несколько вытянуть вперед, то у нас получаются звуки лабиализованные *ă* и *ĕ*. Звук *ă* слышится, например, в словах: *кăкăр* — грудь, *кăмрăк* — уголь, *măшăр* — пара, *măкăнь* — мак, *нăрă* — жук, *пăрăç*— перец, *пăтă* — каша, *сăнă* — копье, жало, *çăлтăр* — звезда, *тăр*— встань, *чăм* — нырни и т. д. В указанных диалектах лабиализованное *ĕ* слышится в словах: *кĕл* — зола, *кĕрĕк* — шуба, *Ĕлкĕр* — созвездие Ориона, *ĕмĕр* — век, *пĕкĕ* — дуга, *çĕпре* — дрожжи, *тĕлĕк* — сновидение, *çĕмĕрт* — черемуха, *тĕп* — дно и т. д.

В тех диалектах, в которых бытуют указанные редуцированные лабиализованные звуки, они часто служат для дифференциации слов по значению. Например: *пăс* — пар, *пăс* (*ă* лабиализ.) — портить, *кăн* в слове *кăн-кăвак* — совершенно синий и *кăн* (*ă* лаб.) — выдыхаться (*сăра кăннă* — пиво выдохлось), *çăт* — плотный, *çăт* (*ă* лаб.) — глотать или еще: *кĕр*—войди, *хĕр* (*ĕ* лаб.) — осень, *пĕр* (пус) — одна (копейка) и *пĕр* (*ĕ* лаб.) набрать сборы (на платьях), *çĕр* — земля, *çĕр* (*ĕ* лаб.) — сто; ночь, гнить, *кĕрт* — разрешить войти, впустить и *кĕрт* (*ĕ* лаб.)— сугроб (ср. пӳрте ан кĕрт — не пускай в избу; пӳрте кĕрт хӳсе кайнă — избу занесло снегом), *çĕрĕ* — его земля, *çĕрĕ* (*ĕ* лаб.)— кольцо и т. д.[1].

Такие же лабиализованные редуцированные звуки имеются в казанско-татарском и башкирском языках. Но появление и распространение этих звуков приписывать влиянию соседних языков у нас нет никаких оснований. Знаменательно то, что эта особенность языка наблюдается только у верховых чувашей. Низовые чуваши, жившие в течение столетий в непосредственном соседстве с татарами, в настоящее время не знают этого явления в своем языке. Отсюда нужно заключить, что в чуваш-

[1] В. Егоров. Закон гармонии гласных в чувашском языке. Научно-педагогический сборник Казанского восточно-педагогического института, вып. IV, 1928, стр. 56—63.

ском языке давно началась делабиализация гласных *у* и *о*. В низовом диалекте этот процесс завершился, завершился он по отношению к ряду слов и в верховом и в переходных диалектах, но не окончательно. Процесс делабиализации у верховых чувашей частично приостановился и не достиг своего завершения. Здесь сохранилось несколько десятков слов, в которых редуцированные гласные *ă* и *ĕ* произносятся с участием губ. Нужно сказать, что число этих слов все более уменьшается (в памятниках XVIII в. их было больше), т. е. лабиализованные редуцированные звуки в них начинают произноситься без участия губ, как простые редуцированные гласные *ă, ĕ*.

Физиологическая классификация гласных звуков. По артикуляционным работам органов произношения гласные звуки чувашского языка можно классифицировать следующим образом. По месту образования в полости рта и работе языка они делятся на гласные а) переднего ряда и б) заднего ряда. Гласные переднего ряда иначе называются передненёбными, твердонёбными, переднеязычными, а также палатальными (от латинск. palatum — твердое нёбо), а гласные заднего ряда — задненёбными, мягконёбными, заднеязычными, велярными (от латинск. velum palati — мягкое нёбо). Палатальные гласные по свойству их смягчать в словах смежные с ними с той и другой стороны звуки, в школьных грамматиках называются еще мягкими гласными, а гласные заднего ряда, в противоположность им,— твердыми гласными. Но такое деление не может считаться научным, так как мягкость составляет свойство не гласных звуков, а согласных.

Все указанные гласные звуки, независимо от места образования, могут быть *лабиализованными* (от латинск. labium — губа), или *губными,* и нелабиализованными, или негубными. В основе такого деления лежит звукопроизводная работа губ. Одни гласные произносятся у нас без участия губ, а другие с участием губ. При произнесении последних губы несколько округляются и вытягиваются вперед. Лабиализованными гласными в чувашском языке являются: *у, ӳ, о* и диалектные *ă(ӧ), ĕ(ӧ),* нелабиализованными: *а, ă, э(е), ĕ, и, ы.*

Гласные переднего ряда. При образовании гласных главная роль принадлежит голосовым связкам гортани, языку и губам. Дрожание или звучание голосовых связок дает голос, а движение языка и губ видоизменяют величину и форму полости рта как резонатора и тем самым придают различные окраски звукам нашего голоса. К гласным переднего ряда относятся *э(е), ĕ, и, ӳ* и диал. лаб. *ĕ*. При произнесеннии их вся масса языка подается вперёд и средняя часть спинки языка поднимается вверх к твердому нёбу: при *ĕ* немного выше, чем при *е,* а при *и* еще выше, чем при *ĕ*. Конец языка лежит непосредственно за передними нижними зубами. При *э, ĕ, и*

губы остаются совершенно пассивными; для получения же звуков *ӳ* и диалектного лабиализованного *ӗ* к артикуляции звуков *и, ӗ* необходимо присоединить еще работу губ. При произнесении звука *ӗ* стоит округлить губы, как получится лабиализованное *ӗ*, а для получения *ӳ* достаточно округлить и вытянуть вперед губы, произнося *и*. Или наоборот, если мы будем тянуть звук *ӳ* или лабиализованное *ӗ*, а губы в это время оттянем—верхнюю кверху, а нижнюю книзу, то тотчас же по удалении работы губ у нас будет слышаться уже не звук *ӳ*, а звук *и* не лабиализованное *ӗ*, а редуцированное *ӗ*. При *ӳ* лабиализация бывает сильнее, т. е. отверстие губ меньше, вытягивание вперед больше, чем при лабиализованном *ӗ*. Необходимо иметь в виду, что при *ӳ* и лабиализованном *ӗ* средняя спинка языка принимает несколько заднее положение, чем при *э, ӗ, и*.

Поскольку в чувашском языке нелабиализованное и лабиализованное *ӗ* на письме обозначается одной и той же буквой *ӗ*, то считаем нужным дать хотя бы несколько слов, в которых и в низовом и в верховом диалектах произносится нелабиализованное *ӗ*: *вӗлле* — улей, *вӗр* — дуть, *вӗрен* — учись, *вӗрӗл* — простудиться, *вӗркӗч* — мехи, *вӗшле* — борзая собака, *йӗвен* — узда, *йӗке* — веретено, *йӗлтӗр* — лыжи, *йӗтӗн* — лен, *йӗтӗр* — скалка, *кӗвелӗк* — закваска, *кӗрт* — впустить, *кӗнеке* — книга, *кӗпе* — рубашка, *кӗтӳ* — стадо, *кӗштек* — ластовица, *лӗкӗ* — перхоть, *лӗпӗш* — бабочка, *мӗлке* — тень, *мӗншӗн* — зачем, *пӗве* — пруд, *пӗлӗш* — знакомый, *пӗлтӗр* — в прошлом году, *пӗрчӗ* — зерно, *пӗчӗккӗ* — маленький, *сӗвек* — пологий, *çӗвӗ* — шов, *çӗлӗк* — шапка, *çӗнӗ* — новый, *çӗр* — земля, *тӗвӗ* — узел, *хӗвел* — солнце, *хӗл* — зима, *хӗр* — девочка, дочь, *хӗрлӗ* — красный, *чӗлӗм* — трубка и т. д. Слова же, в которых звук *ӗ* в верховом диалекте и переходных говорах произносится с участием губ, перечислены ниже в разделе «Лабиальный сингармонизм».

Что касается употребления в словах гласных переднего ряда, то они могут стоять и в начале, и в середине, и в конце слова. Напр.: *ирӗк* — свобода, *çимӗç* — плод, *çивитти* — одеяло, *эрешмен* — паук, *ӗне* — корова, *кӗмӗл* — серебро, *ӳслӗк* — кашель, *кӳлӗ* — озеро, *ӗнӳ* — твоя корова и т. д.

Гласные заднего ряда. К гласным заднего ряда относятся: *а, ӑ, о, у, ы* и диалектное лабиализованное *ӑ*. При произнесении их язык всей своей массой оттягивается назад и задней частью приподнимается к мягкому нёбу: при *а* остается в индифферентном положении, при *о* поднимается не особенно высоко, а при *у* и *ы* много выше. При *а* конец языка бывает опущен и покоится непосредственно за нижними зубами у их корней, а при *о* и *у* он значительно удален от них. Мягкое нёбо, как и при всех чувашских гласных, бывает поднято и упирается о зев. Звук *а* произносится при сравнительно широком растворе рта, губы при этом остаются пассивными. Звуки же *о* и *у* произносятся при активном участии губ: губы округляются и несколько вытягиваются вперед. Отсюда звуки эти называются лабиализованными. Губная работа (лабиализация) при *у* несколько иная, чем при *о:* при *о* губы не столь сильно сближены и круглое отверстие между ними шире, чем при *у*. В последнем случае губы более вытягиваются вперед, чем при *о,* и принимают воронкообразную форму.

Из гласных заднего ряда звук *о* в природных словах литературного языка совсем не встречается. Его мы находим только в верховом диалекте (и исключительно в начальном слоге: *вот* — огонь, *окça* — деньги, *поç*—голова) и в заимствованных из русского языка словах: *область, оборона, пальто, колхоз, окоп* и другие.

Гласный звук *ы* противополагается гласному *у* в том смысле, что *ы* — звук негубной, а *у* — губной, при *ы* кончик языка несколько более направлен вперед, а при *у* он направлен определенно вниз. В чувашском языке *ы* встречается только в начале и в середине слов, в конце слов оно не может стоять: *ырă* — добрый, *çĕршыв* — страна и др. Редуцированный звук *ă* произошел в результате редукции звуков *ы, у* и *а*. Напр.:

литер. яз.	*диалект*	*значение*
вăй	вый	сила, мощь
мăй	мый	шея
хăйă	хыйă	лучина
йăнăш	йынăш	ошибка
йăпар	йыпар	выхухоль
пăчкă	пычкă	пила
çум	çăм	сорная трава
хăмпă	хумпă	пузырь
хăлха	хулха	ухо
валашка	**вăлашка**	**корыто и т. д.**

Звуки *а, у,* редуцированное *ă* и диалектное лабиализованное *ă* могут употребляться и в начале, и в середине, и в конце слов, в открытых и закрытых слогах. Например, *самана* — эпоха, *ăслă* — умный, *кăмăл* — сердечное расположение, *ăшă* — тепло, *уйăх* — луна, месяц, *пуху* — собрание и т. д.

Приведем слова с нелабиализованным редуцированным *ă*, которое и в низовом, и в верховом диалектах произносится одинаково: *ăвă* — трут, *ăвăс* — осина, воск, *ăйăр* — жеребец, *ăнлан* — понимать, *ăнсăр* — бестолковый, *ăру* — племя, колено, *вăхăт* — время, *вăй* — сила, *вăтам* — средний, *вăл* — он, *вăлта* — удочка, *йăва* — гнездо, *йăла* — обычай, *йăмра* — ветла, *йăваш* — смирный, *йăмăк* — младшая сестра, *кăртăш* — ёрш, *кăтăк* —

щекотка, *кăчкă* — почка, *кăшкăр* — кричать, *лăсă* — хвоя, *мăйăх* — усы, *мăйăр* — орех, *пăнтăх* — плеснеть, *пăхăр* — медь, *пăчăр* — рябчик, *пăчкă* — пила, *пăши* — лось, диал.— олень, *пăлан* — олень, диал.—лось, *хăйăр* — песок, *хăва* — ива, *чăрăш* — ель, *шăпа* — жребий, *шăхăр* — свистеть, *ывăç* — горсть, *ывăн* — устать и т. д.

Узкие и широкие гласные. Если мы примем во внимание степень поднятия языка к нёбу в той или иной части его, то заметим, что при произнесении гласных язык далеко не одинаково поднимается к нёбу. Если мы перед зеркалом будем наблюдать над своим произношением гласных, то сразу заметим, что при *ы*, напр., язык высоко поднимается к нёбу, а при *а* он занимает довольно низкое положение. В этом нетрудно убедиться и без зеркала: достаточно положить чайную ложку на заднюю часть языка и попеременно тянуть *ы* и *а*, и мы сразу почувствуем, как при *ы* язык довольно высоко поднимается к нёбу, а при *а* остается, можно сказать, в индифферентном положении, по крайней мере незначительный подъем его трудно бывает уловить.

По степени поднятия языка к нёбу чувашские гласные можно разделить на три категории: на гласные а) верхнего подъема или верхнего уровня, при произношении которых язык высоко поднят к нёбу и рот раскрыт очень узко: *и, ӳ, ы, у;* б) среднего подъема: *э, ĕ, ă, о,* диалектные лабиализованные *ă, ĕ* и в) нижнего подъема, при произношении которых язык опущен довольно низко, и рот раскрыт сравнительно широко: *а*. Гласные верхнего подъема называются узкими гласными, так как при произнесении их от высокого положения языка звукопропускающий канал между языком и нёбом сильно суживается; гласные же нижнего и среднего подъема называются широкими, так как от сравнительно низкого положения языка звукопроводный канал при них значительно расширяется.

Термины узкий и широкий иногда применяются к одним и тем же по месту образования звукам, но отличающимся между собою самой незначительной степенью подъема языка. Например, как ни кажутся нам с первого раза тождественными звуки *э(е)* в словах *эсĕ* (эзĕ) и *тет* (теть), но на самом деле при тщательном наблюдении над произношением их убеждаемся, что при произнесении *э(е)* в слове *тет* язык поднимается чуть выше и раствор рта более узкий, чем при *э* в слове *эсĕ*. Следовательно, *э* в слове *тет* является более узким звуком, чем *э* в слове *эсĕ*. Последнее *э* в сравнении с первым является более широким. В литературном языке звук *и* является узким гласным. В некоторых же положениях, употребляясь в качестве притяжательного аффикса, он становится широким, более склонным к *ы*. Например: *алли* — его рука, *ăнни* — его жало (ср. ани — моя свекровь), *атти* — его сапог,

ури — его нога, а также в словах *пăри* — полба, *тăри* — жаворонок и т. д.

Вместо терминов узкий и широкий другие предпочитают употреблять термины закрытый и открытый. Тонкое различение узких (закрытых) и широких (открытых) звуков имеет весьма важное значение при собирании диалектологического материала, при сравнительном изучении звуков одного говора или одного языка с соответствующими звуками другого говора или другого языка. Например, чувашское произношение слова *чипер* отличается от татарского произношения того же слова главным образом тем, что татары произносят в этом слове широкое *э(е)*, склонное к *а*, а чуваши обыкновенное узкое *э*.

Вообще деление гласных на два ряда в горизонтальном направлении и на три подъема в вертикальном направлении условно: на самом деле внутри каждой группы могут быть звуки промежуточных образований — и более передние и более задние, и более высокого подъема и менее высокого подъема. Например, чувашское *ĕ* по подъему языка составляет звук промежуточного образования между *э* и *и*. Дополнительно ко всему сказанному выше о промежуточных звуках необходимо прибавить еще, что гласные заднего ряда после мягких согласных *ль, нь, ть, ç* свою обычную заднюю артикуляцию передвигают значительно вперед. Например, *а* в слове *çарă* и *у* в слове *сӳрăх* — заднего ряда, а в словах *çар* и *çӳрă* те же звуки несколько приближаются к звукам переднего ряда и т. д. Деление гласных звуков по степени подъема языка к нёбу в лингвистике условно принято называть классификацией гласных по способу образования.

Физиологическую классификацию гласных звуков чувашского языка схематически можно представить в виде следующей таблицы:

По месту образования / По участию губ / По способу образования	Переднего ряда		Заднего ряда	
	Нелабиал.	Лабиализ.	Нелабиал.	Лабиализ.
Верхний подъем	*и*	*ӳ*	*ы*	*у*
Средний подъем	*э(е), ĕ*	лаб. *ĕ*	*ă*	лаб. *ă, о*
Нижний подъем			*а*	

Отношение чувашских гласных к гласным других тюркских языков. 1. Поскольку чувашский язык является одним из тюркских языков, постольку в нем неизбежны общетюркские элементы. В области фонетики только немногие общетюркские звуки сохранились на чувашской почве в чистом виде, в большинстве же случаев они подверглись значительным изменениям в течение многовековой истории чувашского народа. Булгарский язык сам по себе имел уже некоторые фонетические особенности сравнительно с другими тюркскими языками. Скрещение пришлых булгар с местными лесными финскими племенами преимущественно с марийцами еще более увеличило в чувашском языке эти особенности. Сюда относятся: 1. Произношение чувашами булгарского звука *а* начального слога слова в низовом диалекте (равно и в литературном языке) как *у*, а в верховом как *о*. В других тюркских языках этому звуку соответствует также *а*. По-видимому, данный звук восходит к древнему долгому *а*, звуку *а* в сильном положении [1]. Вероятно, звук этот был частично лабиализованным, и лабиализованность его в чувашском языке еще более усилилась по диалектам. Например:

чув. *пуç,*	диал. *поç*	тат., тур. *баш,* к-калп., казах. *бас*	голова
» *урапа*	» *орапа*	тат. *арба,* тур. *араба*	телега
» *сухал*	» *сохал*	тат., тур. *сакал*	борода
» *улма*	» *олма*	тат. *алма,* тур. *элме*	яблоко
» *урпа*	» *орпа*	тат., тур., кирг. *арпа*	ячмень
» *хура*	» *хора*	тур. *кара*	черный
» *ухмах*	» *охмах*	тат., кирг. *акмак*	глупый
» *улăп*	» *олăп*	тат., казах. *алып*	великан
» *çумăр*	» *çомăр*	тур. *ягмур,* тат. *янгыр*	дождь
» *хут*		тат., тур., алт. *кат*	слой, этаж, раз
» *усра*	» *осра*	казах. *асыра*	кормить, воспитать, держать (корову)
» *упăшка*		кирг. *абышка, др.* уйг. *абушка*	муж; старик
» *куланай*		алт., шор. *калан*	
» *улттă*		тур., кирг. *алты*	подать, дань
» *пур*	» *пор*	тат., кирг. *бар,* тур. *вар*	шесть
» *уç*	» *оç*	тат., тур. *ач*	есть
» *уйăр*	» *ойăр*	тат., тур. *айыр*	открыть
» *хушка*		тат. *кашка*	отделить
			белое пятно на лбу лошади и д. т.

[1] Cp. G. Ramstedt. Zur Frage nach der Stellung des Tschuwassischen. JSFOu XXX S. 7. 1922—1923.

2. По всей вероятности, в чувашском языке в звуки *у* и *о* перешло только частично лабиализованное долгое *а*, а нелабиализованное *а* в начальном слоге многих слов оставалось без всякого изменения. Например: *атте* — отец, *анне, апи*—мать, *аппа* — старшая сестра, *ача* — ребенок, *ама*—мать, самка, *аçа*—отец, самец, *калăп* — форма, колодка, *калек, калак* — мешалка для теста, *ай* — низ, *намăс* — стыд, *аван, лайăх* — хороший, *аслă* — старший, *таса* — чистый, *ав* — вон и т. д.

Как видно из перечисленных слов, в чувашском языке с нелабиализованным *а* в первом слоге сохранились по преимуществу слова, часто употреблявшиеся в обиходной жизни, и слова, выражавшие эмоции и волеизъявление говорящего, а потому произносившиеся с особенной экспрессией и выразительностью. Сюда относятся междометия, подражательные слова, производные от них и некоторые другие слова. Например: *а, ай, ай-уй, ах, ою, аййук, ара, вара, пант, чари, чаш, чаш-чаш, кар, шак, шари, ак* — вот, *ахăр* — кричать, реветь, *ахлат* — охать, *хашлат* — вздыхать, *чашлат* — шипеть, *халтăртат* — громыхать, *шалтăртат* — стучать, *шакка* — стучать, *чашкăр* — шипеть и т. д.

Древнее *а* в начальном слоге сохранилось еще в тех чувашских словах, в которых первый слог, состоявший из одного гласного звука, с течением времени подвергся редукции и совсем отпал, а второй слог с своим обычным *а* очутился на первом месте. Например:

чув. *лаша*—лошадь	тат., башк., кумык. *алаша*	мерин
» *лаç*	М. Кашг. *алачу,* тат., кирг. *алачык,* к.-калп. *ылашык,* алт. *аланчык*	шалаш, летняя кухня
» *лав*	тркм. *улаг,* тат. *олау,*	подвода, воз
» *вак*	казах. *увак,* тур. *уфак*	мелкий
» *шан*	тат. *ышан,* Куд. бил. *ушан*	надеяться, верить и т. д.

Необходимо также указать здесь, что во многих тюркских языках современному чувашскому *а* первого слога соответствуют передние гласные *ä, е, и*. Возможно, что и в булгарском языке в соответствующих словах имелись гласные переднего ряда. Хорошо подтверждают это мадьярские заимствования из булгарского языка, где систематически выступают в этих случаях передние гласные. Чуваши же позднее заменяли их гласным заднего ряда *а*. Например:

чув. *ака,* мадьяр. eke—плуг, тюрк. *ик, эк,*	чув. *ак* сеять
чув. *кантăр,* мадьяр. kender, тат. *киндер*	конопля
чув. *сак,* мадьяр. szek, кирг. *секи,* тат. *сэке*	нары
чув. *такана,* мадьяр. teknö, тат. *тигэнэ,* тур. *текене*	корыто

чув. *каврăç,* мадьяр. köris, тат. *корыч,*		ясень
» баш. *корос*		поворачивать,
» *тавăр,* мадьяр. teker, тур. *джевир*		вращать
» *качака,* мадьяр. kecske, тур. *кечи*		коза
» *пар,* мадьяр. bér — плата, тат. *бир,* тур. *вер,* Куд. бил. бăр		дать
» *ар*	тат. *ир,* тур. *эр*	муж, мужчина
» *тар*	др.-тюрк., тур. *тер*	пот
» *арла(авăрла)*	тат. *эрлэ* , тур. *эгир*	прясть
» *кам*	тат. *кем,* тур. *ким*	кто
» *самăр*	тат. *симез,* тур. *семиз*	жирный
» *саккăр*	тат. *сигез,* тур. *секиз*	восемь
» *ашăк*—рогожа	тат., М. Кашг. *ăшўк*	грубый холст
» *çанă*	тат. *жин,* кирг. *жен*	рукав
» *хавшак*	тур. *гевшек,* туркм. *кавшак*	вялый и т. д.

Наличие звука *а* в начальном слоге целого ряда чувашских слов в современном языке можно объяснить также заимствованием его чувашами от татар в период казанского ханства и от русских в период завершения централизации русского государства. Сюда относятся слова:

чув. алка	тат. алга	серьга
» ахах (араб.)	» агак	сердолик
» арăслан, услан	» арслан	лев
» акăш, аккăш	» аккош	лебедь
» талак	» талак	селезенка
» тамăк	» тамык	ад
» капкăн	» капкын	западня; ловушка
» хапха	» капка	ворота
» карчăк	» карчык	старуха
» калай	» калай	белая жесть
» каптăрма	» каптырма	крючок, застежка
» явлăк	» явлык	платок
» аташ	» адаш	заблудиться
» кашăк	» кашык	ложка и т. д

Сравнительно легко узнаются в чувашском языке русские слова с *а* в первом слоге, проникавшие сюда вследствие культурного влияния русского народа на чувашей. Например:

мачча — матица, потолок, *калинкке* — калитка, *шаршан вутти* — швырковые дрова, сложенные в поленницу (ср. русск. сажень), *авăн* — овин, *хаçат* — газета, *майра* — русская женщина (ср. Мария), *матка* — жена, *кашни* — каждый и т. д.

Общетюркское *а* во втором от начала слоге и в последующих слогах в чувашском языке во многих словах сохраняется без изменения. Например:

чув. урпа	тат. арпа	ячмень
» лаша	» алаша	лошадь, мерин
» урхалăх	» аркалык	чересседельник
» урхамах	» аргамак	быстрая верховая лошадь
» хуран	» казан	котел
» хурама	» карама	вяз
» хуралт	» каралты	надворные строения
» хысма	» касмак	оскребки
» тăпра	к.-капл. *топырак,* тат. *туфрак,* тур. *топрак*	почва, земля
» тура́	тат., тур. *тарак,* туркм. *дарак*	гребень, расческа и т. д.

3. Другое тюркское *а* начального слога (*а* в слабом положении), по-видимому, еще в булгарском языке вследствие постоянных соприкосновений и взаимообщения булгар с соседними разноязычными племенами переродилось в *ы(и)*. Мадьяры в древнее время (IV—V вв.) заимствовали от булгар соответствующие культурные слова с звуком *ы(и)*. Например:

чув. *тына,* мадьяр. tinó, тат. *тана,* туркм. *дана*		телка
чув. *тылă,* мадьяр. tiló, тат. *талкы*		трепалка, льномялка
чув. *çыр,* мадьяр.	ir тат., тур. *яз*	писать
чув. (ĕне) *ырри,* мадьяр.	iго, тат. *угыз*	молозиво и т. д.

В современном чувашском языке указанному тюркскому *а* также во многих случаях соответствует звук *ы*. Например:

чув. *ылтăн*	тюрк. *алтын*	золото
» *тырă*—хлеба на корню и в зерне	тат., башк. *тары,* М. Кашг. *тарыг,* тур., туркм. *дары*	просо
» *тымар* (араб.)	тат. *тамыр,* тур., туркм. *дамар,* М. Кашг. *тамур*	корень, жила
» *пыл*	тур., тат. *бал*	мед
» *хырăм*	» » *карын*	живот
» *пыршă*	» *барсак*	кишки
» *ыр*	тат., алт. *ары,* араб.-фил. *ар,* туркм. *аар*	уставать, утомиться
» *йывăр*	тат., казах. *ауыр,* тур., туркм. *агыр*	тяжелый, трудный

» *пыр*	тат. *бар*, тур. *вар*	идти, отправляться
» *сыхла*	тат., тур. *сакла*	оберегать
» *çыпăç*	М. Қашг., узб. *йабыш*, к.-калп. *жабыс*	приставать, прилипать
» *хытă*	тур. *каты*, М. Қашг. *катыг*	твердый
» *хып*	тур., тат. *кап*	схватывать
» *ывăç*	уйг. *авуш*, тур. *авуч*	горсть, ладонь
» *тынă* (перев. еванг. 1820 г. стр. 134)	тур., тат. *танык*, др.-узб. *танук*	свидетель
» *ыйт*—спрашивать	алт., кирг. *айт*	сказать, говорить и т. д.

4. В области чувашско-тюркских звукосоответствий следует обратить внимание также на тюркские лабиализованные гласные *у*, *о*, которым в чувашском языке в ряде слов соответствуют те же звуки: в низовом диалекте *у*, в верховом *о*, например (в скобках даны диалектные формы верхового наречия):

чув. *çурт* (çорт)	башк. *йорт*, М. Қашг. *йурт*	дом, юрта
» *суккăр* (соккăр)	кирг., ойр. *сокор*, тур. *кör*	слепой
» *çул* (çол)	тюрк. *юл*, тур. *йол*, ойр. *дьол*, як. *суол*	дорога
» *хурт* (хорт)	тур., узб., кирг., алт., курт, тат., башк. *корт*	червь
» *ухă* (охă)	ойр. *ок*, М. Қашг. *ок*	лук
» *хурçă* (хорăç)	тат. *корыч*, казах. *курыш*	сталь
» *урам* (орам)	башк., тат. *урам*, казах. *орам*	улица
» *хуш* (хош)	кирг., туркм., алт. *кош*, тат., башк., узб. *куш*	добавить, прибавить
» *пушă*	тат. *буш*, кирг. *бош*	пустой
» *кулă* (колă)	узб. *кулги*, алт. *күлкү*	смех
» *тусан* (тосан)	тур. *тоз*, кирг. *тозон*, тат., башк. *тузан*	пыль, прах
» *çук* (çок)	тат. *юк* (йук), тур. *йок*, шор. *чок*	нет
» *пулăш* (полăш)	тат. *булыш*, уйг. *болуш*	помогать
» *усал* (осал)	тат., башк. *усал*	злой
» *хур* (хор)	др.-тюрк. *код*, тат. *куй*	класть и т. д.

В ряде же слов тюркские *у* и *о* на чувашской почве делабиализовались и редуцировались в *ă*. Мы говорим «делабиализовались» потому, что в древнебулгарском языке, как указывают мадьярские заимствования из него, они звучали как *у*, *о*. И в современном верховом чувашском диалекте в некоторых словах звук этот произносится как лабиализованное *ă*. Например:

чув. *хăрăм*	мадьяр. korom	тур. *курум*	сажа
» *хăмла*	komlô	башк. *комалак*	хмель
» *пăрça*	borsô	кирг. *буурчак*	горох
» *çăм, çум*	gyom	тел. *йон*	сорная трава
» *пăрăç*	bors	башк. *борос*	перец
» *пăру*	borjú	М. Қашг. *бузагу*, тат. *бозау*	теленок
» *хăнтăр*		тат., тур. *кундуз*	бобр
» *тăрна*		кирг., тур. *турна*, азерб. *дурна*	журавль
» *вăрă*		тюрк. *уру, уруг*	семя
» *тăпра*		тур. *топрак*	земля, почва
» *хăла*		кирг. тур., туркм. *кула*, хак. *хула*	саврасый и т. д.

5. Чувашское *ӳ* в одних словах соответствует тюркскому *ӳ*, *ö*, а в других — тюркскому *у*. Например:

чув. *кӳлĕ*	тур. *göл*, алт., кирг. *көл*	озеро
» *тӳме*	тур. *дӳгме*, узб. *тугма*	пуговица
» *тӳшек*	М. Қашг. *тушăк*, тат. *тӳжэк* (алт. *төжөк*—постель)	перина
» *хӳре*	др.-тюрк. *кудрук*, тур., кирг. *куйрук*	хвост
» *тӳпе*	М. Қашг. *төбö*, тат. *тӳбэ*, алт. *төбе*, др.-тюрк. *төпä*	вершина, верхушка
» *çӳхе*	кирг. *жука*, тат. *юка*	тонкий
» *çӳре*	тур. *йӳрӳ*, ойр. *дьур*, алт. *йӳр*	ходить
» *кӳл*	тур. *кош*, туркм. *кош*	запрягать
» *сӳнтер*	тур. *сöндүр*, туркм. *соондир*	потушить
» *ӳсĕр*	тур. *öксүр*	кашлять
» *сӳре*	туркм. *сӳйре*	борона и т. д.

Общетюркское *ӳ* в ряде случаев делабиализовалось в *ĕ*, например:

чув. *кĕпер*	тат. *күпер*, тур. *köprü*	мост
» *кĕмĕл*	кирг., ойр. *күмүш*, тур. *gümüш*	серебро
» *тĕлĕк*	тр.-тюрк. др.-уйг. *түл*, кирг., алт. *түш*, башк., тат. *төш*	сновидение
» *кĕр*	кирг. *күз*, тур. *güz*	осень
» *кĕл*	алт., тур., кирг., кумык. *күл*	зола
» *çĕр*	ойр. *дьус*, шор. *чüс*, тур. *üüz*	сто
» *кĕреш*	алт. *күреш*, тур. *güreш*	бороться и т. д.

Процесс делабиализации и редукции *ӳ* в чувашском языке не закончился. В некоторых словах древнетюркское *ӳ* в одних говорах произносится как *ӳ*, а в других как *ӗ* или как лабиализованное *ӗ*. Например:

чув. *кӗкӗрт* и *кӳкӗрт*	ср. кирг. *кӳкӳрт* сера
чув. *кӗпчек, кӳпчек*	заимств. из перс. *гӳгард*
чув. *пӗркенчӗк*, тат. *бӧркэнчек, пӳркенчӗк*	кирг. *кӳпчӧк* ступица тараич. *пӳркенджи* покрывало
чув. *тӗшек, тӳшек*, тат. *түжәк*	перина

Достойно внимания и то, что в иных говорах чувашского языка древнее *ӗ* подверглось лабиализации и стало произноситься как *ӳ*. Например:

чув. лит. *кӗрт*	диал. *кӳрт*	ср. тат. *кӗрт*	впустить, дать войти
» *ӳсӗр*	» *ӗссӗр*	» *исерек*, алт. *үзирик*, М. Кашг. *äсрӳк*	пьяный
» *тӳпе*		тур. *tepe*, тркм. *depe*	вершина
» *чӳрече*		тат. *тәрәзә*, кирг., тркм. *терезе*	окно
» *ӳт*—тело		тур. *эт*, тат. *ит*	мясо и т. д.

6. Тюркское *ы* в весьма редких случаях и только в начальном слоге остается в чувашском языке без изменения. Например:

чув. *хыр*	башк. *кыр*	скоблить, брить
» *çырт* — кусать	тркм. *йырт*	разрывать
» *çырма* — овраг	тур. *ырмак*	река
» *ыра*	абак. *ыр*, тат. *ырмау*	паз
» *ытар:* ытармалла мар чипер—настолько красив, что нельзя оторваться	др.-тюрк. *ытар*	отстранять

В ряде слов чувашское *ы* восходит к древнетюркским звукам *у* и *о*, которые на чувашской почве делабиализовались и редуцировались в *ы:*

чув. *тыт*	тур., кирг. *тут*	держать
» *ывӑл*	М. Кашг., тур. *оғул*, кирг. *уул*	сын
» *выр*	тат. *ур*, кирг. *ор*	жать
» *вырӑн*	Куд. бил., кирг. *орун*	место
» *шыв*	др.-тюрк. *суб*, алт., тур. *су*, хакас. *суг*, тркм. *сув*	вода
» *ыйхӑ, ыйӑх*	М. Кашг. *у, уд, уду*, кирг., тур. *уйку*, тув. *уйгу*, тат. *йокы*	сон

В большинстве же случаев и в первом и в последующих слогах тюркскому *ы* в чувашском языке соответствует редуцированный гласный звук *ӑ*. Необходимо также заметить, что в тюркских языках (тат., башк.) орфографическое *ы* не в начальном слоге и по своей фонетической природе почти совпадает с чувашским *ӑ*, они произносятся в этом положении более или менее одинаково:

чув. *хӑяр*	тат. *кыяр*, тур. *хыяр*, перс. *хаяр*	огурец
» *хӑях*	уйг., тат. *кыяк*	осока
» *хӑюсӑр*	тат. *кыюсыз*	робкий, застенчивый
» *утӑм*	тур., тат. *адым*	шаг
» *тӑвӑр*	кирг., тат. *тыгыз*	тесный
» *тӑнла*	тат., башк. *тынла*, тур. *динле*	слушать с вниманием
» *тӑрӑш*	каз., кирг. *тырыш*	стараться и т. д.

7. Общетюркские гласные *и, э(е)* в чувашском языке отражаются как *и* или как редуцированное *ӗ*. Напр.:

чув. *ирӗк*	тат. *ирек*, к.-калп. *еркинлик*	свобода
» *иккӗ*	тур. *iки*, тат. *ике*	два
» *кимӗ*	кирг. *кеме*, тур. *геми*	корабль
» *чикӗ*	кирг. *чек*, тат. *чик*	межа, граница
» *пилӗк*	кирг., тур. *бел*, тат. *бил*	поясница
» *кирлӗ*	тат. *киреклӗ*, тур. *герекли*	нужный
» *кил*	тат. *кил*, тур. *гел*	приходить
» *ирӗл*	тат. *эр*, тур. *эри*	таять
» *тимӗр*	тур., тркм. *демир*, алт. *темир*	железо и т.д.

8. Говоря о соответствии между звуками чувашского и других тюркских языков, нельзя также умолчать об одной характерной особенности, присущей исключительно чувашскому языку и отличающей его от остальных тюркских языков. Особенность эта заключается в том, что здесь в начале многих слов, начинающихся с гласного звука, появились в качестве своеобразного придыхания протетические звуки—спиранты *в* и *й*. Спирант *в* присоединяется только к словам, которые в других тюркских языках начинаются с лабиализованных гласных *о, у, ӧ, ӳ*, восходящих, по-видимому, к долгим *о, у, ӧ, ӳ*. При этом тюркские *о* и *у* делабиализуются и редуцируются в *ӑ* или *ы*, а *ӧ* и *ӳ* — в *ӗ* или *и*. Напр.:

чув. *вӑл*	тат. ул, к.-калп. *ол*, тур. *о*	он
» *вырӑн*	тат. *урын*, кирг., тркм. *орун*	место
» *вутӑ*	тат. *утын*, кирг., М. Кашг. *отун*, тур., ойр. *одун*	дрова

чув.	*вăйă*	тур., кирг. *ойун*, тат. *уйнау*	игра
»	*вăлта*	тур., тркм. *олта*	удочка
»	*валак*	баш., шор. *улак*	корыто, желоб
»	*валĕ*	др.-уйг. *ӱлӱг*, ойр. *ӱлӱ*, казах. *ӱлес*	доля, часть
»	*вăтан*	тур., тркм. *утан*	стыдиться
»	*вăрăм*	тат. *озын*, тур., кирг. *узун*	долгий, длинный
»	*вăрлăх*	тат. *орлык*, кирг. *урук*	семя
»	*вăран*	тур., тат. *уйан*, кирг. *ойгон*	проснуться
»	*вăтăр*	кирг., тур. *отуз*, тат. *утыз*	тридцать
»	*вăта, вăтам*	тат. *урта*, тур. *орта*, кирг. *орто*	средний
»	*ват*	тат. *от*, тур. *од*	желчь
»	*вил*	тур., кирг. *öл*, тат., башк. *ӱл*	умереть
»	*вĕр*	тат. *öр*, к.-калп. *ӱрле*	дуть
»	*вĕрен*	тат. *öйрэн*, тур. *ögren*, кирг. *ӱйрöн*	учиться
»	*виççĕ*	тур., кирг. *ӱч*, к.-калп. *ушь*, тат. *öч*	три
»	*вичкĕн*	тат. *ӱткен*, башк. *ӱткер*, к.-калп. *өткир*	острый
»	*витĕн*	кирг. *ötун*, казах. *отин*	умолять, просить
»	*вирт яр*	тел., алт., чаг. *örт яз*	палить прошлогоднюю траву, жнивье и т. д.

Звук *й* обычно появляется перед словами, начинающимися в других тюркских языках с долгого нелабиализованного звука. Напр.:

чув.	*юс* (йус)	тат., башк. *ас*, кирг. *арс*	горностай, ласка
»	*ят*	азерб. *ад*, уйг., кирг., тат. *ат*	имя
»	*йăран*	башк., тат. *ызан*	грядка, межа
»	*йывăр*	М. Кашг., тур. *агыр*, к.-калп. *авыр*, алт. *уур*, кирг. *оор*	тяжелый, трудный
»	*юх* (йух)	тат., башк., тур. *ак*	течь
»	*йывăç*	тат., тур. *агач*, др. тюрк. *йыгач*	дерево
»	*йытă*	кирг. *ит*, тат. *эт*, тув. *ыт*	собака
»	*ял* (йал)	кирг. *эл*, тркм. *ил*, алт. *ал*	народ, деревня
»	*йĕр*	тат., тур., кирг. *из*, алт *ис*	след
»	*йĕнĕ*	тур., к.-калп. *ин*, тат. *ӧн*	нора животных

»	*йĕкĕр*	тат. *игез*, тур. *икиз*	пара, близнецы
»	*йĕке*	тркм. *ик*, тур. *иг* уйг. *йик*	веретено
»	*йăх*	алт., др.-тюрк. *ук*	начало, род и т. д.

9. Из других особенностей, касающихся взаимоотношений и соответствий между чувашским и другими тюркскими языками в области вокализма, необходимо отметить еще то, что нередко в чувашских словах встречаются гласные переднего ряда там, где в остальных тюркских языках в соответствующих словах имеются исключительно гласные заднего ряда. Например:

чув.	*хĕр*	др.-тюрк. *кыз*, тув. *кыс*, хак. *хыс*	девушка, дочь
»	*хĕç*	др.-тюрк. *кылыч*	меч
»	*хĕрлĕ*	др.-тюрк. *кызыл*	красный
»	*пĕвер*	шор. *пагыр*, алт. *пуур*, кирг. *боор*, тат. *бавыр*	печень
»	*хĕсĕр*	кирг., тат. *кысыр*, алт. *кызыр*	яловая
»	*хӳшĕ*	тюрк. *куш*, кирг. *кош*	шалаш
»	*çĕлен*	тур. *йылан*, к.-калп. *жлан*	змея
»	*çĕмĕрт*	тат. *шомырт*, башк. *шоморт*, алт. *йымырыт*	черемуха
»	*çемçе*	кирг. *жумжак*, тат. *йомшак*	мягкий
»	*чĕрне*	тат. *тырнак*, кирг. *тырмак*, тркм. *дырнак*	ноготь и. д.

В другой группе слов мы находим совершенно обратное явление: в чувашском языке — гласные заднего ряда, а в тюркских языках — гласные переднего ряда. Относительно этой особенности В. Радлов в 80-х годах прошлого столетия категорически заявлял, что ни в одном из тюркских языков, кроме чувашского, не наблюдается подобное явление [1].

чув.	*алăк*	башк. *ишек*, кирг. *эшик*, алт. *эжик*.	дверь
»	*ар*	тат. *ир*, тур. *эр*	муж, мужчина
»	*кун*	алт. *кӱн* тат., башк. *көн*, тур. *гӱн*	день
»	*куç*	тат. *кӱз*, тур. *гöз*	глаз
»	*кантăр*	алт. *кендир*, тат. *киндер*	конопля
»	*саккăр*	тур. *секиз*, тат. *сигез*	восемь
»	*сасă*	тур., тркм., казах., гагауз. *сес*	голос
»	*тăваттă*	тат. *дӱрт*, тур. *дörт* алт. *төрт*	четыре

[1] W. Radloff. Phonetik der nördlichen Türksprachen. 1. 1882—1883, S. 89.

»	*хăнăх*	кирг. *көнүг*, тат. *күнег*, к.-калп. *көниг*	привыкнуть
»	*самăр*	тур. *семиз*, тат. *симес*, алт. *семис*	жирный
»	*шăпăр*	тат. *себерке*, тур. *сүпүргэ*	метла
»	*кăнтăр*	тур., уйг. *күндүз*, тат. *көндез*	днем
»	*кăмăл*	тат. *күңел*, тур. *гönул*	сердце, сердечное расположение и т. д.

Изменение гласных звуков. Мы рассмотрели гласные звуки в отдельном, изолированном произношении, вне сочетаний с другими звуками. Во время нашей речи мы обыкновенно произносим не отдельные звуки, а звукосочетания или слова. Звуки в отдельном произношении отличаются от звуков в звукосочетаниях. Непрерывно следующие одна за другой артикуляции не могут не влиять друг на друга, а потому в живой речи мы встречаемся с многочисленными отклонениями от обычной нормы произношения отдельных звуков. «Произношение каждого отдельного звука, как гласного, так и согласного,— говорит проф. Б. А. Богородицкий,— представляет собою три момента: 1) соответствующие части говорильного аппарата из своего индифферентного, т. е. спокойного, положения двигаются к положению, нужному для произнесения данного звука (экскурсируют или выходят на работу), 2) достигнув этого положения, удерживаются в нем некоторое время и 3) артикулирующие части снова переходят в индифферентное положение (рекурсируют или возвращаются с работы)» [1]. При произношении отдельного звука органы речи, выполнив свою работу, возвращаются в состояние покоя; этого не бывает при произношении звуков в словах. Органы речи здесь продолжают непрерывно работать (артикулировать): за гласным могут следовать согласные того же слога, и в этом случае рекурсия гласного сливается с экскурсией следующего согласного, а рекурсия согласного с экскурсией следующего гласного или согласного и т. д. Таким путем легко создаются различные оттенки произношения одного и того же звука в различных звукосочетаниях. Например: два оттенка звука *э(е)* различаем в словах *эсир* и *тет*. В первом случае слышится сравнительно широкое *э*, а во втором — узкое. Точно так же, если ми возьмем звук *э*, в слове *эрни* в сочетаниях *çăв эрни* и *вырăс эрни* и родственный ему звук *а* в получившихся из этих сочетаний сложных словах *çăварни*—масленица и *вырсарни* (кун) — воскресенье, то сразу заметим, что эти чередующиеся между собою звуки, несмотря на единство происхожде-

[1] В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики. Казань, 1911, стр. 31.

ния, резко отличаются друг от друга. В сложных словах первоначальное *э(е)* под влиянием предшествующих гласных заднего ряда постепенно расширялось и окончательно перешло в *а*. Сравни также гласные звуки в словах: *пĕр татăк, пăртак* и *пĕртик* и др. Вообще влияние соседних звуков всегда сильно сказывается в связной, непрерывной речи. Артикуляции, необходимые для производства одних звуков, могут наступать раньше времени или распространяться на последующие звуки, от чего происходят разные оттенки звуков, которые в письме иногда даже и не различаются. Например, мы одинаково обозначаем звуки *к, л, м* в словах *кăмăл, кĕмĕл, кул, күл, кил, кам*, хотя произносим их различно в зависимости от соседних гласных: в одних случаях твердо, в других — мягко, в третьих—лабиализованно. Изменения, зависящие от влияния соседних звуков, называются *комбинаторными*, или *позиционными*.

При комбинаторном изменении гласных ударение также играет немаловажную роль. Усиление ударяемого слога вызывает обыкновенно ослабление рядом стоящего неударяемого и даже иногда и полное исчезновение его. В силу этого в словах *вутă, алă, сывă, кивĕ, çĕнĕ* и др. при употреблении их в сочетаниях с другими словами конечные редуцированные гласные *ă* и *ĕ*, как стоящие в слогах непосредственно за ударением, в некоторых районах совсем не произносятся, выпадают. Например: *вут тат* — коли дрова (вм. вутă тат), *ал сурать* — руку ломит, *сыв пул* — будь здоров, *Кивьял* — Старая деревня, *Çĕньял* — Новая деревня и т. д. По этой же причине во многих словах конечные *ă, ĕ* совсем утрачены и о былом существовании их можно судить только по соответствующим полным формам, уцелевшим в отдельных говорах или узнать путем специальных лингвистических разысканий. Например: *лаç(ă)*, ср. кирг. *алачык* — лачуга и др. Влиянию ударения мы должны приписать также изменение ударяемого *и* в *ĕ* в неударяемом положении в словах: *пúç* — вариться , *пĕçéр* — варить; *вúл* — умереть, *вĕлéрнĕ* — убили; *кúв* — толочь, *кĕвентé* — длинные песты, которыми толкут белье корыте; 2. коромысло.

Кроме физиологического фактора, в изменении звуков значительную долю участия принимает и фактор акустический, состоящий в замене одного звука другим, возможно, вследствие ослышки или недослышания в связной речи некоторых звуков и даже слов. Последнее особенно часто наблюдается в тех случаях, когда с различиями в произношении не связаны различия в значении. Безусловно ослышке обязано, например, появление в чувашских диалектах выражений и слов с перестановкой звуков, как *ыран мар пĕркунне* (вместо ырантан тепĕр кунне или ыран мар, тепĕр кунне) — послезавтра, ср. ткм. *беригюн, бүйргүн; аптăр* (вм. *атпăри=атă+пăри*) шило, диал. *кăрмăк* (вместо *кăмрăк*) — уголь, *омла* (вместо улма) — яблоко и т. д.

В иных случаях на изменение звуков действуют и психологические факторы. Изменения звуков психологического характера происходят главным образом по аналогии, или морфологической ассимиляции, т. е. из-за стремления одних форм уподобиться другим. Изменения по аналогии состоят в том, что одни звуки речи заменяются другими звуками под влиянием слов, связанных с данным словом по закону психической ассоциации, по ассоциации сходства. Например, диалектное изменение формы *çийеп* в *çийап* (вернее, замена звука *э* звуком *а* в этой форме), по нашему мнению, произошло под влиянием аналогии: формы со звуком *а* после *й*, как: *кайап, суйап, уйап, туйап, пуйап, тайап, хăйап* и др. привели в некоторых говорах к образованию формы *çийап* — ем, *тийап* — говорю и т. д.

Иногда бывает и так, что историческое изменение звуков налицо, но причины его неизвестны. Происшедшее в языке изменение звуков мы констатируем, но объяснить его не можем ни влиянием соседних звуков, ни влиянием ударения, ни ослышкой, ни аналогией и пр. Такое изменение звуков в языкознании принято называть спонтанным (от латинск. слова spontaneus — самопроизвольный). Примером спонтанного изменения в чувашском языке может служить полное исчезновение задненёбного звука *н*, который обозначается или буквой *н* с маленьким хвостиком или лигатурой букв *н* и *г*. Звук этот исчез у чувашей во всех положениях в неизвестную эпоху, но во многих тюркских языках он сохранился. Например:

чув.	йăнăш	тюрк.	ян(г)ылыш	ошибка
»	янăр	»	янгур	звучать
»	çĕнĕ	»	ян(г)а	новый
»	тан	»	тан(г), тен(г)	ровный, равный
				и др.

К спонтанному же изменению нужно отнести также переход общетюркского глубокозаднеязычного *к* в спирант *х* во всех положениях — и в начале, и в середине, и в конце слова:

чув.	хачă	тюрк.	кайчы	ножницы
»	сухал	»	сакал	борода
»	хĕрĕх	»	кырык	сорок и т. д.

С подобными вводными замечаниями об изменении звуков мы переходим к обзору отдельных, более крупных видов изменения гласных звуков в чувашском языке — к ассимиляции и чередованию их.

Ассимиляция гласных звуков. Ассимиляция (от латинск. слова assimilatio — делать похожим, уподоблять), или уподобление,

составляет особый вид изменения звуков под влиянием соседних звуков. Процесс ассимиляции состоит в том, что одни звуки речи меняют свои артикуляции под влиянием других и применительно к другим, в результате чего одни звуки уподобляются другим, соседним или близким к ним, или даже совсем заменяются другими. Ассимиляция бывает двух видов — прогрессивная, иначе прямая, и регрессивная, или обратная. Прогрессивная наблюдается в тех случаях, когда последующий звук уподобляется предшествующему, напр., мы говорим *чăвашшем* вместо *чăвашсем* (ассимиляция звуков не всегда отражается в орфографии). В данном случае последующий звук *с* уподобился предшествующему *ш*, в результате получилось долгое *ш* или протяжное произношение звука *ш*. При регрессивной ассимиляции артикуляция последующего звука подчиняет себе артикуляцию предыдущего звука или предшествующий звук ассимилируется с последующим. Например, вместо *вулатпăр* мы произносим *вуллаппăр*. Ассимиляция называется полною, если один звук всецело заменяется другим, как в вышеприведенных примерах. Ассимиляция бывает неполная, частичная, если один звук частично только приспособляется к другому звуку. Из случаев неполной ассимиляции можно указать, например, смягчение чувашских согласных в положении перед и после гласных переднего ряда. Например: *кĕмĕл* — серебро, *пӳрт* — изба, *пир*—холст, *йĕлме* — ильма и др. Здесь артикуляция палатальных гласных распространяется и на соседние согласные. Различают еще ассимиляцию соседних или смежных звуков, как в вышеуказанных примерах, и ассимиляцию несоседних или несмежных звуков, когда уподобляемый звук находится от уподобляющего через один или несколько звуков — вперед или назад. Например: *ку+çĕр=кĕçĕр* или *вăл+сем=вĕсем*. Здесь гласные звуки первых слогов *у* и *ă* часто уподобляются несоседним звукам *ĕ* и *е* (неполная регрессивная ассимиляция несмежных звуков).

В чувашском языке не встречаются сочетания двух гласных, а потому об ассимиляции смежных гласных не может быть речи. Здесь, как и в других агглютинативных языках, более употребительною является неполная прогрессивная ассимиляция несмежных гласных звуков, легшая в основу так называемого закона гармонии гласных или закона сингармонизма.

Закон сингармонизма. Характерной особенностью чувашского вокализма является так называемый закон гармонии гласных, или закон сингармонизма. Он представляет собою, как выше было замечено, частный случай прогрессивной ассимиляции гласных и состоит в том, что гласный звук начального слога занимает господствующее положение в слове, от него зависит характер гласных (отчасти и согласных) следующих слогов, которые уподобляются ему по палатальности и непалатальности. В силу этого в каждом отдельном слове обычно бывают гласные

только одной категории — или все переднего ряда с палатализованными (мягкими) согласными или же все заднего ряда по преимуществу с непалатализованными (твердыми) согласными. Например, в словах *салам* — привет, *мухтав* — хвала, слава, *хула* — город, *хăват* — сила, мощь, *шухăш* — мысль, *халăх* — народ, *паттăр* — богатырь, *хавас* — рад, *тăван* — родной, родственник, *хыпар* — весть, молва, *сывлăш* — воздух мы имеем исключительно гласные заднего ряда (велярные) и обусловленные ими твердые (непалатализованные) согласные. В другом ряде слов, наоборот, мы встречаем исключительно гласные переднего ряда (палатальные) и в зависимости от них палатализованные (мягкие) согласные: *ĕмĕр* — век, *вĕçевçĕ* — летчик, *кĕмĕл* — серебро, *тинĕс* — море, *никĕс* — основание, фундамент, *пӳске* — мяч, клубок, *пӳлĕм* — комната, *хӳре* — хвост, *хĕрлĕ* — красный, *вĕри* — горячий, *çӳре* — ходить, ездить и т. д.

Кроме того, в чувашском языке в силу закона гармонии гласных вокализм корня всецело определяет вокализм аффиксов — и словообразовательных и словоизменительных. Если в основе слова гласные заднего ряда, то и в аффиксах гласные заднего ряда, а если в основе гласные переднего ряда, то и в аффиксах переднего ряда. В аффиксах наблюдается закономерное соответствие между гласными переднего и заднего ряда. Закономерность эта выражается в следующем виде:

звуку *а* соответствует звук *е*
» *ă* » » *ĕ*
» *у* » » *ӳ*
» *ы* » » *и*
диал. лаб. *ă* » лаб. *е́*

Например: Им. *ывăл* сын *хĕр* дочь
Род. *ывăлăн* *хĕрĕн*
Дат. *ывăла* *хĕре* и т. д.
Им. *ывăлăм* — мой сын *хĕрĕм* моя дочь
ывăлу — твой сын *хĕрӳ* твоя дочь;
или: *ывăллăх* — сыновство *хĕрлĕх* девичество
вăрманлă — лесистый *пĕлĕтлĕ* облачный
лашасăр — без лошади *ĕнесĕр* без коровы

или: *çывăх* — близкий, *çывхар* — приближаться, *çывхарса* — приближаясь, *çывхарсассăн* — приблизившись; *пĕл* — знать, *пĕлтер*—сообщать, *пĕлтерсе*—сообщая, *пĕлтерсессĕн*—сообщив и т. д. Сложные слова и слова, заимствованные из других языков, прежде также подчинялись этому закону. Например: вместо *куçĕр, вăлсем* мы имеем *кĕçĕр* — в эту ночь, *вĕсем* — они. Русские слова: губерния, книга, лекарь, деготь, тарелка, хитрый, грабли и пр. принимают здесь форму, согласную с сингармонизмом: *кĕпĕрне, кĕнеке, лекĕр, тикĕт, хитре* (красивый, изящный), *кĕрепле* и т. д.

Насколько закон палатального сингармонизма в старое время представлял органическое явление в чувашском языке, ясно видно из того, что в фольклоре, отчасти и у писателей, нередко встречаются целые четверостишия из слов, содержащих в себе или одни велярные гласные, или одни палатальные гласные. Например:

Чупрăм тухрăм ăрама
Қалас сăмахăм пулнăран;
Қалас сăмахăма калаймарăм
Çамрăк кăмăлăм тулнăран.

Запис. в д. Аксу.

Хура вăрман хумханать,
Хура лаша хартлатать.
Хура лаша ан хартлат;
Хурамаран ма хăран?

Из баллады Федорова «Арçури».

Чĕмпĕртен илтĕм чĕн йĕвен
Чĕннĕ çĕре çӳреме
и т. д.
Фольклор

Сивĕрех çилĕ
Силлентерчĕ,
Ик-виçĕ çĕрлĕ
Силлентерчĕ.

Н. Васянка.

Случаи нарушения сингармонизма в основах слов. Закон гармонии гласных довольно крепко держался в чувашском языке только в более ранние стадии его развития и по преимуществу в основах слов. Позднее, по мере лексического обогащения языка и грамматического развития его, этот закон стал постепенно нарушаться. Нарушения эти происходили вполне закономерно и в основах слов и в аффиксах. В основах слов закон сингармонизма нарушался главным образом в следующих случаях:

1. При образовании сложных слов из двух и более основ — основы с гласными переднего ряда и основы с гласными заднего ряда. Во избежание искажения смысла сочетаемых слов вокализм их часто оставался без изменения, без приспособления к требованиям закона гармонии гласных. Например: *çĕршыв* (*çĕр* — земля, *шыв* — вода) — страна, природа, *пускил* (*пусă*— ключ, колодец, *кил* — дома) — сосед, *тумтир* (*тум* — наряд, ср. тюрк. *тун* — шуба, *тир* — шкура) — одежда, *çипуç* (*çи* — верх, поверхность, *пуç* — голова) — одежда, наряд, *ăшчик* (*ăш* — внутренность, *чикĕ* — граница)—внутренность, *лит-куç* (*пит* — лицо, *куç* — глаз) — лицо, физиономия, *пĕркун, пĕркунне* (*пĕр* — один, *кун* — день) — недавно, *кĕркунне* (*кĕр* — осень, *кун* — день) — осень, осенью, *тĕпсакай* (*тĕп* — дно, *сак* — нары, *ай* — низ) — подполье, *вунпиллĕк* (*вун* — десять, *пиллĕк* — пять) — пятнадцать и т. д.

2. Что касается другой группы слов с нарушением закона гармонии гласных в основе слов с гласными заднего ряда и с *и* на конце, то некоторые из них, как *ати* (ад'и), *ани* (ан'и), *апи* (аб'и), *кукки, мăнаçи, кукаçи,* по нашему мнению, представ-

ляют звательно-ласкательные формы. Возникли они фонетически, из первоначальных форм *ата, ана, апа, кукка, кукаҫа* с прибавлением аффикса ласкательности *ай* или *ей: ата+ай* или *ати+ей=ати, ана+ай* или *ана+ей=ани* и т. д. В диалектах сохранились и полные формы: *апай, кукаҫей, мучей* и т. д. По-видимому, в данном случае мы имеем дело с фонетическим явлением, однородным с диалектным чередованием (соответствием) в чувашском языке *ай* и *ей* с *и*, напр., низовые формы глаголов возможности с *ай* и *ей*, как *пыраймастăп* — не смогу прийти, *илейместĕп* — не смогу взять, *ҫитейместĕп* — не смогу дойти; у верховых чувашей звучат: *пыримастăп, илимастăп, ҫитимастăп* (*и* широкое). Возможно, аналогичным же образом образовались формы *пăри* (тат. бодай) — полба, *тăри* (тат. торгай, *г* фрикат.) — жаворонок, *тиха* (диал. *тыйха*) — жеребенок, *пихамбар* (от персид. пейгамбар, *г* фрикат.) — покровитель скота (вышло из употребления). Монофтонгизация дифтонгов *ай* и *ей* объясняется фонетически. Второй компонент, т. е. неслоговое *и*, постепенно усиливался и превратился в слоговое *и*, а первый компонент, несколько ослабляясь, ассимилировался со вторым.

3. Довольно часто нарушения гармонии гласных наблюдаются также в словах, заимствованных из чужих языков. Нарушения эти, по-видимому, объясняются желанием говорящих по возможности точнее передать чужое произношение, хотя точность эта как будто почти всегда разбивалась в старое время об упорство или, вернее, неспособность речевого аппарата чувашей производить непривычные для него артикуляции, для непривычных его слуху звуков и их сочетаний чужого языка. Например, слова *халĕ* — теперь, *хатĕр* — готовый — арабские заимствования. В заимствованиях из русского языка имеем те же нарушения: *старик* (*к* мягкое) — старик, муж, *хăваттер, хваттир* — квартира, *праҫник* — праздник, *кучченеҫ* — гостинец, *причак* — присяга, *часси* (*и* широкое) — часы, *Михаля* — Михайла, *Пăраски* — Перасковья, Прасковья, *Тарье* — Дария и т. д. В наше время закон сингармонизма во многих случаях нарушается. Из русского языка переходят в чувашский язык слова в точном русском литературном произношении и почти в точной орфографии. Часто ни одного звука не изменяют в них в пользу закона сингармонизма. Ср. слова: *коммунизм, марксизм, диктатура, совет, депутат, большевик, инженер, колхоз, колхозник, район, группа, истори, операци* и т. д. Объясняется это тем, что слова эти переходят в чувашский язык не через устную речь, а через письменную.

Случаи нарушения сингармонизма в аффиксах. Ввиду того, что закон сингармонизма некогда был основным законом чувашского вокализма, в чувашском языке выработались парные аффиксы, т. е. аффиксы в двоякой огласовке: одна огласовка

для слов с палатальными гласными, а другая огласовка — для слов с непалатальными гласными. Это относится и к словообразовательным и к словоизменительным аффиксам. Например: *лă—лĕ, лăх—лĕх, сăр—сĕр, ăм—ĕм, а—е, у—ӳ* и т. д. Однако некоторые аффиксы появились только в одном варианте, по преимуществу в палатальном, и при употреблении их в словах с гласным заднего ряда закон гармонии гласных, естественно, нарушался. К непарным аффиксам, вызвавшим нарушение закона сингармонизма, относятся:

1) Аффикс множественного числа *-сем*. Напр.: *ҫынсем* — люди, *лашасем* — лошади, *ҫăлтăрсем* — звезды, *пухусем* — собрания и т. д.

2) Притяжательные аффиксы третьего лица *-ĕ, -и, -шĕ*, применяемые одинаково к словам и с велярными и с палатальными гласными. Например: *ывăлĕ* — его сын, *тăшманĕ* — его враг, *январь уйăхĕ* — январь месяц, *ҫуртырри* — яровой хлеб, *Шупашкар хули* — город Чебоксары, *кил хуҫи* — домохозяин.

Поименованные аффиксы принадлежности, употребляясь в качестве личного окончания третьего лица, нарушают закон гармонии гласных также и у глаголов, состоящих из непалатальных гласных. Например: *вулат(ĕ), вулĕ, вуларĕ, вуламаст(ĕ), вуламĕ, вуламарĕ* и т. д.

3) Именные аффиксы *-хи, -ри, -ти, -чи, -скер, -сем*, аффикс наречий и деепричастий *-чен* (послелог) и недостаточный глагол *-чĕ* при основах с гласными заднего ряда также не подчиняются закону гармонии гласных. Например: *каҫхи* — вечерний, *хулари* — находящийся в городе, *вăрманти* — находящийся в лесу, *ҫăварĕнчи* — находящееся в его рту, *ватăскер* — будучи старым, *кунерсем*—житель дер. Кунер, *ыранччен*—до завтра, *париччен* — прежде чем дать, *аванччĕ, лайăхчĕ* — хорошо бы было и т. д.

Таким образом, закон гармонии гласных в современном чувашском литературном языке начинает утрачивать свою силу. Ослабление палатальной аттракции, по всей вероятности, происходит здесь под влиянием русского языка, по своему фонетическому строю на данном этапе совершенно чуждого закону сингармонизма [1].

Лабиальный сингармонизм. Кроме палатального сингармонизма, в чувашском языке, чак и в других тюркских языках, действует еще сингармонизм губной, или лабиальная аттракция. В отличие от сингармонизма палатального, он проявляется здесь в довольно узких рамках. Прежде всего, губной или лабиальный сингармонизм выражен не во всем чувашском языке, а только

[1] См. нашу работу «Закон гармонии гласных в чувашском языке». Научно-педагогический сборник, вып. IV, Казань, 1928, стр. 33—63.

в верховом наречии и в переходных диалектах. Чуваши же низовые совершенно не знают этого явления. Сфера проявления губного сингармонизма значительно ограничена. Не все лабиализованные гласные начального слова оказывают лабиализующее влияние на остальные гласные звуки основы и аффиксов, а исключительно только редуцированные лабиализованные гласные *ӑ* и *ӗ*, восходящие в первом слоге к наиболее древним *у* и *ӳ*. Нередуцированные же гласные *у*, *ӳ* и *о* остаются при этом совершенно индифферентными, они не вызывают огубления следующих за ним гласных. Указанные редуцированные лабиализованные гласные *ӑ* и *ӗ* обнаруживают в чувашском языке своеобразное губное притяжение, или аттракцию, состоящую в том, что за слогами с *ӑ* и *ӗ* в основе слова, а в иных случаях и в аффиксах, следуют слоги по преимуществу с теми же звуками. Закон лабиального сингармонизма основывается на полной прогрессивной ассимиляции редуцированных лабиализованных звуков. Рассмотрим сначала проявление этого закона в основах слов.

1. Если в начальном слоге слова имеется один из редуцированных лабиализованных гласных *ӑ* или *ӗ*, то гласные следующих слогов, если они сами по природе своей являются звуками редуцированными, неизменно уподобляются ему, т. е. тоже становятся лабиализованными *ӑ* или *ӗ*. Например: *вӑкӑр* (вӧкӧр) — *бык*, *вӑрҫӑ* — война, *кӑкӑр* — грудь, *кӑпӑк* — пена, *кӑкшӑм* — кувшин, *кӑткӑ* — муравей, *мӑкӑль* — шишка, *мӑкшӑ* — мокша, *нӑрӑ* — жук, *ӑтӑр* — выдра, *ӑшӑ* — теплый, *ӑшӑх* — неглубокий, *пӑкӑ* — пробка, *пӑтӑ* — каша, *пӑрӑҫ* — перец, *ҫӑкӑр* — хлеб, *ҫӑнӑх* — мука, *сӑнчӑр* — цепь, *сӑхӑм* — жадный, обжора, *тӑлӑп* — тулуп, *тӑрӑш* — стараться, *тӑххӑр* — девять, *чӑмӑр* — шарообразный, кулак, *хӑмӑл* — стебель, *хӑмпӑ* — пузырь, *шӑмӑ* — кость.

Примеры с лабиализованным *ӗ*: *ӗмӗр* (ӧмӧр) — век, *ӗмӗрт* — кормить грудью, *кӗрӗк* — шуба, *кӗҫӗр* — в эту ночь (регрессивн. ассимиляция), *мӗкӗр* — мычать, *пӗкӗ* — дуга, *пӗҫӗ* — бедро, *пӗтӗ* — стельный, *пӗшкӗн* — нагибаться, *сӗлӗ* — овец, *ҫӗмӗр* — разбить, *ҫӗмӗрт* — черемуха, *сӗрӗм* — угар, *тӗлӗк* — сон, сновидение, *тӗлӗн* — удивляться, *тӗкӗр* — зеркало, *тӗрӗ* — узоры, *тӗнӗл* — ось, *тӗтӗр* — окуривать, *тӗшмӗш* — суеверие, *шӗкӗ* — дровосек (червь) и т. д.

Действие губного сингармонизма распространяется иногда и на аффиксы — словообразовательные и словоизменительные и опять-таки при условии, если в составе последних имеются редуцированные гласные *ӑ* и *ӗ*. Из словообразовательных аффиксов подчиняются ему аффиксы *-лӑ*, *-лӑх*, *-кӑч*, *-ӑк*, *-ӑҫ* с их палатальными разновидностями *-лӗ*, *-лӗх*, *-кӗч*, *-ӗк*, *-ӗҫ*. Например: *пӑрлӑ* — ледяной, *ӑслӑ* — умный, *мӑшӑрлӑ* — парный, *вӑрлӑх* — семя, *кӑкӑрлӑх* — нагрудник, *пӑсӑк* — испорченный, *хӑрӑк* — сухой, *пӑрнӑҫ* — изогнутый, кривой, *тӗрлӗ* — различный, *тӗрӗллӗ* — с узорами, *тӗслӗ* — цветной, *тӗплӗ* — основательный, *ӗмӗрлӗх* — вечность, *тӗттӗмлӗх* — темнота, *сӗркӗч* — смычок, *ӗмкӗч* — соска, *ҫӗрӗк* — гнилой и т. д.

2. Лабиализующее действие корневых гласных *ӑ* и *ӗ* распространяется также и на притяжательные аффиксы первого лица единственного и множественного числа и второго лица множественного числа. Например: *ҫӑкӑрӑм* — мой хлеб, *ҫӑкӑрӑмӑр* — наш хлеб, *ҫӑкӑрӑр* — ваш хлеб; *кӗрӗкӗм* — моя шуба, *тӗсӗм* — мой цвет, *кӗрӗкӗмӗр* — наша шуба, *тӗсӗмӗр* — наш цвет, *кӗрӗкӗр* — ваша шуба, *тӗсӗр* — ваш цвет и т. д. Притяжательный аффикс третьего лица *ӗ* также подчиняется губному сингармонизму, но с той только особенностью, что как в словах с гласным *ӑ*, так и с *ӗ* она будет произноситься одинаково как лабиализованное *ӗ*. Например: *ҫӑмӗ* — его шерсть, *мӑкӗ* — его мох, *тӗпӗ* — его дно, *ӗмӗрӗ* — его век и т. д.

3. В глагольных формах закону губного сингармонизма подчиняются аффиксы возвратной формы *-ӑн(-ӗн)* и *-ӑл(-ӗл)*. Например: *тӑсӑл* — вытягиваться, *пӑсӑл* — испортиться, *тӑкӑн* — проливаться, *пӑрӑн* — сторониться; *ҫӗмӗрӗл* — разбиться, *пӗтӗрӗл* — сучиться, *сӗрӗн* — мазаться, *тӗртӗн* — прикасаться и т. д.

4. Под влиянием корневых лабиализованных *ӑ* и *ӗ* в аффиксах спряжения редуцированные нелабиализованные гласные *ӑ* и *ӗ* тоже лабиализуются. При этом *ӑ* влияет на них более энергично, а *ӗ* менее энергично. Лабиализация эта имеет место в личных окончаниях будущего и прошедшего определенного времени изъявительного наклонения и в личных окончаниях второго и третьего лица ед. и мн. числа повелительного наклонения с тою только особенностью, что в 3-ем лице ед. и мн. числа на месте морфологического *ӗ* и в словах с гласными заднего ряда фигурирует лаб. *ӗ*. Например: буд. вр. 1. *Тӑрӑшӑп* — постараюсь, *пӑрӑп* — поверну, *тӑкӑп* — пролью; 2. *Тӑрӑшӑн, пӑрӑн, тӑкӑн;* 3. *Тӑрӑшӗ, пӑрӗ, тӑкӗ;* мн. ч. 1. *Тӑрӑшӑпӑр, пӑрӑпӑр, тӑкӑпӑр;* 2. *Тӑрӑшӑр, пӑрӑр, тӑкӑр;* 3. *Тӑрӑшӗҫ, пӑрӗҫ, тӑкӗҫ.* Прош. категорическое время. 1. *Хӑртӑм* — я высох, *пӑсрӑм* — я испортил, *тӑкрӑм* — я пролил; 2. *Хӑртӑн, пӑсрӑн, тӑкрӑн;* 3. *Хӑрчӗ, пӑсрӗ, тӑкрӗ;* мн. ч. 1. *Хӑртӑмӑр, пӑсрӑмӑр, тӑкрӑмӑр;* 2. *Хӑртӑр, пӑсрӑр, тӑкрӑр;* 3. *Хӑрчӗҫ, пӑсрӗҫ, тӑкрӗҫ.* Повелительное наклонение: ед. ч. 2. *Хӑр, пӑс, тӑк;* 3. *Хӑртӑр, пӑстӑр, тӑктӑр;* мн. ч. 2. *Хӑрӑр, пӑсӑр, тӑкӑр;* 3. *Хӑрччӑ(ӗ)р, пӑсчӑ(ӗ)р, тӑкчӑ(ӗ)р.*

Примеры с лаб. *ӗ*. Буд. вр. 1. *Кӗтӗп* — подожду, *ӗмӗп* — пососу, *сӗрӗп* — помажу; 2. *Кӗтӗн, ӗмӗн, сӗрӗн;* 3. *Кӗтӗ, ӗмӗ, сӗрӗ;* мн. ч. 1. *Кӗтӗпӗр, ӗмӗпӗр, сӗрӗпӗр;* 2. *Кӗтӗр, ӗмӗр, сӗрӗр;* 3. *Кӗтӗҫ, ӗмӗҫ, сӗрӗҫ.* Прош. категорическое время. 1. *Кӗтрӗм, ӗмрӗм, сӗртӗм;* 2. *Кӗтрӗн, ӗмрӗн, сӗртӗн;* 3. *Кӗтрӗ, ӗмрӗ, сӗрчӗ;* мн. ч.

1. *Кĕтрĕмĕр, ĕмрĕмĕр, сĕртĕмĕр;* 2. *Кĕтрĕр, ĕмрĕр, сĕртĕр;* 3. *Кĕтрĕç, ĕмрĕç, сĕрчĕç.*

Лабиальный сингармонизм в чувашском языке проявляется почти в том же виде, как в казанско-татарском и башкирском языках. Здесь и там лабиализующей силой в словах обладают одни и те же звуки — лаб. *ă* и лаб. *ĕ*. Но это, однако же, нисколько не говорит о том, что лабиальный сингармонизм в чувашском языке развился под влиянием татарского языка. Верховые чуваши, в языке которых наблюдается это явление, жили и живут далеко от татар, они и после присоединения территории Казанского ханства к Русскому государству не были с ними в близком соседстве и не могли испытать от них какое-нибудь влияние. Наоборот, низовые чуваши, которые с давних пор живут в окружении татар и смешанно с ними в одних и тех же селениях, совершенно не знают губного сингармонизма.

Чередование гласных звуков. Чередованием, или альтернацией, называется видоизменение звуков в основах родственных слов или же в разных грамматических формах одного и того же слова. Например, в чувашском языке от глагола *пиç* — вариться мы имеем понудительную форму *пĕçер* — вари и от личного местоимения третьего лица *вăл* — он множественное число *вĕсем*. Такое параллельное сосуществование звуков в родственных словах с общей основой или в разных формах одного и того же слова, как звука *и* в слове *пиç* и звука *ĕ* в слове *пĕçер* или звука *ă* в слове *вăл* и звука *ĕ* в слове *вĕсем*, называется в языкознании чередованием, или альтернацией. В приведенных примерах чередуются гласные звуки *и* и *ĕ*, *ă* и *ĕ*.

Чередование на письме обозначается обычно двумя вертикальными линиями ‖, а иногда просто двумя точками, наподобие знака деления. Например, *и : ĕ; ă : ĕ*. При этом необходимо прибавить, что в чувашском языке, как и в других тюркских языках, чередование гласных представляет весьма редкое явление. Обычно гласные звуки здесь как в основах, так и в приставках выступают каждый в своей индивидуальности, почти не чередуясь с другими гласными. Если же они в иных случаях и чередуются, то чередования эти покоятся главным образом на диалектном факторе, т. е. на разном произношении одних и тех же слов в разных диалектах. Например, в одних районах Чувашской республики говорят *эпир*, а в других — *эпĕр*. Чередование составляет один из видов изменения звуков. При этом процесс изменения их возникал и завершался в разные исторические эпохи жизни языка и по разлчным причинам. Рассмотрим случаи более употребительных чередований гласных в чувашском языке.

1. Чередование палатальных гласных с непалатальными. В чувашском литературном языке, как и

в отдельных диалектах, очень редко можно встретить чередование гласных переднего ряда с соответствующими гласными заднего ряда. С трудом можно найти единичные примеры. Например:

е(э) ‖ *а*	эрне — неделя	çăварни (çăв эрни) масленица вырсарникун — воскресенье
	çекĕл — крюк	çак — вешать
ĕ ‖ *ă*	вăл — он	вĕсем (вăлсем) — они
	çăк — груз, ноша	çĕкле — поднимать ношу, çĕклем — беремя
	пĕр татăк — один кусок	пăртак — чуть-чуть
ӳ ‖ *у*	кур — видеть	кӳршĕ — сосед
	йунсăр (орфогр. юнсăр) — капризный, несговорчивый	йӳнлĕ — сговорчивый
и ‖ *ы*	пиçиххи (пилĕк çыххи) — пояс	çых — завязывать

Если же данный случай чередования гласных рассматривать в диалектном разрезе, то мы будем иметь дело с соответствиями звуков одного диалекта звукам другого диалекта в одном и том же слове. Например:

в литерат. яз.	в диалектах им соответствуют:	
а ‖ *е*	япала	епеле	вещь
	тăрна	тĕрне	журавль
	сехет	сахат	час; часы
	эмел	амал	лекарство, снадобье
	кĕнчĕле	кăнчала	прялка
	çемçе	çамça	мягкий
ă ‖ *ĕ*	кăткă	кĕткĕ	муравей
	чăрăш	чĕрĕш	ель
	чăрка	чĕрке	завертывать, укутывать
	кĕсъе	кăсъя	карман
	ьĕркĕч	вăркăч	кузнечные меха
	шĕвĕрĕлчен	савăрăлчан	глист
ы ‖ *и*	шиклен	шыклан	сомневаться
	шит	шыт	пядь, четверть аршина
	иш	ыш	плавать
	сиен	сыян	вред, изъян
	пиçиххи	пыçаххи	пояс
	сысна	çиçна (дер. Н. Адам Тат. респ.)	свинья

	ытала	итала	обнимать
у ‖ *ӳ*	пӳрне	пурне	палец
	путене	пӳтене	перепелка
	ула	ӳле	выть, реветь
	упален	ӳпелен	ходить на четвереньках
	кучухнехи	кӳчӳхнехи	нынешний

Вопрос о том, какой из чередующихся гласных — палатальный или велярный, является первичным, более древним, требует особого исторического рассмотрения каждого отдельного слова, в котором чередуются указанные звуки. Если, например, взять слова *эрӗм ути, вӗркӗч, пиҫиххи* и т. д. и сравнить их с соответствующими словами, встречающимися в древнейших тюркских памятниках, то можно прийти к заключению, что палатальная разновидность этих слов первичная, а непалатальная разновидность — позднейшего происхождения. Узкий гласный *е* в этих словах путем постепенного расширения (*е*>*ӓ*>*а*) в отдельных диалектах перешел в *а: эрӗм*>*ӓрӓм*>*арӓм* (ути) — полынь (в последнем случае возможно и вмешательство народной этимологии: *арӓм ути* букв. трава женщины). Наоборот, в другой группе слов, как *сахат, тӑрна, кӑткӑ, пӳрне, ҫемҫе* и др. непалатальная разновидность, независимо от того, принята она в литературном языке или не принята, более древнего происхождения, а палатальная разновидность составляет новообразование. Все это приводит нас к заключению, что в чувашских словах есть сравнительно первичные гласные переднего ряда и первичные гласные заднего ряда, сохраняющиеся с древнейших эпох жизни языка, и есть вторичные гласные переднего ряда и вторичные гласные заднего ряда, возникшие в последующие эпохи развития языка или совсем в новейшее время (ср. русск. *горшок* и чув. *куршак* и *кӳрщек*).

2. Чередование нередуцированных гласных с редуцированными и лабиализованных с делабиализованными.

Другую, диалектно довольно обширную группу чередований гласных составляют чередования нередуцированных звуков с редуцированными и лабиализованных с делабиализованными. Например: *а—ӑ, ы—ӑ, у—ӑ, е—ӗ, и—ӗ, ӳ—ӗ*, т. е. *а, ы, у* ‖ *ӑ; е, и, ӳ* ‖ *ӗ*. В литературном языке означенное чередование представляет весьма редкое явление. Здесь мы находим всего только несколько примеров:

а ‖ *ӑ*	араслан	арӑслан	лев
ы ‖ *ӑ*	шыв	шӑвар	поить, орошать
	хыв	хӑвар	оставить
	хып	хӑпчӑк	клещи
	тырӑ	ҫуртӑри	яровой хлеб

	выльӑх	скотина	вӑй	сила и т. д.
и ‖ *ӗ*	пиҫ	вариться	пӗҫер	варить
	вил	умереть	вӗлер	убить
	кив	толочь	кӗвенте	длинные палки, которыми толкут белье, диал. коромысло
у ‖ *ӑ*	хул	рука от локтя до плеча	хӑлаҫ	маховая сажень
	ку ҫул	этот год	кӑҫал	в этом году
	унӑн	у него	ӑна	ему
	кур	видеть	кӑтарт из кӑртарт[1] вместо куртарт	показать (заставить видеть)
ӳ ‖ *ӗ*	кӳрт	впустить	кӗр	войти

Указанными примерами почти исчерпываются в литературном языке случаи рассматриваемого типа чередования гласных. Если же принять во внимание диалектные соответствия звуков, то данный тип в чувашском языке является весьма жизненным. Например:

	в литерат. яз.	*в диалектах*	
а ‖ *ӑ*	вӑлашка	валашка	корыто
	вӑлча	вӑлчӑ	икра
	укӑлча	укалча	околица

(в последнем примере мы видим закономерное изменение русского *о* в *ӑ;* появление же формы укалча можно объяснить или регрессивной ассимиляцией, или же вмешательством фактора народной этимологии: ср. калча).

ы ‖ *ӑ*	ҫытар	ҫӑтар	подушка
	йывӑҫ	йӑвӑҫ	дерево
	йыхӑр	йӑхӑр	пригласить
	хылчӑк	хӑлчӑк	ость, острые усики в колосьях ячменя
ӗ ‖ *е*	ыйхӑ	ӑйхӑ	сон
	вилӗ	виле	покойник
	йӗлме	елме	ильма
	кисӗп	кисеп	пест

[1] Форма *кӑртарт* нами выявлена в Марпосадском (д. Упакассы) и Красноармейском районах.

и ‖ *ĕ*	ĕнсе	энсе		затылок
	тĕнĕл	тĕнел, тенел		ось
	эпир	эпĕр		мы
	эсир	эсĕр		вы
	хисеп	хĕсеп		счет
	сенĕк	сеник		вилы
	йĕтем	итем		ток
у ‖ лаб. *ă*, ред. *ă*	ăман	уман	ăман (ă лаб.)	дождевой червь
ӳ ‖ *ĕ*	мăка	мука	мăка »	тупой
	хăмла	хумла	хăмла	хмель
	çумăр	çăмăр	çăмăр »	дождь
	çумла	çăмла	çăмла »	полоть
	ӳслĕк	ĕслĕк		кашель
	ӳсĕр	ĕссĕр		пьяный
	пӳркенчĕк	пĕркенчĕк		покрывало
	урапа кӳпчекĕ	урапа кĕпчекĕ		ступица и т. д.

Из последних примеров видно, что чередование нередуцированных *у* и *ӳ* с редуцированными *ă* и *ĕ* в то же время вводит нас в область чередований лабиализованных гласных с делабиализованными, диалектно весьма распространенных в чувашском языке. При этом указанные гласные в низовом наречии всегда и исключительно только чередуются с окончательно делабиализовавшимися гласными *ă* и *ĕ*, а в верховом наречии в одной группе слов чередуются так же, как и в низовом, в другой группе они чередуются только с редуцированными лабиализованными гласными *ă* и *ĕ*. С одной стороны, мы здесь имеем *мулкач‖мăлкач* — заяц, *нумай‖нăмай* — много, *кӳрт=кĕрт* — впустить, а с другой — *çул‖çăл* — (лаб. ă) — дергать траву, *çум‖çăм* (лаб. ă) — сорная трава, *тӳпел‖тĕпел* (лаб. ĕ) — передний угол избы и т. д.

Какие факторы вызвали в языке процессы делабиализации и редукции гласных, обусловливались ли эти процессы природой самих звуков, фонетическим ли положением их, перемещением ли ударения, влиянием ли дотюркского субстрата чувашского языка или еще какими-нибудь другими факторами, далее когда начались в языке эти процессы и когда они окончательно завершились в низовом наречии — все эти вопросы остаются открытыми, так как у нас нет древних памятников языка, на которые можно было бы опираться в научных изысканиях, не собрано также в достаточном количестве материала по чувашским говорам и мало лиц, занимающихся научной разработкой чувашского языка. Только одно можно уверенно сказать, что в чувашском языке, в отличие от других тюркских языков, происходили и происходят усиленными темпами процессы редукции и делабиализации гласных. Редукции и делабиализации подвержены здесь гласные верхнего подъема, по преимуществу *ы, у, ӳ*. По этой причине и древние лабиализованные гласные *у* и *ӳ*, отличающиеся в других тюркских языках известным постоянством и устойчивостью, в чувашском литературном языке в преобладающей своей массе окончательно утратили свой губной элемент, т. е. делабиализовались. Например:

тюркские	*чувашские*	
уйку, ойко	ыйхă	сон
ушаг, ужак, ошак	ăшăх	мелкий, неглубокий
он, он(г)	ăн	удаваться
куала, ковала	хăвала	гнать, преследовать
кумач	хăмач	кумач
кутул	хăтăл	спасаться, освободиться
кулгак, кулак	хăлха	ухо
кулач	хăлач	маховая сажень
тупрак	тăпра	земля, почва
туша	тăлла	треножить (лошадь)
ӳлгӳ, улгä	елке	выкройка
башк. йӳгэн, кирг. жӳгӧн	йĕвен	узда
кӳзгӳ, кöскӳ	кĕскĕ	зеркало
кӳräш	кĕреш	бороться, сражаться
кӳлтä	кĕлте	сноп
кӳт, кöт	кĕт	ждать
тӳк, тöк	тĕк	шерсть, перья
тӳттӳр	тĕтĕр	дымить
тӳрлӳ	тĕрлĕ	различный и т. д.

Вообще редукция гласных в связи с делабиализацией их носит в чувашском языке массовый характер. Можно привести сотни примеров и не исчерпать их. Это явление производит странное впечатление на исследователя. Историк чувашского языка констатирует, с одной стороны, процесс массовой лабиализации древнего *а* в начальном слоге, которое в низовом диалекте дает *у*, а в верховом — *о*, а с другой стороны — столь же массовую делабиализацию древних гласных *у, ӳ, о, ӧ* в *ă* и *ĕ*. Первое явление как будто говорит о том, что чувашский язык больше тяготеет к лабиализованным гласным, а второе явление, наоборот, совершенно отвергает первое предположение и уверяет нас в совершенно противоположном — а именно в том, что чувашский язык избегает лабиализованных

гласных. Таким образом, эти два явления противоречат друг другу. Как разрешить это противоречие?

По-видимому, в истории чувашского языка процесс делабиализации *у, ӳ, о, ӧ* в *ă, ĕ* начался раньше завершения процесса лабиализации древнего *а* в *у* и *о*. Это был такой момент, когда в чувашском языке четко различались две разновидности звука *у*, которые, возможно, и звучали тогда неодинаково. Поразительно то, что начавшийся процесс делабиализации охватил исключительно только исконные *у* и *о* (и то не все) и нисколько не задел звука *у*, получившегося в результате перерождения древнего слегка лабиализованного *а* (по крайней мере мы не знаем ни одного случая такой делабиализации). Ясно, что эти два процесса происходили независимо один от другого и в разные исторические эпохи развития чувашского языка, а потому они нисколько не противоречат друг другу. Редукции и делабиализации указанные гласные подвергались преимущественно в слабых фонетических положениях, главным образом в неударяемых слогах, где они произносились при более ослабленной работе органов произношения, при меньшем напряжении соответствующих мускулов. Процесс делабиализации звуков *у* и *ӳ*, по-видимому, совершался постепенно, через целый ряд переходных звуков: *у*>крат. *у*>лаб. *ă*>редуцированное *ă*. В современных чувашских говорах известны все эти переходные виды делабиализации гласных *у* и *ӳ*. Например, в одних районах говорят: *çумăр* — дождь, *кӳкĕрт* — сера, а в других — *çăмăр* (лаб. ă), *кĕкĕрт* (лаб. ĕ), в третьих — *çăмăр* (редуц. ă), *кĕкĕрт* (редуц. *ĕ*). Проф. Н. А. Ашмарин отмечает также, что ему в некоторых местностях у верховых чувашей приходилось встречать звуки *у* и *ӳ* краткие, так что у них слова *тăр* — стоять, *сĕр* — мазать, *сĕлĕ* — овес произносились с краткими *у, ӳ* и т. д.[1]. В низовых же наречиях все указанные переходные моменты делабиализации, выражающиеся в кратких звуках *у, ӳ* и лаб. *ă, ĕ*, в настоящее время совершенно неизвестны, и нет никаких следов, которые бы указывали на то, что это наречие когда-либо пережило эти этапы. В эпоху присоединения чувашей к Русскому государству, когда уже в чувашском языке путем редукции и делабиализации окончательно выработались звуки *ă* и *ĕ*, все же в некоторых русских словах звуки *у* и *о* первого слога перенимались чувашами различно: в одних диалектах как *ă: пăт* — пуд, *кăкшăм* — кувшин, *чăлан* — чулан, а в других — как лабиализованное *ă*.

3. Чередование сочетаний *ăв, ăвă, ывă* с *у* и *ĕв, ĕвĕ* с *ӳ*. Кроме указанных двух типов, в литературном чувашском языке довольно распространен третий тип чередования гласных. Сюда относится чередование сочетаний *ăв, ăвă, ыв, ывă*, с *у* и сочетаний *ĕв, ĕвĕ* с *ӳ*. Чередование это возникло на почве стяжения указанных сочетаний в *у* и *ӳ* в конце слов и перед согласными (перед гласными они остаются в нестяженном виде). Например:

ăв, ăвă, ыв, ывă ‖ *у*

ăв, ăвă		**у**	трут
тăвăр	делайте	ту	делай
тăвăн (род. п.)		ту	гора
çăвăн	мыться	çу	мыть
çăвăн (род. п.)		çу	масло
хăвăн (р. п.)	у тебя самого	ху	ты сам
пăрăвăн (род. п.)		пăру	теленок
сăвăр	дойте	су	дой
улма йывăçĕ		улмуççи	яблоня

ĕв, ĕвĕ ‖ *ӳ*

пĕвĕн (род. п.)		пӳ	рост, туловище
тĕвĕр	толчите	тӳ	толчи
сĕвĕр	снимайте	сӳ	снимай (шкуру)
хĕвӳ	твоя пазуха	хӳ	пазуха
кĕтĕве (дат. п.)		кĕтӳ	стадо и т. д.

В указанных примерах стяжение, по-видимому, произошло следующим образом. Первоначально *в* и *в'* в этих сочетаниях перешли в неслоговые *у* и *ӳ*, тем более, что звуки эти очень близки друг другу, отличаются они незначительным оттенком: акустически — присутствием шума при *в* и *в'*, а физиологически — меньшим отверстием губ при *в* и *в'*, нежели при неслоговых *у* и *ӳ*. Вероятно, сочетания эти сначала носили дифтонгический характер *ăу, ĕӳ*, а потом редуцированные гласные, находящиеся впереди и позади неслоговых *у* и *ӳ*, постепенно утратились, а неслоговые *у* и *ӳ* превратились в слоговые *у* и *ӳ*. Аналогичное явление известно и в других языках. Ср., например, латинское prûdens из providens — предусмотрительный, благоразумный.

В других тюркских языках нашим сочетаниям *ăв, ăвă, ыв, ывă* соотвествуют *аг, ог, аб, ау, у*, а сочетаниям *ĕв, ĕвĕ* — *ег, ӧг, ӧв, ӳ*. Например:

[1] Ашмарин Н. И. Материалы для исследования чувашского языка. Казань, 1898, стр. 341.

пăру, пăрăв	тюрк.	бузагу, бузоу, бозау	теленок
ывăл диал. ул	»	огул, оул, ул, ол	сын
шыв диал. шу	»	суб, суг, сув, су	вода
çу диал. çăв	»	яг, яу, йу	жир, сало
йывăç	»	ягач, йыгач, агач	дерево
çывăх	»	ягук, ягык	близкий
тĕв	»	дöг, дöв	толочь
тĕвĕ	»	дӳгӳм, тöйен	узел и т. д.

4. Чередование редуцированных гласных *ă* и *ĕ* с нулем звука.

Довольно распространенным типом чередования гласных является в чувашском языке также чередование редуцированного гласного *ă* с нулем звука, т. е. с отсутствием звука: звук *ă* в слабом положении совсем исчезает. Это бывает обычно перед слогом с редуцированным гласным, а иногда и перед слогом с гласным полного образования, по-видимому, для избежания многосложных слов — трехсложных, четырехсложных и т. д. и когда при этом смысловая сторона слова нисколько не страдает.

ă ‖ — пурăн	жить	пурнăç (вм. пурăнăç)	жизнь
курăн	показываться	курнăçу	свидание
çухăр	кричать	çухрăм (вм. çухăрăм)	верста
йыхăр	приглашать	йыхрав	приглашение
çыпăç	липнуть	çыпçăн	приставать
йăнăш	хныкать	йăнша	хныкса
çывăх	близкий	çывхар	приближаться
уйăр	делить	уйрăл	делиться
çавăр	вертеть	çавраçил	вихрь
ырă	добрый	ырла	хвалить
тăлă	путы	тăлла (вм. тăлăла)	треножить
йăлă	петля	йăлла	застегивать
ĕ ‖ — çĕмĕр	разбить, разрушить	çĕмрен	стрела
çĕнтеретĕп	побеждаю	çĕнтеретпĕр	побеждаем
тĕтĕр	окуривать	тĕтре	туман
чĕпĕт	щипать	чĕптĕм	щипок
тепĕр	другой	тепри	другой (из двоих)

Данное чередование имеет место и при образовании сложных слов. При этом в конце первой части сложения редуцированный звук *ă* выпадает:

атă	сапог	атпăри (вм. атăпăри)	шило
вутă	дрова	вутпуççи	головешка
алă	рука	ал сыппи	запястье
сарă	русый	сарпике	русая девушка

5. Чередование дифтонгических сочетаний *ай, ей* с *и*.

Можно указать и пятый тип чередования (соответствия) гласных, хотя он очень слабо отражается в литературном языке и представляет известный интерес постольку, поскольку характеризует один из возможных случаев изменения гласных в чувашском языке. Это — чередование (соответствие) дифтонгов *ай, ей* с *и*. Например:

в литерат. яз.	*в диалектах*	
параймастăп	паримастăп	я не в состоянии дать
тытаймастăп	тытимастăп	я не в состоянии поймать
илейместĕп	илимастăп	я не в состоянии взять
кĕтейместĕп	кĕтимастăп	я не в состоянии ждать
апай	апи	моя мать
кукаçей	кукаçи	дедушка по матери
мучей	мучи	дядя
мăй çыххи	миçиххи	ожерелье из бус и т. д.

Изменение сочетаний *ай* и *ей* в *и* в данном типе чередования можно объяснить следующим образом. По-видимому, в дифтонгах *ай* и *ей* берет перевес второй компонент — неслоговое *и*, которое постепенно усиливается и переходит в слоговое *и*, а первый компонент *а* или *е* уподобляется второму.

Дифтонгические сочетания *ай, ей*, а также *ăй, ый, уй* чередуются иногда по диалектам (в Красночетайском и соседних районах) со своим первым компонентом, а второй компонент у них — неслоговое *и*, исчезая, смягчает последующий согласный звук, т. е. сообщает ему свою среднеязычную артикуляцию, а в иных случаях и удлиняет его (заместительное растяжение). При этом редуцированный гласный первого компонента *ă*, очутившись под ударением, усиливается в *ы*. Например: *вăй*, диал. *вый* (сила) — *выльăх* (скотина), *вăйă* (игра) — *выля*, диал. *вылля* (играть), *пуç айлăкĕ* — *пуçелĕк*, диал. *пуçалĕк* (изголовье), *кулян*, диал. *куйлан, куллян* — горевать и т. д.

В литер. яз.	*В диалектах*	
ӑйӑр	ырьӑ	жеребец
айта	атя	идем
майра	маря	русская женщина
мӑйӑр	мырьӑ	орех
пайтах	патях	довольно много
суйла	суля	выбирать
уйран	урян	пахтанье
хӑйӑ — лучина	хыльӑх	полено, приготовленное для лучины
хӑйра	хыря	точило, точить
шыйлак и шырлӑк	шыльӑк	свадьба невесты
ыйт	ыть	спросить и т. д.

Имеются и другие типы чередований гласных, но они мало характерны для чувашского литературного языка, они типичные только для отдельных диалектов, а потому им место в курсе диалектологии чувашского языка.

Утрата или исчезновение редуцированных гласных. Изменения гласных звуков можно наблюдать в чувашском языке не только по линии ассимиляции и чередования их, но и в аспекте утраты или выпадения их в известных позициях. К числу характерных особенностей чувашского вокализма относятся, между прочим, неустойчивость и непостоянство редуцированных гласных *ӑ* и *ӗ*. Они в известных фонетических положениях легко исчезают. К исчезновению склонны они обычно в слабом, безударном положении в следующих случаях:

1) Притяжательный аффикс 3-го лица *ӗ* в именах существительных в дательном-винительном падеже всегда выпадает, если только ему не предшествует долгий согласный (орфографически двойная согласная). Напр.: *ывӑлӗ* — его сын, *ывӑлне* (вм. ывӑлӗне) *панӑ* — дал сыну; *ывӑлне янӑ* — послал сына; в других косвенных падежах *ӗ* сохраняется: Р. *ывӑлӗн*, Тв. *ывӑлӗпе*, М. *ывӑлӗнче*, Исх. *ывӑлӗнчен; хӗрӗ* (его дочь) — *хӗрне, пуҫӗ* (его голова) — *пуҫне; куҫӗ* (его глаз) — *куҫне, сурӑхӗ* (его овца) — *сурӑхне, колхозӗ* — *колхозне, совет влаҫӗ* — *совет влаҫне* и т. д.

2) Исчезновение притяжательного аффикса 3-го лица *ӗ* в произношении наблюдается и в основном падеже. При этом мягкость предшествующего согласного сохраняется и в словах с гласными заднего ряда. Например:

шыв арманӗ	шыв армань	водяная мельница
Энтри ялӗ (дер. Андрея)	Энтрияль	дер. Андреевка
ям ҫулӗ (устар.)	ям ҫуль	ямская дорога и т. д.

В некоторых диалектах конечное *ӗ* выпадает даже в составе аффикса принадлежности **-шӗ:**

амӑшӗ	амӑш (*ш* мягкое)		его мать
аппӑшӗ	аппӑш	»	его старшая сестра
куккӑшӗ	куккӑш	»	его дядя по матери
йыснӑшӗ	йыснӑш	»	его зять
сарлакӑшӗ	сарлакӑш	»	его ширина
тӑршшӗ (∠тӑрӑхӑшӗ)	тӑрӑш	»	его длина
иккӗшӗ	иккӗш	»	двое из них и т. д.

3) Выпадению подвержены также конечные редуцированные *ӑ и ӗ*, как образующиеся с ослабленной артикуляцией и в литературном языке не принимающие на себя ударения. Утрату конечных редуцированных гласных в чувашском языке можно считать явлением диалектным. В одних диалектах они исчезают, а в других сохраняются. В данном случае явление это, нам кажется, можно рассматривать в связи с тяготением одних чувашских диалектов (низовых) к открытым конечным слогам, а в других (верховых) — к закрытым. Например: *хуйхӑ — хуйӑх* — горе, *ывҫӑ — ывӑҫ* — горсть, *тиркӗ-чашкӑ — тирӗк-чашӑк* — посуда, *лавҫӑ — лавӑҫ* — возчик, подводчик, *ыйхӑ — ыйӑх* — сон и т. д. Тяготение это, по нашему мнению, находится в зависимости от ударения. В низовых говорах, где допускается ударение на конечных редуцированных гласных, они удерживаются, а в верховых говорах, нередко и в литературном языке, где конечные *ӑ* и *ӗ* не могут принимать на себя ударения, они исчезают. Например:

в низов. диал.	*в литер. яз.*	
мулкачӑ	мулкач	заяц
тӑхлачӑ	тӑхлач	сватья
тӑпачӑ	тӑпач	цеп
лаҫӑ	лаҫ	лачуга
чӑхӑ	чӑх	курица
хултӑрчӑ	хултӑрч	скальница
хырӑ	хыр	сосна
хултӑрмачӑ	хултӑрмач	узор на плечах женской рубахи и т. д.

Если конечным редуцированным *ӑ* и *ӗ* предшествуют два согласных звука, то и в литературном языке они не исчезают. Например: *кӑчкӑ* — почка, *аслӑ* — великий, просторный, *сулӑнкӑ* — раскат, *пӑчкӑ* — пила, *пуртӑ* — топор, *шӗшкӗ* — орешник, *пӗрчӗ* — зерно и т. д.

4) Неустойчивый, беглый характер редуцированных *ӑ* и *ӗ* проявляется также и в том, что они не только сами исчезают,

но увлекают за собою и согласные звуки, составляющие с ними слог. Например:

вместо	карăнтăк	употребляется	кантăк	окно
»	шăхăрчăк	»	шăрчăк	кузнечик
»	утăлăх	»	улăх, диал, ух	луг
»	авăн карти	»	анкарти	огород, гумно
»	аслă атте	»	асатте	дедушка
»	аслăлат	»	аслат	расширить, увеличить объем
»	çилĕлен	»	çиллен	сердиться
»	çĕвĕле	»	çĕле	шить и т. д.

Целые слоги с редуцированными гласными *ă* и *ĕ* могут выпадать в следующих, более известных случаях: 1) в местном и исходном падежах от слов *ен* — сторона, *çи* — верх, поверхность выпадают слоги *нĕ, йĕ*. При этом от *ен* и *çи* более употребительны краткие формы:

М. леш енĕнче	леш енче	на той стороне
Ис. леш енĕнчен	леш енчен	с той стороны
М. йывăç çийĕнче	йывăç çинче	на дереве
Ис. йывăç çийĕнчен	йывăç çинчен	с дерева

2) Во всех глаголах в 1 и 2 лицах настоящего времени в утвердительной форме в устной речи систематически выпадает слог *тă* и *тĕ*. Например:

вулатăп	вулап	читаю
вулатăн	вулан	читаешь
çыратăп	çырап	пишу
çыратăн	çыран	пишешь
ĕçлетĕп	ĕçлеп	работаю
ĕçлетĕн	ĕçлен	работаешь и др.

3) В условно-временных деепричастиях на *-сассăн, -сессĕн* в утвердительной и отрицательной форме выпадает слог *-сă-* или *-сĕ-*. Например:

вуласассăн	вуласан	если (когда) почитаешь
вуламасассăн	вуламасан	если не будешь читать
ĕçлесессĕн	ĕçлесен	если (когда) поработаешь
ĕçлемесессĕн	ĕçлемесен	если не будешь работать и т. д.

Зияние гласных звуков. При образовании производных и сложных слов часто происходит стечение гласных звуков, которое в науке принято называть зиянием. Чувашский язык не терпит зияния. Сочетание двух гласных здесь всегда устраняется. Устранение это производится двояким образом. Иногда столкнувшиеся гласные оставляются оба, но разъединяются вставкой

между ними согласного звука, в одних случаях *й*, а в других *н*. Например: 1) в формах 2-го лица множ. числа повелительного наклонения глаголов *çи* — ешь, *те* — говори личное окончание *ĕр* от основы отделяется при помощи *й*: *çи+й+ĕр=çийĕр, те+й+ĕр=тейĕр*, ср. *ĕç+ĕр* — пейте, *кил+ĕр* — приходите. То же самое наблюдается и при образовании от глаголов *çи* и *те* некоторых других форм: *çи+й+этĕп=çиетĕп, çи+й+этĕн=çиетĕн, çи+й+эт=çиет; çи+эттĕм=çиеттĕм* — бывало и ел; *çи+й+ĕттĕм=çийĕттĕм* — я ел бы; *те+й+ĕттĕм=тейĕттĕм* — я сказал бы и т. д.

2) При помощи *й* устраняют зияние и в случаях слияния усилительной частицы *эх* с существительными на *-и* (элизия): *пăри* — полба *пăри+й+эх=пăриех, тăри* — жаворонок; *тăри+й+эх=тăриех* и т. д.

3) Точно так же устраняется зияние в форме дательно-винительного падежа только что указанных существительных на *-и: пăри+й+э=пăрие, тăрие, шăшие* (шăши — мышь); в диалектах *пăрине, тăрине, шăшине*.

4) При употреблении же существительных на *-и* с аффиксом принадлежности 3-го лица *ĕ* к *й* прибегают во всех падежах, кроме дательно-винительного *пăри+й+ĕ=пăрийĕ* (колхоз пăрийĕ — колхозная полба), *тăрийĕ, шăшийĕ*; Р. *пăри+й++ĕн=пăрийĕн, шăшийĕн, тăрийĕн*.

5) Существительные на *-а* и *-е* для устранения зияния в дательно-винительном падеже предпочитают согласный звук *н*. Вместо *лаша+а* мы здесь имеем *лаша+н+а=лашана, ачана, хулана, пахчана, ĕнене, кĕпене, сӳрене*. В диалектах имеются формы и с *й*: *лаша+й+а=лашая, ĕне+й+а=ĕнея, ачая, хулая, сӳрея* и т. д.

В иных случаях стечение в слове двух гласных устраняется само собою, путем исчезновения одного из них. Исчезает при этом гласный звук, который не характерен для значения данного слова и для грамматической формы его. Например, исчезновение одного из гласных мы наблюдаем в следующих случаях:

1) При образовании притяжательных форм от имен существительных на гласные *а* и *е*. Например: *ĕне+ĕм=ĕнем* — моя корова; *ĕне+ӳ=ĕнӳ* — твоя корова, *е* как несущественный элемент исчезает, *ӳ*, придающее новое значение и новую форму слову, удерживается; *качака+и=качаки* — его коза, здесь тоже *и* как притяжательный аффикс 3-го лица сохраняется; *лашу+ăр=лашăр* — ваша лошадь; *ĕне+и=ĕни* — его корова; *ĕнемĕр* — наша корова, *ĕнĕр* — ваша корова и т. д.

2) При присоединении усилительной частицы *ах* или *ех* к словам, оканчивающимся на *а* и *е: ача+ах=ачах* — ребенок, *сăра+ах=сăрах* — пиво, *кĕпе+эх=кĕпех* — рубашка, *тата+ах=татах* — еще, *малалла+ах=малаллах* — вперед, *килелле+ех=килеллех* — прямо домой и т. д.

3. КОНСОНАНТИЗМ

Система согласных звуков. В современном чувашском литературном языке имеется 17 согласных фонем, из них восемь сонорных: **в, й, л, л', м, н, н', р** и девять шумных: **к, п, с, ç, т, т', х, ч, ш.** В заимствованных русских и интернациональных словах встречается еще семь согласных фонем: **б, г, д, ж, з, ф, ц.**

Физиологическая классификация согласных звуков. По способу артикуляции согласные звуки делятся на *взрывные, фрикативные* и *слитные*. Выше мы заметили, что согласные отличаются от гласных тем, что при произношении их в полости рта образуются преграды, препятствующие свободному прохождению выдыхаемого воздуха. Преграды эти бывают двух видов. При произношении одних согласных органы речи плотно смыкаются между собою и выдыхаемая струя воздуха разрывает их. В момент разрыва смыкания получается шум, по слуховому ощущению напоминающий шум от взрыва. Поэтому звуки эти называются взрывными, или смычными, затворными, т. к. взрыву предшествуют смычка или затвор органов произношения. Ввиду того, что звуки эти слышатся только в момент взрыва и тянуть их нельзя, они называются еще мгновенными. К взрывным звукам относятся: 1) губной звук *п*, образуемый смычкой обеих губ; 2) зубной *т*, образуемый смычкой передней части языка с верхними зубами и их деснами и 3) задненебный *к*, образуемый смыканием задней спинки языка с мягким небом.

Другая группа согласных образуется несколько иначе. При произношении их также бывает преграда, но не полная: в этом случае между сближающимися органами речи остается узкая щель, и выдыхаемый воздух, проходя через эту щель, производит трение о стенки его, от чего получаются звуки с характерным для данной группы согласных шумом. Звуки эти называются фрикативными (от лат. слова fricare — тереть), иные авторы называют их еще щелинными, проточными, придувными и спирантами (от лат. слова spirare — выдыхать, выдувать). Так как фрикативные звуки слышатся во все время прохождения выдыхаемого воздуха через сужение и их можно сколько угодно тянуть, то они в отличие от взрывных называются длительными. В чувашском языке мы различаем следующие фрикативные звуки: 1) губно-зубной звук *в*, для произнесения его нижняя губа приближается к верхним зубам, слегка касаясь их; 2) переднеязычные свистящие *с* и *ç*, при произнесении их передняя часть языка приближается к верхним зубам и их деснам, образуя узкую щель для выхода воздуха; 3) шипящий *ш;* при произнесении его язык своей передней частью образует щель у альвеол (зубные лунки) верхних зубов; 4) среднеязычный звук *й;* при *й* средняя часть языка поднимается к среднему нёбу так высоко, что между ними остается свободным для выдыхаемого воздуха самый канал, конец языка приближается к нижним зубам; 5) заднеязычный *х* произносится приближением задней спинки языка к мягкому нёбу.

Слитные звуки иначе называются аффрикатами (от лат. affricare — притирать). К ним в чувашском языке относится *ч*. Он образуется тесным сочетанием взрывного звука *ть* с фрикативным *шь*, а произносятся они не отдельно, а слитно: *ч* глух. = ть + шь; *ч* звонк. = дь + жь.

По преобладанию голоса или шума согласные звуки делятся на сонорные и шумные. В шумных согласных преобладает шум над голосом, а в сонорных голос над шумом. К сонорным согласным относятся звуки *в, й, л, л', м, н, н', р*, а к шумным — все остальные согласные. В чисто чувашских словах и в старых заимствованиях звук *в* выступает как сонорный и наравне с другими сонорными обладает способностью озвончать в словах стоящий за ним глухой шумный согласный и не знает глухой разновидности. Например, слова *автан, шыв* произносятся здесь как *авдан, шыв*, а не как *афтан, шыф*. Этот же самый звук в новых русских заимствованиях разделяет все особенности русских шумных согласных и имеет глухую разновидность *ф*. В последнем случае уже слова *автор, автомобиль, Иванов, Петров* произносятся как *афтомобиль, афтор, Иваноф, Петроф* и т. д.

При произнесении сонорного *л* конец языка плотно прижимается к верхним зубам и их деснам, но боковые края опущены, так что выдыхаемый воздух может свободно выходить по бокам языка. При произнесении *р* происходит дрожание кончика языка у альвеол верхних зубов. Артикуляции губных *п* и *м*, с одной стороны, и зубных *т* и *н*, с другой, целиком совпадают, за исключением работы нёбной занавески, которая при *п* и *т* прижата к зеву, а при *м* и *н* опущена, и выдыхаемый воздух свободно проходит через полость носа. По этой причине носовые согласные *м* и *н* по способу артикуляции можно называть смычными (но не взрывными), а плавные *л* и *р* — фрикативными.

По месту артикуляции или по действующему органу согласные делятся на губные, зубные (или переднеязычные), среднеязычные (или средненебные) и заднеязычные (иначе задненебные). К среднеязычным относится только звук *й*.

Звонкие и глухие шумные согласные. Шумные согласные выступают в чувашском языке в двух разновидностях — в глухой и звонкой. Звонкие отличаются от глухих тем, что к обычной артикуляции шумных, общей для глухих и звонких, при образовании звонких присоединяется еще работа голосовых связок. Они натягиваются и выдыхаемым током воздуха приводятся в зву-

чащее состояние. Результатом дрожания или звучания голосовых связок является музыкальный тон или голос. Глухие же звуки не обладают голосом: при произношении их голосовые связки бывают раскрыты как при обыкновенном дыхании, отчего выдыхаемый воздух проходит через голосовую щель свободно, не приводя голосовых связок в дрожание. По этой причине глухие звуки акустически состоят из одного шума, и шум этот составляет целиком качественное содержание звука. Шум при глухих, как и при звонких, получается в полости рта от трения выдыхаемого воздуха о стенки сблизившихся органов произношения или от разрыва смыкания.

Глухие шумные звуки отличаются от соответствующих звонких и степенью напряженности артикулирующих органов речи. Звонкие произносятся с более слабой артикуляцией, чем глухие, т. е. с несколько меньшим напряжением соответствующих мускулов. Если, например, палец положить между губами, то при произнесении глухого *п* он будет сжиматься значительно сильнее, чем при звонком *б*.

Глухие разновидности согласных произносятся точно так же, как соответствующие глухие в русском языке, за исключением звука *ч*. Звук этот в чувашском языке звучит несколько иначе, чем в русском: он здесь сильно тяготеет к мягкому *т*. По этой причине составители чувашского алфавита и обозначили его первоначально не русской буквой *ч*, а буквой *т* с хвостиком, чтобы напомнить его близкое сходство с мягким *т*. И действительно, артикуляция чувашского *ч* несколько отлична от артикуляции русского *ч*. В чувашском языке *ть* и *шь*, составные элементы звука *ч*, по месту артикуляции оба зазубные звуки, тогда как второй компонент русского *ч* — звук альвеолярный. В силу преобладания в русском языке регрессивной формы ассимиляции в данном случае альвеолярная артикуляция второго компонента *шь* сообщилась и первому компоненту *ть*, отчего звук *ч* в целом получил альвеолярную артикуляцию. В чувашском же языке, наоборот, наиболее употребительной формой ассимиляции является прогрессивная ассимиляция, в силу чего зазубная артикуляция первого компонента сообщилась и второму компоненту, и звук *ч* в целом получил зазубную артикуляцию, в особенности в низовом диалекте. Отсюда и акустические эффекты у них получаются разные, русское *ч* дает более отчетливый акустический резонанс, чем чувашское *ч*. Звонкая разновидность чувашского *ч* по акустическому впечатлению несколько напоминает сербский звук *ч* из dj в слове межа.

Зависимость глухого и звонкого произношения шумных согласных от фонетического положения их в слове. Глухое и звонкое произношение шумных согласных всецело обусловливается фонетическим положением их в словах, а потому в природных

словах они обозначаются одними и теми же буквами — буквами русских глухих. Звонко они могут произноситься только в двух положениях: 1) между гласными звуками: *çăкăр* (читай *çăгăр*) — хлеб, *апат* (чит. *абат*) — обед, *эпир* — мы, *эсир* — вы, *асап* — мука, страдание, *уçать* — открывает, *ĕçет* — пьет, *вутă* — дрова, *этем* — человек, *пуху* (х=г фрик.)—собрание, *çӳхе* — тонкий, *ача* (ч звонк.) — ребенок, *ӳчĕ* — его тело, *лаша* (*лажа*) — лошадь, *ишет* — плавает[1] и т. д.; 2) между сонорными согласными *в, й, л, м, н, р* с одной (с левой) стороны и гласными с другой (с правой). Например, между *в* и гласными: *авкалан* (*авгалан*) — извиваться, *сĕвкеле* (учащат. фор.) — снимать, *шывпа* (*шывба*) — водой, *чавса* (*чавза*) — локоть, *хивсе* — пришва, *ывçă* — горсть, *кивçен* (*кивзень*) — взаймы, *автан* (*авдан*) — петух, *çивтĕ* — коса (девичья), *евчĕ*— сваха, *хавха* (х=г фрик.) — шум, переполох, *хавша* (*хавжа*) — рассыхаться (о кадках); между *й* и гласными: *ан айкаш* (*айгаш*) — не возись, *хăйпе* — с ним самим, *вăйсăр* — без силы, бессильный, *хăйсĕр пуçне* — без него самого, *ыйту* — вопрос, *хайчă* — ножницы, *хуйхă* — горе, *хăйшĕн* — он для себя самого; между *л* и гласными: *мулкач* (*к=г*) — заяц, *мĕлке* — тень, *чалпаш* — безалаберный, неряха, *чĕлпĕр* — повод (у узды), *алса* — рукавицы, *пилсĕр* — неблагодарный, *юлташ* — товарищ, *килти* — домашний, *укăлча* — околица, *илчĕ* — взял, *хăлха* — ухо, *чĕлхе* — язык, *алсиш* — варежки; между *м* и гласными: *çамка* (*к=г*) — лоб, *кăмпа* — гриб, *Чĕмпĕр* — г. Ульяновск (Симбирск), *сăмса* — нос, *сĕмсĕр* — бестолковый, *çемçе* — мягкий, *тумтир* — одежда, *ĕмчĕк* — соска, *çăмха* — клубок, *камшăн* — для кого; *между н* и гласными: *кункăра* — корыто, *инкек* — несчастье, *çавăнпа* — поэтому, *юнсăр* — капризный, *инçе* (*инзе*) — далекий, *сунтал* — наковальня, *минтер* — подушка, *пăнчă* — точка, *сӳнчĕ* — потухло, *паянхи*—сегодняшний, *уншăн* — для него, *киншĕн* — для снохи; между *р* и гласными: *курка* — ковш, *йĕрке* — порядок, *урпа* — ячмень, *шӳрпе* — похлебка, *пăрçа* — горох, *ирçе* — эрзя, *çурта* — свеча, *серте* — снять, *ырхан* — тощий, *хĕрхен* — жалеть, *сурчăк* — плевок, *мерчен* — коралл, *чаршав* — занавес, *кӳршĕ* (*ш=ж*) — сосед и т. д.

В означенных двух звонких положениях возможно и глухое произношение шумных согласных, но только в том единственном случае, если последние являются долгими, т. е. при стечении двух шумных согласных. Например, *намăс+сăр=намăссăр* — бесстыжий: долгое *с* в этом случае имеет глухое произношение. Долгота согласных в положении между гласными представ-

[1] Озвончение интервокальных глухих p, t, k, s ... в b, d, g, в ... — засвидетельствовано и в вульгарно-латинских памятниках IV—VI вв. В итальянских говорах на юге — глухие, на севере — звонкие. См. об этом: М. В. Сергиевский. Проблемы диалектности вульгарной латыни. «Вестник Московского университета», 1946 г., № 1, стр. 29.

ляет довольно частое явление в чувашском языке. Например: *атте* — отец, *тăваттă* — четыре, *кукка* — дядя (брат матери), *иккĕ* — два, *саккăр* — восемь, *аппа* — старшая сестра, *çиппе* — ниткой, *уссăр* — бесполезный, *тĕссĕр* — бесцветный, *виççĕ* — три, *вулаççĕ* — читают, *паттăр* — богатырь, *тĕттĕм* — темно, *лайăххи* — тот, который хорош, *пиçиххи* — пояс, *каччă* — жених и т. д. Другие примеры на морфологизованные случаи удвоения согласных см. ниже в разделе «Долгие согласные».

Во втором звонком положении долгие согласные встречаются сравнительно редко, можно найти не более двух-трех десятков примеров с долгими шумными согласными в основе слов. Например: *тăвайкки* — склон горы, *шайкка* — шайка, *кăркка* — индюк, *имшеркке* — хилый, *ылтăн* — золото, *улттă* — шесть, *вăрттăн* — тайно, *çăрттан* — щука, *кайччĕ* — уходи же, пожалуйста, и т. д. Если в старое время долгота согласных в означенном положении хорошо чувствовалась и была одним из основных фонетических законов чувашского консонантизма, то в наше время во многих случаях долгота эта является мнимой. Нам кажется, что в ряде случаев, как *аванччĕ, лайăхчĕ, ирччен* — до завтра и *каçчен* — до вечера, звук *ч* произносится совершенно одинаково; правописание здесь нисколько не оправдывается произношением; начертание звука *ч* двумя буквами является здесь простым орфографическим приемом для обозначения глухого произношения его в звонком положении. То же самое нужно сказать и о словах *Куславкка* — Козловка, *сайкка* — кролик (ср. русск. заинька). И здесь звук *к* имеет нормальную длительность, и произношение его одинаково как в русском, так и в чувашском языке. Вообще вопрос о возможности в современном языке долгих согласных в положении между сонорными и гласными нуждается в тщательном изучении.

Исключительно глухое произношение шумных согласных наблюдается в чувашском языке в следующих фонетических положениях:

1) в абсолютном начале слова: *кăмака* — печка, *кĕрпе* — крупа, *парне* — дар, *пичке* — бочка, *сасă* — голос, *сивĕ* — холодный, *çар* — войско, *çилĕ* — гнев, *тутлă* — сладкий, *тӳрĕ* — прямой, *кăшла* — грызи, *хĕрлĕ* — красный, *чăрмав* — препятствие, *чĕрĕ* — живой, *шăна* — муха, *шӳтер* — мочить;

2) в абсолютном конце слова: *алăк* — дверь, *ирĕк* — свобода, *айăп* — вина, *йĕп* — иголка, *вырăс* — русский, *йĕс* — жесть, *ывăç* — горсть, *ĕç* — пить, *юрат* — любить, *ишет* — плавает, *уйăх* — месяц, *ирех* — рано утром, *акăш* — лебедь, *ирĕш* — отруби;

3) перед всеми согласными звуками — и шумными и сонорными: *хапха* — ворота, *утмăл* — шестьдесят, *кашкăр* — волк, *каска* — чурбан, *тăпра* — земля, *виçмине* — послезавтра, *витре* — ведро, *сысна* — свинья, *сăпса* — оса и т. д.

4) после всех шумных согласных: *пакша* — белка, *иксӳ* — икота, *кăткă* — муравей, *пахча* — сад, *каçхи* — вечерний.

Звонкое положение на стыке двух слов. Как в звонком положении в иных случаях возможны глухие шумные, так и в глухом положении в связной речи и в отдельных словосочетаниях возможны звонкие шумные согласные. Последнее имеет место исключительно только на стыке двух слов, когда конечные звуки одного слова с начальными звуками непосредственно следующего за ним другого слова образуют звонкое положение для шумных согласных, иначе говоря, конечный глухой звук может звучать звонко, если ему предшествует гласный или сонорный звук и следующее слово начинается гласным звуком. Например: *куç эмелĕ* (читай *куземель*) — лекарство для глаз, *хут илтĕм* (*худильдём*) — я купил бумаги, *хăрах ури* (*хăрагури*, с фрик. г) — одна из ног, *çак ача* (*çагача*) — этот мальчик, *ыраш улăмĕ* (*ыражулăмь*) — ржаная солома, *шăнкăрч ами* (*ч* звонкое) — скворчиха и т. д.

Точно так же и начальный шумный согласный может иметь звонкое произношение, если за ним следует гласный звук и предшествующее слово оканчивается тоже гласным или сонорным согласным. Например: *мана пар* (*манабар*) — дай мне, *ку çыннăн виç ывăл* (*кузьыннăн визьывăл*) — у этого человека три сына, *лаша кӳл те кай* (*лажагюльдегай*) — запрягай лошадь и поезжай, *çĕр çинчи чĕрчунсем* (*çĕрзинчи*) — наземные животные, *мĕншĕн тесен* (*мĕнжĕндезень*) — потому что, *çеçенхир те ешерет* (*çезенгирде ежĕрет*, г фрик.) — и степь зеленеет, *ан хăра* — (*анҳăра*) не бойся и т. д.

Однако так называемое звонкое положение само по себе еще не гарантирует звонкого произношения начальных и конечных шумных согласных в связной речи. Последние в звонком положении не всегда произносятся звонко, а исключительно только внутри словосочетаний, объединяемых одним логическим ударением и не разделяемых паузами или переменой интонации. При чтении каждое предложение делится на отдельные такты или ритмические группы. И каждая из этих ритмических единиц состоит из тесного сочетания двух и более слов. И только в пределах этих ритмических групп и возможно бывает озвончение шумных согласных, начинающих или оканчивающих слова. Деление связной речи на ритмические единицы условно: при одном чтении их будет одно количество, при другом — другое. Например: *хура пус урлă килтĕм* — пришел через паровое поле. Здесь при одном чтении одна ритмическая единица, и все три возможных случая озвончения фактически осуществляются: *хурабузурлăгилдĕмь*. При другом чтении — две ритмические единицы: перед «килтĕм» возможна маленькая пауза. Возьмем далее четверостишие из сочинений Сеспеля:

Пĕлтер мана, тăван çĕршывăм,
Хăçан кăтартăн халăхна
Ху чĕлхӳне хăзат кĕртмешкĕн
Тĕнчене килнĕ ывăлна?

Если обратить внимание на фонетические условия, то в этих стихах мы имеем десять случаев, благоприятных для озвончения глухих шумных на стыках слов. Но при чтении их из десяти возможных случаев фактически только 6—7 согласных бесспорно подвергаются озвончению — это начальные согласные в словах *тăван* (факультативно), *çĕршывăм, кăтартăн, чĕлхӳне, хăват, килнĕ,* а в остальных словах между отдельными ритмическими группами, разделяемыми паузами, они остаются без изменения в своей глухой разновидности: *хăçан, халăхна, ху, тĕнчене.*

Закономерности чувашского консонантизма в области произношения шумных согласных. Таким образом, типичными особенностями чувашского консонантизма являются: 1) исключительно глухое произношение всех шумных согласных а) в абсолютном начале слов, б) в абсолютном конце слов, в) в середине слов перед всеми согласными — шумными и сонорными, г) после шумных согласных и д) в звонком положении, если шумные согласные являются долгими; 2) звонкое произношение шумных согласных а) между гласными и б) между сонорными и гласными; 3) наличие долгих согласных в природных словах исключительно а) между гласными и б) между сонорными согласными и гласными; 4) абсолютное отсутствие в природных словах долгих звонких шумных согласных.

Указанные закономерности можно отчасти объяснить особенностями артикуляции в чувашском языке. В силу преобладания здесь прогрессивной формы ассимиляции артикуляционный уклад голосовых связок на звучание для произнесения сонорного звука продолжается и при произнесении следующего за ним шумного согласного. Таким образом, благодаря звонкости предшествующего звука и последующий звук становится звонким (частичная ассимиляция по звонкости). То же самое происходит и при озвончении шумного согласного в положении между гласными. Сильно озадачивает исследователя только вопрос, почему не озвончаются шумные согласные перед сонорными. Вопрос этот до сих пор остается открытым. Нам кажется, что явление это возможно объяснить тем, что, во-первых, в чувашском языке редко встречается регрессивная ассимиляция, а потому шумные перед сонорными не озвончаются; во-вторых, каждый шумный согласный перед сонорными заканчивает слог (напр. *сăх+ман, ӳс+лĕк, тăп+ра),* а в закрытом слоге по артикуляционным особенностям чувашского языка немыслимо звонкое произношение шумного согласного.

Указанные закономерности также убеждают нас в том, что чувашский консонантизм развивался исторически. В древнейшие периоды своего развития, по-видимому, он совсем не знал звонких шумных согласных, а оперировал исключительно сонорными и шумными в глухой разновидности. Подтверждением этого могут служить памятники древнетюркской рунической письменности. В памятнике в честь Кюль-Тегина[1] мы находим слова с глухими шумными согласными там, где теперь и в чувашском и в некоторых тюркских языках имеем звонкие согласные. Например: *анта,* алт. *анда,* чув. *унта* (произносится *унда)* — там; *бунта,* ткрм. *мунда,* чув. *кунта (кунда)* — здесь; *илтä* — в государстве, кирг. *элде* — в народе, чув. *ялта (ялда)* — в деревне; *олуртым,* кирг. *отурдым,* чув. *лартăм (лардăм)* — сел и т. д. Ср. в Куд. бил. (памятник XI в.) слова: *копар,* чув. *хăпар (хăвăр)* — подниматься; *кутул,* чув. *хăтăл (хăдăл)* — спастись и т. д. В последующие же этапы развития чувашского языка, начиная со времени Казанского ханства, где кыпчаки заняли господствующее положение, постепенно появляются в нем звонкие шумные согласные — сначала в положении между гласными, а позднее уже и в положении между сонорными и гласными. В дальнейшем в связи с точным восприятием произношения заимствованных из русского языка слов или через посредство русского языка интернациональных, социально-политических, научных и технических терминов артикуляционная база чувашского языка все более и более расширяется и для него становятся возможными новые фонетические сочетания звуков. Мы и теперь уже замечаем некоторые изменения в области озвончения согласных. Например, мы имеем слова со звонкими шумными согласными даже не в звонком положении: *кантра (кандра)* из *кантăра* — бечевка, *сентре (сендре)* из *сентĕре* — полати, *Энтри (Эндри)* из *Энтĕри, кункра (кунгра)* из *кункăра* — корыто. В приведенных словах шумные согласные сохранили свою звонкость и по выпадении редуцированного гласного *ă* или *ĕ.*

Палатализация согласных. В чувашском языке почти все согласные выступают в двух разновидностях — твердой и мягкой. Палатализация или смягчение согласных зависит от известного уклада языка, при котором средняя часть его значительно поднимается вверх к твердому нёбу (palatum), отчего укорачивается передний резонатор (полость рта), и звуки получаются с мягким акустическим оттенком. Мягкость чувашских согласных всецело обусловливается положением их в непосредственном соседстве с гласными переднего ряда: *э, ĕ, и, ӳ,* диал. лаб. *ё.* Указанные гласные влияют на согласные палатализующим образом независимо от того, стоят ли они непосредственно перед ними

[1] С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. 1951, стр. 27—28.

или за ними. Эта особенность резко отличает чувашский язык от русского. В русском языке в отношении смягчения согласных мы наблюдаем случаи только регрессивной ассимиляции, а в чувашском — и регрессивной, и прогрессивной. При этом преждевременный подъем средней части языка в положение следующего палатального гласного является причиной палатализации предшествующего согласного, а сохранение палатальной артикуляции гласного до того момента, пока не произнесен следующий за ним согласный звук — причиной палатализации последующего согласного. Например, звуки *л* и *р* в словах *ил, кил, пир, тир* в русском языке произносятся твердо (здесь предшествующее *и* не оказывает палатализующего влияния на последующие *л, р*), а в чувашском языке — мягко: *ил*—брать, *пĕл* — знать, *пир* — холст, *тир* — шкура. Здесь, наоборот, в природных словах абсолютно невозможны случаи твердого произношения согласного в означенном фонетическом положении, т. е. непосредственно за гласным переднего ряда. Это одна из основных фонетических закономерностей чувашского консонантизма.

Чувашские согласные палатализуются не все в одинаковой степени. Одни из них способны смягчаться в большей степени, другие — в меньшей, а третьи выступают по преимуществу в одной разновидности — мягкой или твердой. Напр., звук *с* в глухой и звонкой разновидности почти не смягчается или смягчается настолько незначительно, что трудно уловить это на слух. По крайней мере мягкий вариант его звучит нисколько не мягче русских *с* и *з* в словах: *пески, тиски, схема, средний, средство, зрение, низринуть* или в латинских, semen, insectum, miser, diserte и др. Например: *сивĕ* — холодный, *кĕске* — короткий, *симĕс* — зеленый, *эсĕ (эзĕ)* — ты, *эсир (эзир)* — вы, *ӳсет (ӳзет)* — растет и пр. То же нужно сказать и о звонкой разновидности звука *ш(ж): хушать (хужать)* — велит, *ишĕл (ижĕль)* — рушиться, обвалиться.

Некоторые согласные в чувашском языке, как глухое и звонкое *ç*, глухое и звонкое *ч* и *й*, по самой природе своей, т. е. по условиям артикуляции, являются неизменно палатальными, а по акустическому впечатлению мягкими. И в сочетаниях с гласными заднего ряда они сохраняют свою обычную мягкость. Например: *çарамас* — голый, *кăçал* — в нынешнем году, *пăрăç*— перец, *чарăн* — перестать, *начар* — плохой, *хаяр (хайар)* — сердитый и пр. С первого раза может показаться, что звук *ç* есть не что иное, как мягкая разновидность звука *с*, но на самом деле между ними нет ничего общего. Звук *ç* образовался в чувашском языке не путем смягчения *с*, а совершенно отдельно и независимо от него и является вполне самостоятельной фонемой: ср. *симĕс* — зеленый и *çимĕç* — плоды, фрукты. Он восходит к древней аффрикате *джь* или *дзь*. Поэтому в других тюрских языках ему соответствуют звуки *й (j), ч, джь, жь, дзь, дь*. Например: *çур*, тур. *йар*, каз.-тат. *йар*, кирг. *жар* — рассекать пополам, колоть; *çĕр*, тур. *йӱз*, каз.-тат. *йӧз*, шорск. *чӱс*, ойрот. *дьӱс*, карач. *джӱз* — сто; *çул*, тур. *йыл*, казанско-тат. *ел*, шорск. *чол*, карач. *джыл* — год; *ĕç*, тур. *ич*, казанско-тат. *эч*, шорск. *ич*, карач. *ич* — пить.

Что касается других согласных, то все они встречаются в двух разновидностях — в твердой и в мягкой. Смягчаются они не все одинаково. Наиболее полному смягчению подвергаются звуки *л, н, т* и диал. *р*. Вообще палатализованные согласные звучат в чувашском языке так же, как соответствующие мягкие согласные в русском языке. Например, в словах *кил* — дом, *кин* — сноха, *икел* — желудь, *хĕр* — дочь, *мĕн* — что, *пер* — бросать все согласные звучат так же мягко, как в русских словах: *киль (киль судна), кинь, ягель, вихрь, темень, теперь* и и т. д. В русском языке звуки *ш* и *ж* являются только в твердой разновидности (слова *широкий, жил* произносятся как *шырокий, жыл*), а в чувашском языке *ш* — и в твердой и в мягкой: ср. *шухăш* — мысль, *шӳреке* — остроконечный, *хушă (хужă)* — промежуток, *ишет (ижеть)* плавать.

Степень мягкости чувашских согласных отчасти колеблется и по наречиям. Например, в верховом наречии некоторые шумные согласные, как *к* и *т*, в глухой и звонкой разновидности звучат несколько мягче, чем в низовом. Частичную депалатализацию согласных в низовом наречии, вероятно, можно объяснить влиянием татарского консонантизма. Татарские мягкие согласные имеют сравнительно с чувашскими несколько заднюю артикуляцию и дают сравнительно твердый акустический эффект.

Хотя смягчение согласных в чувашском языке основано исключительно на ассимилятивном действии передних гласных на предшествующие и последующие согласные и в силу закона сингармонизма в словах обычно бывают или только гласные переднего ряда с палатализованными согласными или только заднего ряда с непалатализованными согласными, все же иногда встречаются и не совсем обычные для чувашского языка сочетания гласных заднего ряда с мягкими согласными. В такие сочетания могут вступать только следующие шесть мягких согласных: *й, ç, ч, л, н, т*. Первые три звука являются мягкими по природе своей, т. е. по условиям артикуляции; у них твердого варианта нет, а потому они легко уживаются с гласными заднего ряда. Например: *юрă (йурă)* — песня, *туй* — свадьба, *йăла* — обычай, *çамрăк* — молодой, *пуçлăх* — начальник, *пăчăр* — рябчик, *тăпач* — цеп. Что касается наличия мягких *л, н, т* в указанных сочетаниях, то они появились здесь в результате разных фонетических изменений: а) благодаря выпадению *й*: *выля* из *выйла, выльăх* из *выйлăх, хуньăм* из *хайнăм, Михаля* из *Михайла* и т. д.; б) благодаря исчезновению конечного редуцирован-

ного гласного *ĕ*: *халь* из *халĕ*, *каять* из *кайатĕ*, *вулать* из *вулатĕ* и т. д. При этом необходимо заметить, что исконно чувашских слов с мягкими *л* и *н* в словах с гласными заднего ряда в языке совсем немного, не более двух десятков, а мягкое *т* встречается преимущественно в глагольной форме третьего лица единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения и сохраняется здесь только благодаря тому, что является звуком морфологизованным. Впрочем, в силу необычности в языке подобных сочетаний в некоторых районах чувашской языковой области вместо мягкого *т* в окончании глаголов произносят твердый *т*: *вулат, çырат, каят* и т. д. Остальные согласные *в, к, м, п, р, х, ш* в мягкой своей разновидности в природных словах органически не могут вступать в сочетание с гласными заднего ряда.

На основании изложенного можно предполагать, что в истории развития чувашского языка был период, когда совершенно немыслимы были сочетания мягких согласных с гласными заднего ряда. Мягкие согласные проникли сюда, как мы уже заметили, под влиянием разных причин, фонетических и нефонетических. Например, мягкие *л* и *н* могли появиться в словах с гласными заднего ряда и независимо от выпадения *й*. Твердые *л* и *н* неизменно смягчаются, как только оказываются непосредственно перед звуками *ч* и *ç*, являющимися по природе своей мягкими (регрессивная ассимиляция). Например: *пылчăк (л=ль)* — грязь, *хăлчăк* — мякина, *вăлчă* и *вăлçă* — икра, *шалчă* и *шалça* — кол, жердь; *çăвăлчă, çулчă* и *çулçă* — лист, *калча* и *калça* — озимь, *хуралçă* — караульщик, *пăнчă* — точка, *анчăк* — щенок, диал. собака, *ярăнчăк* — качели, *мунча* — баня, *мунчала* — мочало, *кунча* — голенище, *анчах* — только, *вăранччăр* — пусть просыпаются и т. д. Во всех приведенных примерах звуки *л* и *н* перед *ч* и *ç* имеют мягкое произношение.

Кроме того, мягкие согласные сохраняются в чувашском языке в тех словах с велярными гласными, которые представляют собой или русское заимствование или образовались из русских основ. Мягкое произношение согласных звуков оригинала остается в этом случае и в чувашских словах. Например: *Санька, Ванька, Анька, Танька, Катька, Улька, Çумка* (ср. Сёмка), *Лявкка* (ср. Лёвка), *Ванюк, Санюк, Катюк, Анюк, Палюк, Лявук, Ваçук* и т. д.

В силу закона сингармонизма в природных чувашских словах невозможно также твердое произношение смежных с палатальными гласными согласных. Единственным звуком, сохраняющим в этом случае довольно твердое произношение, но все же получающим частичное (хотя и весьма незначительное) смягчение, является звук *с*. Как выше было замечено, он, в противоположность звуку *ç*, имеет сильную тенденцию удер-

живать всегда твердое произношение. Ср. например, *симĕс* — зеленый и *çимĕç* — плод, *сĕр* — мазать и *çĕр* — гнить, *пис* — отвыкать, чуждаться и *пиç* — вариться, поспевать и т. д.

После революции артикуляционные установки у чувашской молодежи значительно изменились. В наше время в новых заимствованиях из русского языка немыслимое раньше произношение твердых согласных в положении за гласными переднего ряда не представляет уже затруднений. Например: в словах *совет, декрет, поэт, Ленин, Пушкин, боевик, отличник, член, пионер, кооператив* и др. конечные согласные произносятся твердо, как в русском оригинале. В старых же заимствованиях, проникших в чувашский язык в дореволюционное время, в аналогичных случаях мы везде имеем мягкое произношение согласного, вопреки твердому произношению его в русских словах. Например: *пилет* — билет, *ĕрет* — ряд, *старик, премĕк* — пряник, *Петĕр* — Петр, *Хĕветĕр* — Федор, *Хĕлип* — Филипп и т. д.

На частичное отвердение некоторых согласных в сочетаниях с палатальными гласными, кроме указанных факторов, оказывают известное влияние и предшествующие слоги с гласными заднего ряда. Но это бывает исключительно только в тех случаях, когда за указанными слогами с велярными гласными следует слог с гласным *и*, представляющим собою аффикс третьего лица, который в прилагательных кроме того является и приметой определенной формы, и когда этому *и* предшествует один из следующих согласных: *л, н, р, с, т*. При этом указанные согласные удерживают свой твердый оттенок и по признании к ним словообразовательных или словоизменительных аффиксов. Например: *али* — его решето, ср. *алине, алипе* и т. д., *алли* — его рука, ср. *аллинче, аллинчен* и т. д.; *хули* — его город, *хулли* — его прут, *çырли* — его ягода, *хăмла çырли* — малина, *ăслă* — умный (тот, который умен), ср. *ăслисем, ăслисенчен* и т. д., *асли* — старший, *вăйли* — сильный, *укçалли* — денежный, *хăни* — его гость, *пуçани* — его свояк, *сысни* — его свинья, *савни* — милый, *аванни* — тот, который хорош, *ывăнни* — тот, который устал, *калани* — сказанное, *ури* — его нога, *сăри* — его пиво, *хăйри* — его точило, *пурри* — тот, который налицо, *хури* — черный, *хяярри* — тот, который сердит, *сасси* — его голос, *хавасси* — тот, который рад, *килесси* — тот, который придет, *хăти* — его сват, *тути* — его губа, его вкус и т. д.

В отдельных говорах частичное отвердение предпоследнего согласного при тех же условиях мы наблюдаем и в глаголах уступительного наклонения в третьем лице ед. числа перед аффиксом *-ин*: *калин* — что же из того, что говорит, пусть говорит, *вулин* — что из того, что читает, пусть читает, *кулин* — что же из того, что смеется, пусть смеется, ср. *кулиннчĕ, савăнин* (*савăн* — радоваться), *вырин* (*выр* — жать), *ларин* (*лар* — сидеть), *пăсин* (*пăс* — портить), *сутин* (*сут* — продать) и т. д.

Однако в некоторых случаях и в указанном фонетическом положении звук *и* сохраняет свое палатализующее действие на предшествующий ему согласный звук. В словах *ани* — моя свекровь, *ати* — мой свекор, *валли* — для мягкое произношение согласных можно объяснить следующим образом. В первых двух словах звук *и* восходит к звательной частице *-ай (-ей)*, а потому всегда смягчает предшествующий согласный: ср. *аби, кукки, мучи, хуняки* и др. Слово *валли* образовалось из *валӗ+и*, мягкое *л* удержалось и в новой форме, ср. *кӳлӗ — кӳлли*.

Долгие согласные. Одной из характерных особенностей чувашского консонантизма является также сильная распространенность долгих или удвоенных согласных. В чувашском языке долгими могут быть только две категории согласных — сонорные и шумные в глухой разновидности. Звонкие шумные в природных словах не могут удлиняться, на нынешнем этапе развития чувашского языка совершенно немыслимы долгие шумные согласные в звонкой разновидности. Долгота согласных определяется здесь фонетическим положением их. Согласные здесь могут быть долгими исключительно между гласными и обозначаются они удвоенными буквами. Например: *атте* — отец, *анне* — мать. Что касается удлинения шумных глухих согласных в положении между сонорными и гласными, то оно является несколько спорным. По нашим наблюдениям, длительность их в этом положении нисколько не превышает нормальной длительности в других положениях. Обозначение же их в означенной позиции двумя буквами, с нашей точки зрения, можно рассматривать как простой орфографический прием для обозначения глухих в звонком положении. Ср. например, современное произношение звука *ч* в словах *çукчӗ* и *пурччӗ*, оно в обоих словах имеет почти нормальную длительность, несмотря на обозначение его двойной буквой в словах *пурччӗ, аванччӗ*. В чувашском языке почти все случаи удвоения согласных относятся к морфологизованным или к синтаксическим случаям. Неморфологизованные случаи удлинения согласных ограничиваются только двумя-тремя десятками слов. Например: *акка, аппа* — старшая сестра, *пиччӗ* — старший брат, *кукка — дядя* (брат матери), *каччӑ* — жених, *чечче* — оспа, *аллӑ* — пятьдесят, *эппин* — в таком случае, значит, *шакка* — стучать, *тӗттӗм* — темный, темно и др.

Весьма многочисленны в чувашском языке морфологизованные случаи долгих согласных, где долгота является показателем известной грамматической формы слов. Сюда относятся:

1. Удвоение двухсложными существительными на конечные *ӑ* и *ӗ* последнего согласного звука в род. и дат.-винительном падежах, если только ему не предшествует другой согласный. Напр.:

О. тырӑ	Р. тыррӑн	Д.-В. тырра	хлеб в зерне
» вӑйӑ	» вӑййӑн	» вӑйӑ	игра
» çӗçӗ	» çӗççӗн	» çӗççе	нож
» кӳлӗ	» кӳллӗн	» кӳлле	озеро и т. д.

Если же конечному *ӑ* или *ӗ* предшествует не один, а два согласных звука или существительное состоит из трех и более слогов (т. е. является производным), удвоения согласного не бывает. Например:

О. кӑткӑ	Р. кӑткӑн	Д.-В. кӑтка	муравей
» пӗрчӗ	» пӗрчӗн	» пӗрче	зерно
» кӗтӳçӗ	» кӗтӳçӗн	» кӗтӳçе	пастух и т. д.

2. Те же двухсложные существительные на конечные *ӑ* и *ӗ* при употреблении их с притяжательными аффиксами всех трех лиц ед. и мн. числе удваивают предшествующий конечному *ӑ* или *ӗ* согласный во всех падежах ед. и мн. числа. Например: ед. ч. О. *сӑвӑ* — мелодия, напев, *сӑввӑм* — моя мелодия, *сӑвву* — твоя мелодия, *сӑвви* — его, ее мелодия, *сӑввӑмӑр* — наша мелодия, *сӑввӑр* — ваша мелодия, *сӑвви* — их мелодия; множ. число: О. *сӑввӑмсем* — мои мелодии, *сӑввусем* — твои мелодии, *сӑввисем* — его, ее мелодии, *сӑввӑмӑрсем* — наши мелодии, *сӑввӑрсем* — ваши мелодии, *сӑввисем* — их мелодии. То же самое наблюдаем и во всех косвенных падежах, так что от каждого слова получается до 75 удвоенных форм. Существительных же на *ӑ* и *ӗ*, допускающих при употреблении с притяжательными аффиксами удвоение корневого согласного, насчитывается в языке около ста; следовательно, в данном случае образуется до 7500 форм с долгими согласными. Сюда относятся следующие слова на *-ӑ, -ӗ*:

хӑйӑ	хӑййӑм	хӑйӳ	хӑйӥ	хӑййӑмӑр	хӑййӑр	лучина
пӗкӗ	пӗккӗм	пӗккӳ	пӗкки	пӗккӗмӗр	пӗккӗр	дуга
тулӑ	туллӑм	туллу	тулли	туллӑмӑр	туллӑр	пшеница
шӑмӑ	шӑммӑм	шӑмму	шӑмми	шӑммӑмӑр	шӑммӑр	кость
сӑнӑ	сӑннӑм	сӑнну	сӑнни	сӑннӑмӑр	сӑннӑр	жало
тупӑ	туппӑм	туппу	туппи	туппӑмӑр	туппӑр	пушка
тӗрӗ	тӗррӗм	тӗррӳ	тӗрри	тӗррӗмӗр	тӗррӗр	вышивка
сасӑ	сассӑм	сассу	сасси	сассӑмӑр	сассӑр	голос
çӗçӗ	çӗççӗм	çӗççӳ	çӗççи	çӗççӗмӗр	çӗççӗр	нож
йытӑ	йыттӑм	йытту	йытти	йыттӑмӑр	йыттӑр	собака
чӑхӑ	чӑххӑм	чӑхху	чӗххи	чӑххӑмӑр	чӑххӑр	курица
ташӑ	ташшӑм	ташшу	таши	ташшӑмӑр	ташшӑр	пляска, танец

кӗвӗ, вӑйӑ, ийӗ, пӑкӑ, чикӗ, тӗкӗ, шӗкӗ, шакӑ, хулӑ, кулӑ, алӑ, тылӑ, çилӗ, сулӑ, сӗлӗ, килӗ, пулӑ, йӑлӑ, хулӑ, кӗлӗ, вилӗ, кимӗ, мимӗ, çанӑ, тӗнӗ, тапӑ, çапӑ, лӗпӗ, чӗпӗ, çӳпӗ, çипӗ, тӗрӗ, нӑрӑ,

çĕрĕ, пусă, касă, пĕçĕ, лаçă, çутă, атă, утă (шаг), пăтă, вутă, хӳтĕ, çыхă, пухă, ухă, ӳхĕ, хухă, хачă, ăшă, пушă, хушă, тĕшĕ, хӳшĕ и т. д.

3. Образуют самостоятельную или определенную (субстантивную) форму с долгими согласными путем присоединения аффиксов принадлежности 3-го лица *и:* а) все прилагательные на согласные или на редуцированные *ă* или *ĕ,* если последним предшествует только один согласный звук:

пысăк — большой — пысăкки — тот, который большой
вăрăм — длинный — вăрăмми — тот, который длинен
ырă — добрый — ырри — тот, который добр
вĕтĕ — вĕтти — мелкий; шурă—шурри — белый и т. д.;

б) все прилагательные в сравнительной степени на *-рах (-рех)* *лайăхрах* — лучше, *лайăхраххи* — тот, который лучше, лучший; *чипертерех* — красивее, *чипертереххи* — тот, который красивее; *усăллăрах* — полезнее, *усăллăраххи* — тот, который полезнее; *ăслăрах* — умнее, *ăслăраххи* — тот, который умнее и т. д.;

в) все причастия настоящего времени на *-акан(-екен): çыракан* — пишущий, *çыраканни* — тот, который пишет; *ĕçлекен* — работающий; *ĕçлекенни* — тот, который работает и т. д.,

г) все будущие причастия в положительной форме на *-ас(-ес)* и в отрицательной форме на *-мас(-мес): пулас* — предстоящий, *пуласси* — то, что предстоит, нечто предстоящее, *пулмас — пулмасси* — то, чего не будет, *килет — килесси* — то, что должно прийти, наступить, *килмес — килмесси* и т. д.;

д) прошедшие причастия в отрицательной форме на *-ман (-мен): вăранман* — не просыпавшийся, *вăранманни* — тот, который не просыпался; *килмен* — не пришедший, *килменни* — тот, который не пришел и т. д.

4. Наречия образа действия, образованные от прилагательных на согласные или на редуцированные гласные *ă* и *ĕ,* удваивают коренной согласный звук: прилаг. *ăшă* — тепло, нареч. *ăшшăн* — тепло, приветливо, *сивĕ* — холодный, суровый, *сиввĕн* — сурово, *çăмăл* — легкий, *çăмăллăн* — слегка, легкомысленно и т. д.

5. Все глаголы в личном окончании 3-го лица мн. числа настоящего времени изъявительного наклонения в положительной и отрицательной форме имеют долгое *ç: пурăнаççĕ* — живут, *пурăнмаççĕ* — не живут; *шухăшлаççĕ* — думают, шухăшламаççĕ — не думают; *хĕпĕртеççĕ* — радуются, *хĕпĕртемеççĕ* — не радуются; *тирпейлеççĕ* — приводят в порядок, *тирпейлемеççĕ* — не приводят в порядок и т. д.

6. Все глаголы имеют долгое *т:* а) в 1-ом и 2-ом лице единственного и множ. числа в прошедшем несовершенном времени: *çапăçаттăм* — сражался, бывало сражался, *çапăçаттăн, çапăçаттăр, çĕнтереттĕм, çĕнтереттĕн, çĕнтереттĕмĕр* я побеждал, ты побеждал и т. д.;

б) в первом и втором лице ед. и мн. числа в положительной и отрицательной формах сослагательного наклонения: *пуçлăттăм, пуçлăттăн, пуçлăттăмăр, пуçлăттăр* — я начал бы, ты начал бы и т. д.; *кĕрешĕттĕм, кĕрешĕттĕн, кĕрешĕттĕмĕр, кĕрешĕттĕр* — я боролся бы, я вел бы борьбу, ты боролся бы и т. д.

в) в 1-ом и 2-ом лице ед. и мн. числа давно прошедшего времени: *палласаттăм, палласаттăн, палласаттăмăр, палласаттăр*— я узнал, ты узнал, мы узнали и т. д; *ĕçлесеттĕм, ĕçлесеттĕн, ĕçлесеттĕмĕр, ĕçлесеттĕр*— я работал и т. д.

7. Удваивают *ч:* а) глаголы на гласные и сонорные согласные в повелительном наклонении в 3-м лице мн. числа: *сыхлаччăр* — пусть оберегают, *хавхаланччăр* — пусть воодушевляются, *ĕçлеччĕр* — пусть работают и т. д.;

б) все глаголы в сослагательном наклонении в 3-м лице ед. и мн. числа в положительной и отрицательной формах: *йышăнĕччĕ* — принял бы, *йышăнмĕччĕ* — не принял бы; *хăварĕччĕ* — оставил бы, *хăвармĕччĕ* — не оставил бы; *илĕччĕ* — взял бы, *илмĕччĕ* — не взял бы и т. д.;

8. Долгий звук *л* имеют: а) причастия долженствования на *-малла(-мелле), -малли(-мелли): тăрăшмалла* — нужно стараться, *кĕтмелле* — нужно ждать и др.;

б) наречия, образованные от дательного падежа существительных и числительных количественных и обозначающие, по направлению к какому месту совершается действие, или к какому возрасту приближается человек, или же к какому числу приближается счет: *хуланалла* — по направлению к городу, *ялалла* — по направлению к деревне, *Канашалла* — по направлению к Канашу, *вăрманалла* — по направлению к лесу, *хирелле* — по направлению к полю, *килелле* — по направлению к дому, *вăтăралла* — к тридцати (годам), *утмăлалла* — к 60, *çитмĕлелле* — к 70, *кунталла* — по направлению сюда, *лерелле* — по направлению туда и т. д.;

в) наречия образа действия, образующиеся от имен на гласные звуки: *укçалла* — на деньги (купил), *тырăлла* — на хлеб, *çаралла* — в голом виде, *хытăлла* — вкрутую, *лашалла* — в лошадки (играть), *пуканелле* — в куклы, *шашкăлла* — в шашки, *куçхуппилле* — в жмурки и т. д.

9. В наречиях собирательных, образующихся от числительных количественных, удваивается коренной согласный звук: *пĕччен* — в одиночку, *иккĕн* — вдвоем, *виççĕн* — втроем, *тăваттăн* — вчетвером, *пиллĕкĕн* — впятером, *улттăн* — вшестером, *çиччĕн, саккăрăн, тăххăрăн, вуннăн* и т. д.

Долгие согласные в чувашском языке иногда используются для целей синтаксических. К синтаксическим случаям удвоения

согласных относится употребление количественных числительных с долгим коренным согласным при отвлеченном счете без упоминания считаемых предметов, при вычислениях с отвлеченными числами и с обыкновенным (одиночным) согласным при упоминании считаемых предметов, при именованных числах. Например: *пĕрре, иккĕ, виҫҫĕ, тăваттă, пиллĕк, улттă, ҫиччĕ, саккăр, тăххăр, вуннă* — один, два, три и т. д.; *вуннă та пиллĕк — вунпиллĕк* — десять и пять — пятнадцать; ср. *пĕр тенкĕ, иккĕ тенкĕ, виҫĕ тенкĕ* — один рубль, два рубля, три рубля; *вунă пус та пилĕк пус — вунпилĕк пус* — 10 коп. и 5 коп.—15 копеек; *пĕр кил, иккĕ кул, виҫĕ кил* — один двор (дом), два двора, три двора. По-видимому, в первом случае удвоение объясняется тем, что здесь все внимание и интерес того, кто считает, сосредоточены на счете, на числах, во втором случае — на считаемых предметах.

Изменения согласных звуков. Чувашские согласные подвержены главным образом комбинаторным изменениям, т. е. изменениям, зависящим от положения согласного звука в слове. Из комбинаторных изменений необходимо отметить ассимиляцию и чередование согласных.

Ассимиляция согласных. В чувашском языке преобладает, как мы уже выше упоминали, прогрессивная, или прямая, ассимиляция, но имеются случаи и регрессивной, или обратной, ассимиляции. 1) В качестве одного из случаев частичной ассимиляции согласных можно привести примеры на озвончение шумных согласных в двух положениях: а) между гласными звуками: *лаша (лажа), упа (уба)* — медведь, *усă (узă)* — польза и т. д.;

б) между сонорными и гласными: *чавса (чавза)* — локоть, *килте (килде)* — дома, *урпа (урба)* — ячмень и т. д. В данном случае, по-видимому, можно усмотреть одновременное действие прогрессивной и регрессивной ассимиляции.

2) Другим примером частичной ассимиляции согласных служит смягчение согласных непосредственно перед гласными переднего ряда: *вите* — конюшня, *хӳме* — забор (регрессивная ассимиляция) или непосредственно за ними: *ил* — брать, *ӳт* — тело (прогрессивная ассимиляция по палатальности); *пĕл* — знать, *этем* — человек, *ĕне* — корова (прогрессивная и регрессивная ассимиляция по палатальности).

3) Полную прогрессивную ассимиляцию, не отражающуюся в орфографии, можно усмотреть в следующих случаях: а) все существительные на *ш* и на *ҫ* во множественном числе имеют окончание с долгим *ш* или *ҫ: -шшем, -ҫҫем* вместо *-шсем, -ҫсем:* здесь звук *с* аффикса множ. числа *-сем* уподобляется звуку *ш* и *ҫ* конца слова, так что в устной речи мы имеем *чăвашшем* — чуваши, *пĕлĕшшем* — знакомые, *алсишшем* — варежки, *йывăҫҫем* — деревья, *хутаҫҫем* — мешочки, *хĕҫҫем* — мечи, сабли, *каҫҫем* — вечера, а пишем, подчиняясь морфологическому принципу, *чăвашсем, йывăҫсем* и т. д.;

б) в тех же словах звук *с* послелога аффикса *-сăр, -сĕр,* ассимилируется с предшествующим ему *ш* или *ҫ* конца слова, и мы произносим их как *чăвашшăр* — без чувашина, *пĕлĕшшĕр* — без знакомого, *алсишшĕр* — без рукавиц, *йывăҫҫăр* — без дерева, *хутаҫҫăр* — без мешочка, *каҫҫăр* — до вечера (не приду), но пишем *чăвашсăр, йывăҫсăр, алсишсĕр* и т. д.;

в) в глаголах повелительного наклонения на *ш* и *ҫ* при присоединении для усиления просьбы частицы *-сам* в значении «пожалуйста» происходит не отражающееся в орфографии удвоение *с* звукам *ш* или *ҫ:* мы произносим *пулăшшам* — помоги, пожалуйста; *тăрăшшам* — постарайся, пожалуйста; *хушшам* — прибавь, пожалуйста; *ишшем* — поплавай же, *каҫҫам* — пожалуйста, переходи; *уҫҫам* — пожалуйста, открывай; *леҫҫем* — пожалуйста, отнеси; *валеҫҫем* — пожалуйста, раздели, распредели; а пишем *пулăшсам, тăрăшсам* и т. д.

г) в деепричастиях на *-са(-се)* и на *-сан(-сен)* звук *с* ассимилируется с конечными *ш* или *ҫ* глагола: *пулăшша, тăрăшша, хушша, ишше, каҫҫа, уҫҫа, леҫҫе, валеҫҫе, куҫҫа, хуҫҫа, пиҫҫе* и т. д.; *пулăшшан* — если поможешь, *тăрăшшан* — если постараешься, *хушшан* — если велишь, *ишшен, каҫҫан, уҫҫан, леҫҫен, валеҫҫен, куҫҫан, вĕҫҫен, пиҫҫен,* а пишут *пулăшса, пулăшсан, тăрăшса, тăрăшсан, каҫса, леҫсе, каҫсан, леҫсен* и т. д.

4) Полная регрессивная ассимиляция, не отражающаяся на письме, обнаруживается в следующих случаях: а) во всех глаголах в первом лице множ. числа настоящего времени предшествующее *т* уподобляется последующему *п.* Например, в устной речи мы имеем *вулаппăр* — читаем, *хăвалаппăр* — гоним, *тасатаппăр* — чистим, *юлаппăр* — остаемся, *пĕтереппĕр* — кончаем, уничтожаем, *кĕтеппĕр* — ждем и т. д., но пишем *вулатпăр, хăвалатпăр, пĕтеретпĕр* и т. д.;

б) при присоединении к будущему причастию на *-ас(-ес)* аффикса *-шăн(-шĕн)* звук *с* уподобляется звуку *ш,* и в разговорной речи в этих словах слышится долгое *ш: эпĕ, эсĕ... ҫырашшăн* (на письме *ҫырасшăн*) — намереваюсь, намереваешься... писать, *вăл кăтарташшăн* — он намеревается показать и т. д.

в) в прошедшем несовершенном (многократном) времени в 3-м лице един. и множ. числа мягкое *т* ассимилируется с *ч: пурăначчĕ* — жил, *пурăначчĕҫ* — жили; *килеччĕ* — приходил, *килеччĕҫ* — приходили; *кăлараччĕ* — выпускал, *кăлараччĕҫ* — выпускали и т. д. Пишем: *пурăнатчĕ, пурăнатчĕҫ, килетчĕ, килетчĕҫ;*

г) кроме указанных случаев, имеющих массовый характер по охвату большого количества слов, можно отметить и единичные примеры обратной ассимиляции. Например: *ашшĕ* (вм.

аçăшĕ) — его отец, диал. *мĕлле* (вм. *мĕнле*) — как, каким образом; *куллен* (вм. *кунлен*) — ежедневно (ср. греч. συν + λέγω — συλλέγω —собираю), *шашан вутти* — колотые дрова, сложенные в штабель (ср. русск. *сажень*), диал. *умма* (вм. *улма*) — яблоко, диал. *килкепе* (вм. *тилкепе*) — вожжи, *чӳрече* вм. *тӳрече* (перс. *дариче* — окно, букв. маленькая дверь, ср. тюрк. *тäрäчä* — окно), *алшиш* (вм. *алсиш*) и т. д. Частичную регрессивную ассимиляцию по лабиальности можно видеть в переходе в некоторых говорах звука *н* в *м* перед губными: *ампар* (на письме *ан пар*) — не давай, *ам пер* (вм. *ан пер*) — не бросай, не кидай, *çампа* (вместо *çавăнпа*) — поэтому и т. д. Регрессивной ассимиляцией объясняется и форма творительного падежа множ. числа *-семпе* вместо *-сенпе: çынсемпе.*

Чередование согласных звуков. К числу комбинаторных изменений можно отнести также позиционное чередование согласных. Более типичным для чувашского языка, как и для многих тюркских языков, являются: 1) не отражающееся в орфографии чередование глухой разновидности шумных согласных со звонкой. Конечный согласный звук, как только оказывается при изменении слова в звонком положении, так тотчас же принимает звонкое произношение. Например: *курăк* — трава, *упа курăкĕ (уба курăгĕ)* — папоротник, *ак* — сей, *акăр (агăр)* — сейте, *карап* — корабль, *тăшман карапĕ (п=б)* — вражеский корабль, *сап* — поливай, *сапăр (п=б)* — поливайте, *пар* — дай, *ан пар (п=б)* — не давай, *ан парăр (анбарăр)* — не давайте, *парать* — дает, *ĕç* — работа, *ĕçе тух (ĕзедух)* — выходи на работу, *уç* — открывай, *уçать (ç=зь)* — открывает, *уçăр (ç=зь)* — открывайте, *сут* — продай, *сутать (т=д)* — продает, *сутăр (т=д)* — продайте, *пух* — собирай, *пухать (х=г* фрик.) — собирает, *тăпач* — цеп, *тăпачă (ч* звонк.) — его цеп, *ыраш* — рожь, *колхоз ырашĕ (ш=ж)* — колхозная рожь и т. д.

2) Чередование глухого *т* со звонким *ч* имеет место при присоединении к существительному с конечным *т* аффикса принадлежности 3-го лица *ĕ: ят* — имя, *ячĕ* (*ч* звонкое) — его, ее имя, *хут* — бумага, *хучĕ* — его бумага, *сĕт* — молоко, *ĕне сĕчĕ* (*ч* звонкое) — коровье молоко, *турат* — ветвь, *йывăç турачĕ* — ветвь дерева, *совет,* но *ял Совечĕ* — сельсовет, *хула Совечĕ* — горсовет и т. д.

3) Чередование звонкого *т* со звонким *ч* в 3-м лице единственного и множественого числа прошедшего категорического времени в глаголах с основой на *-л, -н, -р: ватăлтăм* (*т* звонкое) — я состарился, *ватăлчĕç* (*т* и *ч* звонкие) — они состарились, *килтĕм* — я пришел, *килчĕ* — он пришел, *пурăнтăм, пурăнчĕ* — я жил, он жил, *эпĕ çĕнтертĕм, вăл çĕнтерчĕ, вĕсем çĕнтерчĕç* (*ч* звонкое) — я победил, он победил, они победили и т. д.

Выпадение согласных звуков. Изменения согласных иногда принимают форму выпадения или исчезновения их

из слов. Довольно характерной чертой чувашского литературного языка в области консонантизма является выпадение коренного конечного *р* у десяти односложных глаголов во всех формах перед *т (=д), м, н, ч.* Глаголы эти следующие: *йĕр*—плакать, *кĕр* — входить, *кӳр* — носить, возить, *пар* — дать, *пер*—бросать, кидать, *пыр* — идти, *тăр* — стоять, *хур* — класть, *яр* — посылать, *шăр* — испускать мочу. Так как данное явление отражается и на орфографии, то оно сопровождается сильным видоизменением корня. Например: *патăм* — я дал (вм. *партăм*), *патăн, пачĕ, патăмăр, патăр, пачĕç; памарăм* — я не дал, *памарăн* и т. д.; *памастăп, памастăн, памасть* и т. д. — я не даю, ты не даешь, он не дает и т. д. Вообще *р* исчезает во всех лицах ед. и множ. числа в положительной и отрицательной формах прошедшего категорического времени, в отрицательных формах настоящего времени, будущего времени, сослагательного наклонения, уступительно-желательного наклонения и др.

Звук *р* также выпадает в следующих словах: *кăтарт* вм. *куртарт* или *кăртарт* (дер. Мало-Маклашкино Мариинско-Посадского р.) — показать, т. е. заставить видеть, *витле* вм. *виртле* (ср. тюрк. örtö) — дразнить, *шăши* вм. *шăрши* и др.

В устной речи в некоторых говорах совершенно не произносится звук *т* в следующих глагольных формах: а) в 3-м лице един. и множ. числа настоящего времени в отрицательной форме: *вуламас* (вм. *вуламасть*) — не читает, *ĕçлемес* (пишем *ĕçлемест*) — не работает, *пулăшмас(т)пăр* — не помогаем, *ĕçлемес(т)пĕр* — не работаем и т. д.; б) в 3-м лице ед. и мн. числа в отрицательной форме прошедшего несовершенного времени: *ĕçлемес(т)чĕ, пулăшмас(т)чĕ, ĕçлемес(т)чĕç, пулăшмас(т)чĕç* и т. д.

Можно отметить также спорадическое исчезновение звуков *н: миçе* (вм. *минçе*) — сколько, *мĕскер* (вм. *мĕнскер*) — что; *т(тă): улăх* (вм. *утлăх, утăлăх*) — *луг; л: итле* (вм. *илтле*), *утмăл* (вм. *ултмăл*), ср. *ултă* и т. д.

Выпадение слогов: *кӳллен* вместо *кӳлĕлен* — скопляться (о воде), *кӳлĕ*—озеро; *çиллен*—сердиться, вместо *çилĕлен; çилĕ — гнев, злоба* и др.

Отношение чувашских согласных к согласным других тюркских языков. Чувашская система согласных значительно отличается от общетюркской системы. Общетюркские согласные на чувашской почве подверглись существенным изменениям. Прежде всего чувашскому языку несвойственна глубокозаднеязычная артикуляция, поэтому согласные с такой артикуляцией здесь систематически видоизменялись.

1. Свойственное многим тюркским языкам заднеязычное *н,* представляющее собою аффрикату из *н* и *г,* в чувашском языке исчезло почти во всех положениях — и в начале, и в конце, и в середине слова. В современном литературном языке он

отражается или как *н* с переднеязычной артикуляцией или как *м*. Например:

чув.	ӑн	*тюрк.* ан(г)	понятливость
»	ӑнла	» ан(г)ла	понимать
»	ӑнсӑр	» ан(г)сыз	глупый, бестолковый
»	йӑнӑш	» ян(г)гыш, башк. ян(г)лыш	ошибка
»	ӑн	» ун(г), он(г)	удаваться
»	канаш	» кин(г)әш	совет
»	янӑр	» ян(г)гур, башк. янгырау	звучать
»	çанӑ	» ян(г), ен(г), жин(г)	рукав
»	тинĕс	» дин(г)әз, тин(г)ис	море
		» ден(г)из	
«	тӑн	» тен(г), тен	ровный, равный
»	тӑнла	» тын(г)ла	слушать внимательно
»	кӑмӑл	» кӧн(г)ӳл, кӳн(г)ил	сердечное расположение
»	çӑмӑл	» жин(г)ел, йен(г)ил,	легкий
»	тӑм—иней	» тун(г), тон(г)	мороз
»	ум	» он(г)	передняя часть
»	хулӑм	» калын(г)	толстый
»	хӑмӑр	» кон(г)ур, каз. конгырт	темно-бурый,
»	çумӑр	» ян(г)гыр	бурый дождь

Как редкое исключение, заднеязычное *н* (но не в виде аффрикаты *н* и *г* сохранилось в чувашском языке исключительно только перед заднеязычным *к*. Например:

чув.	çункав	*тюрк.* йон(г)га (*г* фрик.)	щепка
»	ункӑ	казах. унгы	кольцо (у столба, у дуги)
»	тунката	узбек. тунгак	пень
»	манка	*тат.* ман(г)ка	сопли
»	анкӑ-минкĕ	» ан(г)гыра, мин(г)гереў	беспамятный, бестолковый

2. Общетюркский глубокозаднеязычный взрывной звук *к* (=*q*) отсутствует в чувашском языке. Вместо него в современном чувашском языке во всех положениях систематически выступает спирант *х*. Например:

В начале слов

чув.	хуйхӑ	*тюрк.* кайгы, казгы	печаль, горе
»	хырӑм	» карын	живот, желудок
»	хурлӑхан	» карлыган	смородина
»	хӑта	» куда	сват
»	хурама	» карама	вяз
»	хултӑрчӑ	» калдырча	скальница
»	хут	» кат	слой, этаж
»	хытӑ	» каты	твердый, жесткий
»	хып	» кап	хватать (ртом)
»	хуш	» кош	прибавить, велеть
»	хурçӑ	» курч	сталь
»	хӑмач	» кумач	кумач и т. д.

В середине и в конце слов

чув.	сурӑх	*тюрк.* сарык	овца
»	хурах	» карак	разбойник
»	хӑлха	» кулкак, кулак	ухо
»	хĕрĕх	» кырык, кырк	сорок
»	юх	» ак	течь
»	улах	» аулак	уединенное место
»	уксах	» аксак	хромой
»	ухмах	» акмак	глупый
»	сухал	» сакал	борода
»	вучах	» учак	очаг
»	ухӑ—лук	» ок	стрела, пуля
»	хӑях	» кыяк	осока и т. д.

То же самое наблюдается и в арабских заимствованиях, где также глубокозаднеязычное *к* отражается на чувашской почве как *х*:

чув.	халӑх	*араб.* калык	народ
»	хӑват	» куат	сила, мощь
»	хула	» кала	крепость, город
»	хапӑл	» кабул, кабыл	принятие и т. д.

В иных случаях глубокозаднеязычный взрывной звук *к*, изредка, и спирант *г*, особенно когда они входят в состав словообразовательных аффиксов, в конце чувашских слов совсем исчезают. Например:

чув.	хӑйра	*тюрк.* кайрак	точило, брусок
»	хӑйма	» каймак	сливки
»	хӑна	» кунак	гость
»	тура	» тарак	гребень
»	пӳрне	» бармак	палец
»	çӑмха	» юмгак	клубок ниток
»	лаçӑ	» алачык	лачуга
»	ал, алӑ	» элик	рука

»	уҫă	»	ачык	открытый
»	вилĕ	»	ӧлӳк, ӳлек	мертвец
»	ĕне	»	инек, нек	корова
»	ала	»	элек, илəк, элиг	решето
»	ҫар	»	шериг	войско
»	йӳҫĕ	»	ачыг	горький и т. д.

Наблюдаются также случаи выпадения указанных задненебных (иногда и средненебных) согласных по преимуществу в положении после согласных и в середине чувашских слов. Например:

чув.	пăтă	*тюрк.*	бутка	каша
»	пултран	»	балтырган	борщовник
»	ҫулăм	»	ялкын	пламя
»	тылă	»	талкы	трепалка, мялка
»	тилĕ	»	тӳлкӳ, тӳлгӳ	лисица
»	ҫутă	»	якты	свет
»	ӳсĕр	»	оксӳр	кашлять и т. д.

3. Средненебное тюркское *к*, а иногда и задненебное (но не глубокозадненебное), остается в чувашском языке без изменения, как *к* же. Напр.:

чув.	кĕске	*тюрк.*	кыска	короткий
»	кĕве	»	куя, кӳе, гӳве	моль
»	кӳкĕрт	»	кӳкерт, кӳкӳрт	сера
»	кăпăк	»	көбӳк	пена
»	кăмрăк	»	кӳмер, гӧмӳр	уголь
»	кĕпер	»	кӳпер, көпрӳ	мост
»	капан	»	кибəн	скирд
»	кӳлĕ	»	көл, гӧл	озеро и т. д.

4. Весьма редкое явление представляет в языкознании фонетическое изменение звука *к* в *й*, наблюдаемое в чувашском языке. Общетюркское начальное *к* в небольшой группе слов на чувашской почве перешло в *й*. Например:

общетюрк.	кар	*чув.*	юр (йур)	снег
»	кан	»	юн	кровь
»	кал	»	юл	остаться
»	кын	»	йĕнĕ	ножны
»	койу, куйы	»	йăвă	густой
»	кам	»	юмҫă	ворожея
»	кабса (половецк.) ящик, араб. кафас клетка	»	йĕпсе	маточник (маленький ящик для матки пчел)

общетюрк.	кыкырыгчы (Радл. слов. II, 707)	»	йыхравҫă	глашатай
»	кыпкын — темный	»	йĕпкĕн хура	совершенно черный
»	кетен	»	йĕтĕн	лен
»	букагы, быгау, баг	»	пăяв	веревка, кандалы и др.

Происхождение этого явления неясно. Рамстетд объясняет его смягчением звука *к* на чувашской почве[1].

5. Наиболее типичной особенностью чувашской системы согласных в отличие от общетюркской является наличие здесь звуков *р* и *л* там, где все остальные тюркские языки, не исключая и якутского, имеют соответственно *з* и *ш*. Например:

чув.	хĕр	*тюрк.*	кыз	дочь, девушка
»	хăнтăр	»	кундуз	выдра, бобр
»	хур	»	каз	гусь
»	хуран	»	казан	котел
»	пăр	»	буз, боз, пус	лед
»	пыр	»	бугаз, богаз	горло
»	ҫыр	»	йаз (яз), джаз	писать
»	вăкăр	»	ӳгез, окӳз	бык, вол
»	ăмăр	»	тур. omuz	плечо
»	ҫăвар	»	aʒız	рот
»	ҫĕрĕ	»	yüzük	кольцо
»	самăр	»	semiz	жирный
чув.	ҫăлтăр	*тюрк.*	йылдыз	звезда
»	тăвар	»	тоз, туз	соль
»	вăтăр	»	утыз, отуз	тридцать
»	ҫĕр	»	йӧз, йӳз	сто и т. д.
л‖ш чув.	хĕл	»	кыш	зима
»	кĕмĕл	»	кӧмӧш, гӳмӳш	серебро
»	алăк	»	ишек, эжик	дверь
»	утмăл	»	алтмыш	шестьдесят
»	ҫитмĕл	»	етмиш	семьдесят
»	тĕлĕк	»	тӧш, тӳш	сновидение
»	тĕл	»	тӧш, тӳш	место
»	тул	»	тыш, дыш	наружный
»	тăлă	»	тушак	путы
»	пиллĕк	»	биш	пять
»	чул	»	таш	камень
»	илт	»	ишет, ишет	слышать и т. д.

[1] Ramstedt. Zur Frage nach der Stellung des Tschuwassischen. JSFOu XXXVIII, 1—34. 1922—23.

Подробности о происхождении в чувашском языке ротацизма и ламбдацизма см. в нашей работе «Введение в изуч. чув. яз.», стр. 19—21; ср. G. Ramstedt. Zur Frage nach der Stellung des Tschuwassishen. JSFOu XXXVIII, 1—34, 1922.

5. Древнетюркская аффриката *дзь, джь,* отражающаяся в разных тюркских языках в виде то *й (j),* то *ч,* то *джь,* то *дь* в чувашском языке проявляется как *ҫ*. Например:

чув. *ҫул*	тат. *йул,* тур. *йол,* шор. *чол,* ойр. *дьол,* кирг. *жол*	дорога
» *ҫулăм*	тат. *йалкын,* тур. и уйг. *йалын*	пламя
» *ҫĕр*	каз. *йир,* тур. *йер,* балк. и карач., кирг. *жер,* шор. *чер,* ойр. *дьер*	земля
» *ҫăка*	башк. *йўке,* карач. *джеге*	липа
» *ҫук*	тат. *йук,* тур. *йок,* кирг. жок, шор. *чок,* ойр. *дьюк*	нет
» *ҫĕлен*	тат. *йелен,* тур. *йылан,* кирг. *жылан,* ойр. *дьылан*	змея
» ҫил	тат. *йил,* тур. *йел,* шор *чел*	ветер
» *ҫит*	тат. *жит,* ойр. *дьет,* шор. *чет*	достигать, доходить
» *ҫиччĕ*	тат. *йиде,* тур. *йеди,* шор. *четти*	семь
» *ҫĕр*	тур. yüz	сто и т. д.

6. Своеобразной особенностью чувашского языка, общею с некоторыми тюркскими языками, является также переход древнетюркского фрикативного *г* в *в* в положении между гласными и стяжение его вместе с сопровождающими его гласными в *у* в конце слова и перед согласными. Напр.:

чув. *ывăл*	тур. *огул,* тат. *ул*	сын
чув. *тăван*	тур. *доган,* каз.-тат. *туган*	родной
» *тăвар*	кирг. *богар,* каз.-тат. *тугар*	распрягать
» *йĕвен*	башк. *йўгăн,* каз.-тат. *йөгән*	узда
» *шăвар*	тюрк. *сугар,* тат. *сугар*	поить, орошать
» *ҫывăх*	др.-тюрк. *ягук,* тркм. *йовык*	близкий
« *ав*	тур. *иг,* тркм. *эг*	гнуть
» *йывăр*	тур. *агыр,* тат. *авыр*	тяжелый, трудный
» *сăв, су*	тур. *саг,* койб. *саг,* каз. *сау*	доить
» *хăв, ху хăвала*	тур. *ков, ковала*	гнать
» *тăв, ту*	др.-тюрк. *таг,* азерб. даг., тат. *тау*	гора
» *пĕвер*	уйг. *багыр,* каз.-тат. *бауыр*	печень и т. д.

4. СЛОГ И УДАРЕНИЕ

Один или несколько звуков, произносимых одним выдыхом (отдельным напором выдыхаемого воздуха), составляют слог. Звук, который произносится в слоге с наибольшей силой, называется слоговым или слогообразующим. Слогообразующими бывают гласные звуки. Каждый гласный звук и без согласных может образовать слог, а согласные без гласных в чувашском языке не могут образовать слога. В слове обычно столько слогов, сколько в нем гласных звуков. Например, в словах *вăл, хам, пур, ан, ил, ҫи, ку* — имеем по одному слогу, в словах *э-пĕ, э-пир, пу-лă, ла-ша, ху-рăн* — по два слога, в словах же *кол-хозник, Шу-паш-кар, ву-ла-ччăр* — по три слога. Слова по числу слогов бывают односложные, двухсложные, трехсложные, четырехсложные, пятисложные и т. д. Слова, состоящие более чем из двух-трех слогов, называются многосложными. Слог, оканчивающийся на гласный звук, называется открытым: *ху-ра-ма;* слог же, оканчивающийся на согласный, называется закрытым: *ҫук, вăрман.*

Среди слогов в слове один всегда произносится с большей силой, с большей напряженностью атикуляции, чем остальные. Такое выделение одного слога как главного по силе называется экспираторным ударением слов. В чувашском языке, как и в других тюркских языках, нет резкой разницы между слогами ударяемыми и неударяемыми. Как те, так и другие произносятся и слышатся одинаково ясно и отчетливо. В чувашском языке, в отличие от русского, ударение почти не изменяет качественной стороны гласных звуков. Общим правилом является то, что в современном литературном языке ударение падает на последний слог слова: *хулá* — город, *вăрмáн* — лес, *купăстá* — капуста, *ҫуркуннé* — весною и т.д.

От этого общего правила бывают некоторые отступления:
1) Редуцированные гласные *ă* и *ĕ* при наличии в слове гласных полного образования в литературном языке не принимают на себя ударения. По этой причине, если конечный слог содержит в себе редуцированный гласный, то ударение переносится на предпоследний слог с гласным полного образования. Если же и предпоследний и третий от конца слоги с редуцированными гласными, то ударение последовательно переносится на предыдущие слоги с нередуцированными гласными — на третий, четвертый, пятый и т. д. слоги. Таким образом, в современном чувашском литературном языке ударение может стоять не только на последнем слоге, но и на предпоследнем: *хáлăх* — народ, *кýрăк* — трава, *сýрăх* — овца, *сéнĕк* — вилы, *пúллĕк* — пять и т. д., на третьем от конца слоге: *сýлăнкă* — раскат, *вырăнлă* — уместно, *ҫúччĕмĕш* — седьмой, *сáккăрăн* — ввосьмером и т. д., на четвертом слоге: *вýлăттăмăр* — читали бы, *вúлĕттĕмĕр* —

умерли бы, на пятом слоге: *çа́пăçăттăмăр* — сражались бы, *ки́лĕшĕттĕмĕр* — согласились бы, на шестом месте: *çы́рăнăттăмăрччĕ* — записались бы, *пу́рăнăттăмăрччĕ* — жили бы, на седьмом месте: *та́вăрăнăттăмăрччĕ* — возвратились бы и т. д.

2) Если же слово состоит исключительно из редуцированных гласных, то ударение в литературном языке бывает на начальном слоге. Напр.: *ҫа́кăр* — хлеб, *па́хăр* — медь, *кӗ́мӗл* — серебро, *пӗ́лтӗр* — в прошлом году, *пӗ́лӗпӗр* — узнаем, *ша́нмăттăмччĕ* — я не мерз бы и т. д.

Общее правило об ударении частично нарушается также энклитиками и проклитиками. Энклитиками называются безударные слова или частицы, примыкающие к предшествующему слову и образующие с ним одно целое в отношении ударения. Энклитиками в чувашском языке становятся: а) глаголы в отрицательной форме повелительного наклонения. Частица *ан*, при помощи которой образуется эта форма, перетягивает ударение на себя, а самый глагол остается без ударения. По-видимому, это делается с целью обратить внимание на отрицание. Например: *а́н пар* — не давай, *а́н парăр* — не давайте, *а́н патăр* — пусть не дает, *а́н паччăр* — пусть не дают, *а́н ил* — не бери, *а́н кул* — не смейся, *а́н ӗҫ* — не пей, *а́н тив* — не трогай и т. д.

б) Слово *хут* — раз при числительных количественных. Например: *пӗр хут* — один раз, *ика́ хут* — два раза, *виҫ хут*, *тăва́т хут*, *вуҫ хут*, *сӗр хут* и т. д.

в) В превосходной степени, которая образуется или с помощью слов *чи, питӗ, ытла, шутсăр, майсăр* и др., или же с помощью препозитивной частицы, представляющей собой повторение начального слога прилагательного с губным согласным *п*, ударение всегда перетягивается на указанные усилительные слова или на префиксальную частицу, а само прилагательное становится энклитикой. Например: *чи́ пысăкки* — самый большой, *пи́тӗ усăллă* — очень полезный, *ытла́ харсăр* — очень храбрый, *шу́тсăр вăйлă* — необычайно сильный, *си́п-симӗс* — совершенно зеленый, *я́п-яка* — совершенно гладкий:

Тусем-сăртсем хуп-хура
Юрӗ кайса пӗтнӗрен,
Тухать курăк çăп-çăра
Хӗвел хыта хӗртнӗрен.
Ешӗл курăк хушшинче
Сап-сарă чечек ӳсет...

К. Иванов.

г) Частицы *та* и *те*, играющие роль и соединительных союзов и усилительных частиц. Например:

Ун а́кнă та, вы́рнă та,
Пуҫта́рнă та, ҫа́пнă та...

Шелепи.

д) Постпозитивные частицы *-ха* и *-çке*. Например:

Çĕлен пĕрре ви́лĕ-ха.
Ӗмĕрлĕхе пĕтĕ-ха.

Шелепи.

Унта мана пĕлĕн-çке;
Ху курасне ку́рăн-çке.

К. Иванов.

е) Вопросительные частицы *-и* и *-ши:*

Пушмак çук-и хĕрĕмĕн?
Çӳрет-и вăл тенкĕсĕр?

К. Иванов.

Çимĕк хăҫан çитĕ-ши?
Çимĕк кунĕ инҫе-ши?

К. Иванов.

Проклитиками называются слова, теряющие собственное ударение и примыкающие в отношении ударения к последующему слову. Напр., слова, стоящие перед отрицательной частицей *мар*, теряют свое ударение: *çын ма́р* — не человек, *хут ма́р* — не бумага, *ман ма́р* — не мой, *сан ма́р* — не твой, *хура ма́р* — не черный, *ир мар* — не рано, *эсир çĕҫ килтĕр* — только вы пришли.

Что касается утверждения Радлова о двойном ударении в тюркских языках [1], то оно остается в силе и в отношении чувашского языка. Здесь также в многосложных словах иногда можно обнаружить второстепенное, слабое ударение (в сложных словах).

Место ударения в чувашском языке колеблется также по диалектам. В низовом наречии оно почти всегда падает на последний слог независимо от того, состоит ли он из гласного полного образования или редуцированного. Например: *пысăк* — большой, *çăкăр* — хлеб, *мăйăр* — орех, *хăйăр* — песок, *вырăс* — русский, *кăмăл* — сердечное расположение, милость и др.

В заимствованных в новейшее время из русского языка или через посредство русского языка словах ударение остается на своем месте. Например: *пролетариа́т, диктату́ра, коммуни́зм, социали́зм, прези́диум, поли́тика, институ́т, дире́ктор, телегра́мма, сове́т, председа́тель, секрета́рь, портфе́ль* и т. д.

Мы изложили ряд соображений относительно чувашского ударения, число их можно было бы значительно увеличить, но задачи настоящего учебного пособия заставляют воздержаться от рассмотрения спорных, сомнительных случаев. Вообще чувашское ударение совершенно не изучено, не разработано, оно ждет своего исследователя.

---

[1] W. Radloff. Phonetik der nördlichen Türksprachen, 1882–83, S. 97.

5. ЧУВАШСКАЯ ОРФОЭПИЯ

Орфоэпией называется совокупность правил, определяющих как нормы литературного произношения, так и нормы правильного литературного использования грамматических форм и правильного синтаксического построения речи. В основу чувашского литературного произношения легло низовое произношение, поскольку новая чувашская письменность зародилась и развивалась среди низовых чувашей в г. Ульяновске и основателями и первыми деятелями ее были чуваши, говорившие на низовом диалекте. Верховые элементы, хотя и проникали сюда, но сравнительно слабо. Только после Великой Октярьской социалистической революции, когда столицей Чувашской республики сделался город Чебоксары в районе сплошного верхового наречия, в чувашский литературный язык начинают сильнее проникать элементы верхового диалекта.

В настоящее время орфоэпические нормы постепенно вырабатываются в чувашском языке. Они сводятся к следующим требованиям:

1) Последовательное проведение в природных словах низового уканья, т. е. произношение в начальном слоге *у*, а не *о*, как в верховом наречии: *укҫа* — деньги, *уксах* — хромой, *пуҫ* — голова, *сухал* — борода, а не *окҫа, оксах, поҫ, сохал* и т. д.

2) В глагольных аффиксах *-мастпăр, -местпĕр, -мастчĕ, -местчĕ, -мастчĕҫ, -местчĕҫ* звук *т* не произносится: *ăсатмас(т)пăр* — не провожаем, *хатĕрлемес(т)пĕр* — не приготовляем, *ăсатмас(т)чĕ, хатĕрлемес(т)чĕ, ăсатмас(т)чĕҫ, хатĕрлемес(т)чĕҫ* — бывало не провожали, не приготовляли и т. д.

3) Точно так же при употреблении некоторых глагольных форм с вопросительной частицей *-и* при произношении систематически выпадают (т. е. произносятся) некоторые звуки:

а) не произносятся звуки *ă* и *ĕ* во 2-м л. ед. числа настоящего времени в положительных формах: *вулатни?* (пишется *вулатăн-и*) — читаешь ли? *ĕҫлетни* (пишется *ĕҫлетĕн-и?*) — работаешь ли?

б) не произносятся слоги *тă* и *тĕ* во 2-м лице ед. ч. наст. вр. в отриц. фор.; *вуламасни?* (пишется *вуламастăн-и*) — не читаешь ли? *ĕҫлемесни?* (вм. *ĕҫлеместĕн-и*) — не работаешь ли?

в) не произносятся звуки *т* и *ĕ* в отриц. форме 3-го л. ед. ч. прош. несов. вр.: *вуламаҫчи?* (пишется *вуламастчĕ-и*), *ĕҫлемеҫчи?* (вм. *ĕҫлеместчĕ-и*) и т. д.

4) Глаголы в третьем лице единств. числа настоящего времени оканчиваются на *т* мягкое: *вулать, ҫырать, тăрăшать* и т. д. Наблюдаемое же в отдельных диалектах твердое произношение конечного *т* в этой форме, как *вулат, ҫырат, тăрăшат*, сильно нарушает нормы литературного произношения.

5) **Противоречат** нормам литературного произношения:

а) употребление представителями отдельных говоров аффикса множ. числа *сем* и послелога *пек* в непривычной для литературного языка твердой разновидности в виде *сам* и *пак* в словах с гласными заднего ряда: *ҫынсам* — люди, *ачасам* — дети, *лашасам* — лошади, *ҫын пак, ҫынсам пак* — как люди, *ачасам пак, лаша пак* — как лошадь, *ман пак* — как я и т. д. Хотя формы эти появились согласно закону гармонии гласных, но не допускаются в литературном языке;

б) произношение у десяти односложных глаголов на *р* звука *р* в тех глагольных формах, в которых он давно исчез в литературном языке и даже не отражается в орфографии, но случайно уцелел в отдельных говорах: *партăм* — я дал, *парнă* — дано, *пармашкăн, пармарăм, яртăм, ярнă, ярмарăм, пертĕм, пермерĕм* и т. д.

в) употребление отрицательной частицы *мер* (вм. литературного *мар*) при словах с гласными переднего ряда: *пиччe мер* — не брат, *ĕне мер* — не корова, *ҫĕнĕ мер* — не новый и т. д.

г) употребление глагольных форм *ҫиятăп, ҫиятăн, ҫиять, ҫиятпăр* — ем, ешь, ест и т. д.; *тиятăп, тиятăн* — нагружаю, нагружаешь и именных форм *ҫиял* — верхняя часть, *лашайăн, лашая, ĕнейăн, ĕнея* и т. д. вместо *ҫиетĕп, ҫиетĕн..., тиетĕп, тиетĕн, тиет, ҫиет, лашан, лашана, ĕнен, ĕнене* и т. д.

д) употребление верховой формы возможности: *парăмастăп, парăмастăн, парăмасть, парăмастпăр, парăмарăм, парăмарăн, килăмастăп, килăмарăм, килăмарăн..., илăмастăп, илăмарăм, илăмарăн* вм. литературных форм *параймастăп, параймастăн, параймарăм* — я не имею возможности дать, я, ты... не имел визможности дать, *килейместĕп* — я не имею возможности приехать и т. д.

е) употребление глагольной формы 2-го лица множ. числа настоящего времени с диалектным долгим *т (тт)* вместо обыкновенного звонкого *т (д)*. Нельзя произносить: *эсир халĕ вулаттăр, ҫыраттăр, ĕҫлеттĕр*, следует произносить: *эсир халĕ вулатăр (вуладăр), ҫыратăр, ĕҫлетĕр*.

ЛИТЕРАТУРА

У. Ш. Байчура. Некоторые кимографические данные о длительности гласных и о звонкости и длительности согласных. Ученые записки ЧНИИ, вып. XVIII, Чебоксары, 1958.

У. Ш. Байчура. К вопросу о характере словесного ударения в чувашском языке. В кн. «Тюркологические исследования». М.-Л., 1963.

А. С. Уськин и *И. А. Андреев.* О соотносительных рядах согласных фонем в современном чувашском литературном языке. Ученые записки ЧНИИ, вып. XVI, Чебоксары, 1958.

Е. Н. Степанова. Звуковой состав чувашского языка в сравнении с немецким. Ученые записки 1-го Московского государственного педагогического института иностранных языков, т. VIII, 1954.

Б. А. Серебренников. Два вопроса исторической фонетики чувашского языка. Ученые записки ЧНИИ, вып. XXVII, Чебоксары, 1964.

Б. А. Серебренников. К истории звуков чувашского языка. Ученые записки ЧНИИ, вып. XIV, Чебоксары, 1956.

Б. А. Серебренников. О двух возможных причинах сонаризации интервокальных глухих согласных в чувашском языке. «Проблемы сравнительной филологии». Сб. статей к 70-летию чл.-корр. АН СССР В. М. Жирмунского. М.-Л., 1964, стр. 229—232.

Причинами сонаризации интервокальных согласных в чувашском языке автор считает: 1) чисто внутреннее, самобытное явление, поскольку позиция согласного в положении между гласными создает особо благоприятные условия для озвончения согласного, 2) чрезвычайно развитое в чувашском языке внешнее сандхи.

Б. А. Серебренников. О взаимосвязи языковых явлений и их исторических изменений. «Вопросы языкознания», 1964, № 3, с. 19—31.

Чувашский язык приобрел абсолютно глухое начало слова под влиянием марийского субстрата. Оглушение звонких в начале слова в свою очередь вызвало в языке целый ряд других фонетических изменений.

Б. А. Серебренников. О явлениях компенсации в истории развития звуков чувашского языка. Ученые записки ЧНИИ, вып. XXVIII, Чебоксары, 1965

Сущность компенсации заключается в следующем: если в языке исчезает полностью или частично звук одного типа, то вместо него через некоторое время в языке появляется новый звук того же типа (стр. 12).

В. И. Котлеев. Система гласных фонем чувашского языка. Ученые записки ЧНИИ, вып. XXVI, Чебоксары, 1963.

В. И. Котлеев. Два типа чередования в системе гласных чувашского литературного языка (в фонологическом аспекте освещения). Ученые записки Чувашского гос. пединститута им. И. Я. Яковлева, вып. XXII, Чебоксары, 1965.

В. И. Котлеев. К вопросу о составе согласных фонем чувашского языка. Ученые записки ЧНИИ, вып. XXVIII, Чебоксары, 1965.

Л. С. Левитская. О чувашских именных основах с конечными *ă, ĕ.* Ученые записки ЧНИИ, вып. XXVIII, Чебоксары, 1965.

Автор предполагает, что появление добавочных и исчезновение этимологических гласных в словах типа *йытă* «собака», *ухă* «стрела» связаны с действием следующих факторов: а) большим удельным весом в лексике двусложных основ с открытым конечным слогом; б) тенденцией к открытым конечным слогам в низовых говорах; в) неустойчивостью гласных *ă, ĕ* (особенно в безударном положении); г) выравниванием слов по «сильным» моделям; д) фонетикой и структурой словосочетания.

Л. С. Левитская. Заметки о чувашском консонантизме. Ученые записки ЧНИИ, вып. XXVIII, Чебоксары, 1965.

Н. П. Петров. Некоторые наблюдения над фонетическим развитием чувашского литературного языка в советский период. Ученые записки ЧНИИ, вып. XXXII, Чебоксары, 1966.

Н. П. Петров. Библиографический указатель литературы по фонетике чувашского языка, изданной на русском и чувашском языках (1756—1966). Ученые записки ЧНИИ, вып. XXXII, Чебоксары, 1966.

В. Г. Егоров. Библиографический указатель литературы по чувашскому языку. Чебоксары, 1931.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

азерб. — азербайджанский язык
алт. — алтайский язык
араб. — арабский язык
б., букв. — буквально
башк.— башкирский язык
вин. опр.— винительный определенный падеж
гагауз.— гагаузский язык
дат. пад.— дательный падеж
диал.— диалектный, диалектически
др.-тюрк.— древние тюркские языки, оставившие орхоно-енисейские памятники
казах.— казахский язык
кирг.— киргизский язык
к.-калп.— каракалпакский язык
Куд. бил.— Кудатгу билиг, памятник древнеуйгурского языка XI века
лаб.— лабиализованный
манс.— мансийский язык
мар.— марийский язык
мокш.— мокшанский язык
монг.— монгольский язык
М. Кашг.— Махмуд Кашгарский. Диван люгат ат-тюрк., памятник XI века. C. Brockelmann. Mitteltürkischer Wortschatz, 1928.
ойр.— ойротский язык
перс.— персидский язык
ред.— редуцированный
сл. Радл.— словарь Радлова
тат., каз.-тат.— татарский язык, казанско-татарский язык
туркм.— туркменский язык
тур.— турецкий язык
тюрк.— тюркские языки
удм.— удмуртский язык
узб.— узбекский язык
уйг.— уйгурский язык
хак.— хакасский язык
хант.— хантыйский язык
чаг.— чагатайский язык
чув.— чувашский язык
шор.— шорский язык
эрз.— эрзянский язык
якут.— якутский язык

При сравнениях и сопоставлениях чувашских слов со словами других языков автор пользовался следующими словарями:

В. Вербицкий. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Казань, 1884.

Э. К. Пекарский. Словарь якутского языка, 1907—1930.

И. А. Подгорбунский. Русско-монголо-бурятский словарь. Иркутск, 1909.

А. Алиеев и **К. Бориев.** Русско-туркменский словарь. Ашхабад, 1929.

К. Д. Громатович. Русско-узбекский словарь, 1929.

Г. Бегалиев и **М. Гаврилов.** Казахско-русский словарь, 1936.

Русско-татарский словарь. 2-е изд., Казань, 1940.

Монгольский словарь Мукаддимат ал-адаб. Труды Института востоковедения Ак. наук СССР, XIV, 1938—1939.

В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, 1893—1911.

Кроме того, автор пользовался словарями тюркских, монгольских и финно-угорских языков в изданий Государственного издательства иностранных и национальных словарей.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

I. Чувашский язык — один из древнейших тюркских языков

1. Происхождение чувашей 4
2. Типичные особенности чувашского языка . . . 24
3. Источники изучения чувашского языка . . . 28
4. Грамматические труды по чувашскому языку . . 41
5. Зарождение чувашского литературного языка . . 48
6. Диалекты чувашского языка и их особенности . . 55

II. Лексика

1. Словарный состав современного чувашского литературного языка 65
2. Природные слова в современном чувашском языке . 72
3. Заимствованные слова в чувашской лексике . . 98
4. Исторические изменения в лексике чувашского языка 118
5. Словари чувашского языка 122

III. Фонетика

1. Введение 126
2. Вокализм 130
3. Консонантизм 172
4. Слог и ударение 197
5. Чувашская орфоэпия 200

Василий Георгиевич Егоров

СОВРЕМЕННЫЙ ЧУВАШСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

Спец. редактор И. А. Андреев.
Редактор **Ю. Г. Григорьев.**
Технический редактор А. Ф. Никитина.
Корректоры **Л. Г. Секликова** и
В. П. Герасимова.

НТ 02232. Сдано в набор 16/XII-1969 г.
Подписано к печати 23/III-1971 г.
Изд. № 173/70 г. Формат 60×90 1/16.
Типографская № 2. Физ. печ. л. 12,75. Уч-изд. л. 12,96. Тираж 2000 экз. Заказ № 1633.
Цена 1 руб. 6 коп.

Чувашкнигоиздат, Чебоксары, пр. Ленина, 4

*

Типография № 1 Управления по печати при Совете Министров Чувашской АССР
Чебоксары, Володарского, 5.